

Сахалинский государственный университет

В. И. МУМИНОВ

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ
В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»**

Монография

Южно-Сахалинск
2011

УДК 821.161.1Идиот08Достоевский(035.3)
ББК 83.3(2Рос=Рус)1–8Достоевский Ф. М.
М 90

Серия «Монографии ученых
Сахалинского государственного университета»
основана в 2003 году.

**М 90 Муминов В. И. Стилистические функции частиц в романе
Ф. М. Достоевского «Идиот»: монография. – Южно-Сахалинск: изд-
во СахГУ, 2011. – 240 с.**

ISBN 978-5-88811-369-1

В монографии исследована роль частиц в конкретном художе-
ственном тексте – романе Ф. М. Достоевского «Идиот», выявлены
принципы отбора языковых и стилистических средств, участвую-
щих в построении отдельного фрагмента языковой картины мира.

В контексте современных лингвистических исследований впервые
представлено теоретическое обоснование стилистической функции как
части стилистической системы; определена и экстралингвистически
обоснована языковая сущность данного феномена; осуществлен анализ
стилистических свойств частиц (разных функциональных типов) в ху-
дожественном тексте; выявлены наиболее употребительные (частотные)
частицы, входящие в систему средств идиостиля Ф. М. Достоевского.
Также разработана принципиально новая классификация стилистиче-
ских функций частиц с учетом семантики и функции единиц: акценти-
рующая, экспрессивная, эмотивная, аксиологическая, ретардацион-
ная, суггестивная; установлено, что употребление широкого круга ча-
стиц, привлекаемых Ф. М. Достоевским для решения стилистических
задач, позволяет считать их специфическими языковыми средствами,
участвующими в реализации стилистических функций, создании ин-
дивидуального стиля писателя.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры современного
русского языка ГОУ ВПО «Дальневосточный федеральный универ-
ситет» *Е. А. Стародумова;*

доктор педагогических наук, профессор ГОУ ВПО «Сахалинский
государственный университет» *П. В. Середенко.*

9 785888 113691

© Сахалинский государственный
университет, 2011
© Муминов В. И., 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. Частицы как объект исследования в современной лингвистике	9
1.1. Основные этапы изучения частиц русского языка ..	9
1.2. Состав и классификация частиц в современном русском языке	14
1.3. Многоаспектность изучения частиц.....	16
1.4. Стилистический аспект изучения и описания частиц	19
ГЛАВА II. Особенности языковой и стилистической манеры Ф. М. Достоевского.....	28
2.1. Изучение языка и стиля Ф. М. Достоевского в отечественной филологии	28
2.2. Особенности языка и стиля романа Ф. М. Достоевского «Идиот»	34
2.2.1. Языковые и стилистические средства выражения максимальной экспрессии	34
2.2.2. Языковые и стилистические средства акцентуации признака неопределенного содержания	57
2.2.3. Языковые и стилистические средства максимального проявления признака неуправляемости	63

ГЛАВА III. Стилистические функции частиц в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» как отражение индивидуальной манеры писателя.....	72
3.1. Основные составляющие стилистических функций	72
3.2. Акцентирующая функция частиц	79
3.3. Экспрессивная функция частиц	120
3.3.1. Соотношение экспрессивного и эмоционального	120
3.3.2. Экспрессивность частиц.....	124
3.4. Эмотивная (эмоциональная) функция частиц ...	145
3.5. Аксиологическая (оценочная) функция частиц.	158
3.6. Ретардационная функция частиц	175
3.7. Суггестивная функция частиц	183
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	192
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	203

ВВЕДЕНИЕ

Ф. М. Достоевский [1821–1881 гг.] велик тем, что ему удалось создать вечные шедевры – памятники жизни русской, униженной и оскорбленной социальной несправедливостью, одинокой и беспомощной. Одним из таких памятников является роман «Идиот». «Усиленный психологизм» [Сими́на, 1957, с. 106] художественного творчества Ф. М. Достоевского, предельная углубленность психоанализа, познание «души человеческой в ее изломе» [Бахтин, 1963, с. 13], непостижимое «искусство проникновения в вечную драму “промежуточного” сознания человека воплотились в неповторимом языковом строе <...>» [Сердюченко, 1999, с. 180], в котором господствует ни на что не похожий, но безошибочно узнаваемый «элемент Достоевского», который легче почувствовать, нежели определить.

Создавая свое произведение, Достоевский использовал самые разнообразные языковые элементы. Включенные в ткань художественного произведения, они являются ярким стилистическим средством, поскольку: а) придают ему образность, выразительность, эстетическую ценность, национальную самобытность; б) обогащают стилистическую палитру произведения, усиливая эмоциональную тональность и насыщая лиризмом и динамизмом; в) становятся орудием создания идиостиля писателя, художественных образов, колоритной авторской речи и речи героев, портретных зарисовок и т. д.; г) дают возможность «почувствовать» слово во всем его многообразии, обнаружить скрытые смыслы, «фразы-тени» и т. п.

К их числу относятся частицы, которые «максимально отвечают за удачу общения» [Николаева, 1985, с. 14], «употребляются субъектом речи для того, чтобы приспособить объективную информацию к условиям речевого акта» [Ста-

родумова, 2002, с. 260], «являются активным выразителем скрытых, субъективных, и явных, объективных, смыслов эмоциональных оценок и усиления их качества, участвуя тем самым в реализации коммуникативных намерений говорящего» [Маркелова, 1995, с. 94].

Способность одновременно информировать адресата, устанавливать контакт с собеседником, связывать данное высказывание с предыдущим, сравнивая и/или оценивая его, выражать конкретные чувства или их комплекс, оказывая тем самым воздействие на собеседника, определяет сложную динамику стилистических функций частиц, увидеть которую можно только в конкретном продукте речевой деятельности – высказывании, отражающем взаимоотношения говорящего и слушающего, контекста и речевой ситуации, поскольку «только контакт языкового значения с конкретной реальностью, только контакт языка с действительностью, который происходит в высказывании, порождает искру экспрессии» [Бахтин, 1963, с. 266], обуславливает употребление как особых языковых и речевых форм, так и особые стилистические функции.

Вместе с тем вопрос о стилистических функциях частиц в разных стилях и типах речи, о выборе частиц в решении «стилистического впечатления» [Скребнев, 1975, с. 21], конкретного стилистического задания специально не ставился. Можно сказать, что изучение стилистических свойств частиц, их роли в создании идиостиля писателя в отечественном языкознании только начинается, находится на начальной ступени развития.

Существует небольшое число работ, посвященных исследованию стилистических свойств служебных слов, описанию отдельных стилистических функций языковых единиц [см.: Сими́на, 1957; Лаптева, 1968, 1975, 1976; Сиротинина, 1968; Болдырев, 1968; Неверова, 1973; Нечаева, 1974; Матвиевская, 1978; Винокур, 1980; Ярнатовская, 1982; Порошина, 1984; Арутюнова, 1988, 1996, 1997; Колокольцева, 1997; Кортава, 2003; Бирюкова, 2007 и др.]. Однако системное исследование стилистических функций частиц в художественном тексте никем не представлено.

Трудность исследования и определения стилистических функций частиц состоит в том, что, во-первых, несмотря на широкое употребление, понятие «стилистическая функция» не имеет общепринятого определения; во-вторых, проблема стилистических функций выходит за рамки лингвистических

исследований, вторгаясь в область психологии речи; в-третьих, стилистическая функция, локализуемая в психике индивида, по-своему уникальна и специфична, поскольку представляет собой порождение индивидуальных ассоциаций, индивидуальной языковой компетенции и др., «идейное воздействие на целостную личность читателя, а не только на его логическое мышление» [Арнольд, 1970, с. 11].

В связи с расширением сферы изучения языка в динамике, особенностей разговорной речи, языка, «обработанного мастерами» (М. Горький), спецификой идиостиля того или иного автора, лингвистикой, психолингвистикой и стилистикой текста и т. п. проблема стилистических функций вызывает особый интерес со стороны исследователей, перед которыми стоят задачи установления средств системы и языка, служащих преимущественно для выражения той или иной функции, комплексного изучения способов выражения стилистических функций, выдвигающего на первый план взаимосвязь языка, содержания произведения и особенностей идиостиля писателя.

Частицы как лексико-грамматический разряд слов являются достаточно сложными в семантическом и функциональном отношениях языковыми единицами, поэтому вполне объясним тот факт, что, несмотря на давность традиции их изучения, многие вопросы продолжают вызывать значительный интерес со стороны отечественных и зарубежных исследователей, обнаруживающих все новые и новые неизученные стороны у этого объекта. Открытость отдельных вопросов, касающихся области исследования частиц, сказывается и на изучении этой категории слов в языке художественной литературы (в частности, их стилистических функций).

В данном исследовании мы представляем отдельные стилистические функции частиц разных функциональных типов, руководствуясь следующими принципами:

1. Отбираем частицы, наиболее распространенные в тексте романа Ф. М. Достоевского «Идиот», ярко и непосредственно проявляющие свойства, характерные для определенной стилистической функции, индивидуального «почерка» данного писателя (обладая способностью к соотнесению смысла конкретного художественного текста [или его фрагмента] с константами индивидуально-авторского восприятия картин мира, частицы участвуют в реализации стилистических функций [дополнительной стилистической информации, стилистического задания, стилистического впечатления и т. п.],

что позволяет считать их важным средством, участвующим в создании индивидуального стиля писателя), стремящегося осветить и сохранить национальную языковую картину мира русского народа.

2. Показываем такие единицы, стилистическая функция которых кажется либо менее, либо более очевидной, определяется она как разнообразные стилистические возможности выражения определенного стилистического задания особым образом организованных средств языка, обладающих стилистическим значением, конкретное содержание которого и определяет характер стилистической функции (акцентирующей, экспрессивной, аксиологической и др.), благодаря чему формируется, сохраняется и развивается стилистическая система как целое.

В контексте современных лингвистических исследований впервые: 1) представлено теоретическое обоснование стилистической функции как части стилистической системы; 2) определена и экстралингвистически обоснована языковая сущность данного феномена; 3) осуществлен анализ стилистических свойств частиц (разных функциональных типов) в художественном тексте (в сферу академического исследования попал роман Ф. М. Достоевского «Идиот»); 4) выявлены наиболее употребительные (частотные) частицы, входящие в систему средств идиостиля Ф. М. Достоевского; 5) разработана принципиально новая классификация стилистических функций частиц с учетом семантики и функций единиц: акцентирующая, экспрессивная, эмотивная, аксиологическая, ретардационная, суггестивная; 6) установлено, что употребление широкого круга частиц, привлекаемых Ф. М. Достоевским для решения стилистических задач (создания определенного стилистического эффекта; демонстрации возможности соотнесения смысла конкретного художественного текста (или его фрагмента) с константами индивидуально-авторского мировидения и т. п.), позволяет считать их специфическими языковыми средствами, участвующими в реализации стилистических функций, создании индивидуального стиля писателя. Результаты исследования могут быть использованы специалистами-филологами в практике преподавания стилистики, лингвопоэтики, филологического анализа художественного текста, при составлении специальных лингвистических словарей.

ГЛАВА I

Частицы как объект исследования в современной лингвистике

1.1. Основные этапы изучения частиц русского языка

Частицы как лексико-грамматический разряд слов являются достаточно сложными в семантическом и функциональном отношении языковыми единицами. Несмотря на огромные достижения в области изучения разных представителей этого класса слов, лингвисты продолжают находить все новые и новые неизученные аспекты у этого объекта. Знакомство с трудами, в которых в той или иной степени рассматривались эти языковые элементы, «мелкие слова» [Щерба, 1957], «ошметки языка» [Падучева, 1996], позволяет условно выделить четыре этапа в их изучении.

I. До второй половины XVIII века частицы рассматривались в составе других частей речи (до выхода в свет в 1755 году «Российской грамматики» М. Ломоносова частицы относились к различным лексико-грамматическим категориям и в качестве самостоятельной части речи не выделялись [см.: Зизаний, 1596; Смотрицкий, 1619]).

В «Российской грамматике» М. Ломоносова частицы рассматривались в составе наречий и союзов [Ломоносов, 1952, с. 550–552]. Все последующие грамматики [Журганов, 1769; Востоков, 1831 и др.] в той или иной степени составлялись под влиянием «Грамматики» Ломоносова. Сам термин «частица» впервые в традиционную грамматику ввел Н. И. Греч, кото-

рый понимал под ним союзы, предлоги, первообразные наречия и даже местоимения, поскольку они выполняли двойную функцию (поэтому считались и частями речи, и частицами) [Греч, 1827, с. 225–226]. Совершенно в ином значении термин «частица» используется Ф. И. Буслаевым, рассматривавшим применительно к нему элементы, «приставляемые на конце слов» [Буслаев, 1959, с. 336]: по сути, речь шла о частицах *-то, -ка, -ста* и словах типа *кто-то, что-то, дай-ка* и др.

Таким образом, до второй половины XIX века частицы рассматривались в составе других частей речи и в качестве самостоятельной единицы не выделялись. Поэтому главной задачей этого этапа было выделение частиц как класса и их классификация.

II. Второй, очень важный, этап связан с выходом работы А. В. Добиаша «Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка» (1877), в которой частицы получили статус самостоятельной единицы речи, отличающейся от наречия – равноправного класса в системе частей речи [Добиаш, 1897, с. 510–512]. Эта работа дала толчок новым разысканиям в области частиц.

Некоторые замечания относительно **частичных слов** в языке и их разграничения по функциям высказаны Ф. Ф. Фортунатовым, который включил частицы в один ряд с другими словами (предлогами, союзами, модальными словами, связками), выполняющими вспомогательную функцию в речи [Фортунатов, 1956, с. 171]. А. А. Шахматов, рассматривавший частицы как особый служебный класс слов, характеризовал их как «слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат» [Шахматов, 1941, с. 99; 1952, с. 135]. Он предложил первую в русском языкознании классификацию частиц как особой части речи, в которой частицы делились на препозитивные (*ну, дайвай, дай*) и постпозитивные (*же, -ка, тка*). А. М. Пешковский обратил внимание на частицы как категорию сугубо синтаксическую, относя их наряду с предлогами и союзами к служебным, или «частичным», словам, не имеющим формы [Пешковский, 1968, с. 39]. Автор «Русского синтаксиса» выделил отдельные разряды частиц, установил их значения. Л. В. Щерба относит частицы либо к наречиям, либо к связкам, либо к группам «усилительных слов» (*даже, ведь, и, словечки, да, нет*), которые не подходят ни под какую категорию – «лишние слова» [Щерба, 1957, с. 66].

Таким образом, достижением второго этапа является то, что частицы, круг которых пока еще ограничен, уже рассматриваются в системе служебных слов, предпринимаются попытки определить значение частиц и дать их классификацию.

III. Особенно интенсивно и плодотворно развывается научная разработка частиц как части речи в трудах отечественных грамматистов XX века и, прежде всего, в работах В. В. Виноградова, который выделил восемь основных разрядов частиц, дал глубокий и всесторонний их анализ, привел богатый языковой материал [Виноградов, 1947, с. 520–529, 573–581]. В этот период частицы не только выделяются как особые служебные слова, но раскрываются их специфика, значение, функции и особенности употребления [Чистякова, 1949; Каламова, 1954; Распопов, 1955; Скиба, 1957; Широкова, 1957; Светлышев, 1958; Шведова, 1960; Леденев, 1961, 1964; Колодезнев, 1969 и др.].

IV. Современное языкознание углубляет и расширяет учение В. В. Виноградова о частицах. Появилось большое количество разноаспектных работ, освещающих проблемы частиц и частицеподобных единиц в зависимости от целеустановки исследования. Сделаны многочисленные описания отдельных частиц или групп частиц [Знаменская, 1970; Иванова, 1970; Булатникова, 1973; Стародумова, 1971, 1972, 1974, 1981, 1985, 1988, 1991, 2002; Андрамонова, 1976; Порошина, 1984; Лютц, 1992; Токарчук, 2002; Лосева, 2004 и др.] с учетом синтаксических возможностей частиц. С развитием новых направлений (коммуникативная лингвистика, психолингвистика, лингвистика и стилистика текста, лингвопоэтика, семантика и прагматика и др.) изучение частиц приобрело новые формы.

Несмотря на прогрессивную тенденцию в отношении развития учения о частицах, перед учеными стоит еще много нерешенных проблем, из которых можно выделить несколько основных: **во-первых**, это проблема оформленности, установления категориального статуса частиц и относительных границ этого класса (взаимоотношения частиц с другими классами слов: точки соприкосновения и размежевания; особенности связи с лексико-грамматической структурой высказывания; отношение к неоднородным служебным образованиям, слову и к морфеме); **во-вторых**, это проблема классификации частиц, не получившая до настоящего времени еще какого-либо однозначного решения; **в-третьих**, это проблема функционирования частиц и (или) групп частиц в разных

формах, типах и сферах речевой деятельности. Например, научная литература располагает значительным количеством работ, связанных с изучением особенностей частиц в русских народных говорах [Гринкова, 1951; Шапиро, 1953; Кодухов, 1954; Собинникова, 1957; Кузьмина, 1962; Доля, 1963; Симонов, 1967; Трубинский, 1970; Овчинникова, 1976; Прокуровская, 1976 и др.], в языке фольклора [Осовецкий, 1958; Тарланов, 1977, 1979; Богатырев, 1971; Десницкая, 1970 и др.]. Направление каждого исследования предполагает всеобъемлющий анализ тех или иных сторон изучаемого объекта. Например, М. П. Штокмар анализирует частицы в связи с изучением ритмообразующей функции различных языковых элементов в области русского народного стихосложения, выделяя в кругу особенностей эпического языка широко применяемую категорию энклитик и проклитик, представленных служебными словами [Штокмар, 1952, с. 239]. К функциям отдельных частиц обращается А. П. Евгеньева при анализе синонимических сочетаний и их роли в устно-поэтическом языке [Евгеньева, 1963, с. 274]. Анализ отдельных частиц с позиции их отношения к сообщаемому и внесения в него дополнительной информации (семантической и прагматической), оттенков (стилистических, акцентно-просодических) представлен в работе Т. М. Николаевой [Николаева, 1985, с. 24–25]. Изучению подверглись синкретичные единицы, проявляющие свойства частиц [Вежбицкая, 1978; Николаева, 1979; Стародумова, 1981; Крейдлин, Рахилина, 1984; Леденева, 1988; Николина, 1993; Высоцкая, 1993; Януш, 1993; Ветрова, 1997; Ковалева, 1999; Урысон, 2000; Брызгунова, 2001; Сергеева, 2001 и др.], структурные типы различных локальных реализаций, включающие частицы, в составе фразеологических единиц [Воротников, 1998; Балобанова, 2001; Куныгина, 2000, 2001, 2006 и др.] в разных стилях, жанрах и типах речи [Сиротинина, 1968, 1974; Неверова, 1973; Нечаева, 1974; Лаптева, 1975, 1976; Прокуровская, 1983; Гурьева, 1991; Николаева, 2000 и др.].

Обобщение результатов исследований и систематизация основных составляющих описания частиц [например: **критерии выделения частиц в особую лексико-грамматическую категорию** (морфологические, синтаксические, синтактико-семантические, функционально-семантические), **параметризация частиц** (морфемный статус, ориентированность на акцентно-просодические средства, семантические сферы действия, по-

зиция в синтаксической структуре предложения, связь с коммуникативной перспективой, семантико-функциональная характеристика и др.)] представлены в работе И. М. Кобозевой [Кобозева, 1991, с. 147–175].

В зависимости от направления исследования, в рамках которого рассматривается этот класс служебных слов, осуществляется выбор определенных параметров. Естественно, что выбор, дифференциация и систематизация аспектов носят условный характер, поскольку «аспекты можно перечислить, но их трудно разделить и противопоставить друг другу» [Стародумова, 2002, с. 21]. Так, например, семантика частиц «конкретизируется только в контексте» [Копыленко, 1981, с. 19], «проявляется в их функциях» [Стародумова, 1997, с. 15], «может быть воспринята через свои реализации» [Дискурсивные слова русского языка, 2003, с. 25] и должна «изучаться только через их употребление» [Дискурсивные слова русского языка, 1998, с. 7]. Таким образом, семантика и функциональные свойства частиц находятся во взаимной связи и неотделимы друг от друга, что демонстрируют многие исследования [см., например: Николаева, 1985; Крейдлин, Поливанова, 1987; Высоцкая, 1993; Копыленко, 1993; Гатинская, 1999; Борисова, 1999; Бирюкова, 2007 и др.].

Функциональный аспект связан не только с семантикой, но и с прагматикой, поскольку функционирование многих частиц связано в первую очередь с выполнением ими определенных коммуникативных установок в составе высказывания, передачей дополнительной прагматико-стилистической информации. По мнению многих исследователей, содержательную сущность частиц составляет именно прагматика, то есть выражение отношения говорящего к речевому акту и его участникам [Булыгина, 1981; Япон, 1986; Падучева, 1985, 1996; Апресян, 1987, 1995; Романов, 1989; Кобозева, 1990 и др.].

Действуя на разных уровнях языковой реализации: в высказывании, тексте, синтаксической конструкции, частицы, обнаруживая свое индивидуальное значение и свои функциональные возможности, способны выполнять различные функции, связанные с: а) актуализацией высказывания: «являются “маркерами” компонентов коммуникативной структуры высказывания» [Стародумова, 2002, с. 30] – **коммуникативно-синтаксический аспект**; б) выражением коммуникативных намерений говорящего: «превращают тем самым высказывание в определенный тип речевого акта» [Токарчук, 2002,

с. 12] – коммуникативно-прагматический аспект; в) демонстрацией различных смысловых отношений, возникающих между компонентами текста, – **грамматика текста**; г) реализацией стилистического задания – **стилистический аспект** и др.

1.2. Состав и классификация частиц в современном русском языке

Как отмечает Е. А. Стародумова, «русский язык, наряду с другими славянскими языками, – один из самых “частицеобильных” языков, что проявляется и в количестве лексических единиц, причисляемых к частицам, и в их частотности. Точное количество частиц в русском языке назвать невозможно: частицы представляют собой открытый список» [Стародумова, 1997, с. 6].

В изучении частиц до сих пор еще не до конца решена проблема их классификации. Существует несколько классификаций, в основе которых лежат разные подходы: семантический и функциональный. Наиболее известные из них – это классификация В. В. Виноградова, основанная на семантике частиц и типах их связи с другими словами, и функциональная классификация. В первой классификации, соединившей в себе два подхода, В. В. Виноградов выделяет **восемь основных разрядов**: «1) усилительно-ограничительные, или выделятельные; 2) присоединительные; 3) определительные; 4) указательные; 5) неопределенные; 6) количественные; 7) отрицательные и 8) модально-приглагольные. Сюда же близко подходят вопросительные и восклицательные слова, но эти разряды теснее связаны с категорией модальных слов» [Виноградов, 1947, с. 520–529]. На основе этой классификации была разработана следующая, представленная в «Грамматике русского языка», в которой «отразилось стремление к строгости, систематичности» [Стародумова, 1988, с. 7]. Эта классификация выделяет **четыре основных** разряда частиц: «а) частицы, выражающие различные смысловые оттенки значений слов в речи; б) частицы, вносящие в речь модальные и модально-волевые оттенки; в) частицы, вносящие в речь эмоциональные, экспрессивные оттенки; г) частицы, выполняющие словообразовательную и формообразовательную функцию и этим приближающиеся по значению к морфемам» [Грамматика русского языка. Т. 1, 1960, с. 338]. По мнению Е. А. Ста-

родумовой, «данная классификация достаточно противоречива: “оттенки” логико-смысловые и модальные не могут быть противопоставлены – они, как правило, совмещаются в одном слове. Эмоционально-экспрессивные “оттенки” не могут быть противопоставлены модальным» [Стародумова, 1997, с. 9]. Тем не менее она стала традиционной и нашла отражение в учебной литературе (например, в школьном учебнике русского языка, в котором даются три разряда частиц: формообразующие, отрицательные и модальные, в словаре-справочнике лингвистических терминов [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 527–529] и в специальных исследованиях (например, у И. А. Киселева, который выделяет частицы логико-смысловые, модальные и эмоционально-экспрессивные [Киселев, 1976, с. 160]).

Принципиально новую классификацию, основанную на функционировании частиц, представляет Н. Ю. Шведова в «Русской грамматике», 1980 г. Сначала определяются функции частиц, которые «группируются, с одной стороны, в функции формообразования, с другой стороны, в функции разнообразных коммуникативных характеристик сообщения. Общим для всех этих функций является то, что во всех случаях в них присутствует значение отношения: или отношения (отнесенности) действия, состояния либо целого сообщения к действительности, или отношения говорящего к сообщаемому, причем оба эти вида отношений очень часто совмещаются в значении одной частицы» [РГ. Т. 1, 1980, с. 723]. Здесь же дается определение значения частиц, представленное как отношение, которое выражается ею в предложении, то есть семантика частиц выявляется в их функционировании. Затем в соответствии с названными функциями выделяются следующие **основные разряды** частиц: «1) формообразующие (участвующие в образовании форм слов и форм предложений); 2) отрицательные; 3) вопросительные; 4) частицы, характеризующие признак по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности осуществления; 5) модальные; 6) частицы, утверждающие или отрицающие реплики диалога» [РГ, 1980, с. 723]. При этом делается существенное замечание: модальные (оценочные, экспрессивные) значения в том или ином виде присутствуют и в остальных частицах.

Существуют и другие классификации частиц, в которых одни исследователи рассматривают частицы в целом [Светлышев, 1955; Мирович, 1962; Копышева, 1974; Киселев, 1976;

Майтинская, 1982; Щур, 1999 и др.], другие изучают и описывают семантические и функциональные разряды частиц [Степенкова, 1982; Кривоносов, 1982; Борисова, 1982, 1990; Порошина, 1984; Николаева, 1985; Буглак, 1990; Нагорный, 1995, 1998, 1999, 2001; Чернышева, 1997; Стародумова, 1974, 1997, 2002; Штайн, 2001; Ховалкина, 2001; Муковозова, 2002 и др.], третьи занимаются пословным описанием отдельных единиц, попутно анализируя материально и (или) функционально близкие лексемы [Иванова, 1970; Знаменская, 1970, 1985; Крейдлин, 1975; Вязовик, 1981; Орлов, 1981; Паршин, 1988; Баранов, 1987, 1994; Богуславский, 1989; Левонтина, 1991; Чернова, 1995; Ветрова, 1995; Арутюнова, 1996, 1997; Горбачик, 1997; Ляпина, 1997; Синько, 1997; Гольдин, 1998; Гатинская, 1999; Семенова, 2000; Алтабаева, 2001, 2002; Колесникова, 2002; Южакова, 2002 и др.].

Таким образом, в русской грамматической науке существует несколько классификаций частиц, в основе которых лежат различные критерии систематизации, базирующихся на определенных принципах, обязательно совмещающих семантический и функциональный.

1.3. Многоаспектность изучения частиц

Отмеченные Т. М. Николаевой «основоположения» применительно к частицам, проявившиеся в связи с общими сдвигами в языкознании конца 60-х – начала 70-х годов, во многом парадоксальны. К их числу относятся вопросы: а) об увеличении количества частиц; б) об общей эволюции частиц; в) о первичности архаического ядра частиц; г) о семантике частиц. Т. М. Николаева отмечает, что частицы несут на себе весь максимум коммуникативного пласта высказывания – это слова, «максимально ответственные за удачу общения», обладающие столь же максимально «размытой семантикой, значениями неясными и неопределенными» и практически непереводаемыми: «они суперсегментны по своей сути, и описать их еще сложнее, чем интонацию или порядок слов» [Николаева, 1985, с. 17–18].

В отечественном языкознании на протяжении длительного времени в отношении семантики частиц ведутся острые дискуссии о наличии у частиц собственного инвариантного значения (и тем самым вопрос об их знаменательности/незнаме-

нательности) или об определении их значения семантикой конкретного высказывания, каков характер этого значения – собственно лексический или грамматический [Виноградов, 1947; Смирницкий, 1955; Шведова, 1960; Булатникова, 1973; Киселев, 1976; Николаева, 1985; Ляпон, 1986 и др.], какими способами необходимо описывать семантику частиц и др.

Употребление частиц в различных участках текста (в качестве самостоятельного высказывания, в качестве однородных членов и др.) свидетельствует о том, что данные лексемы имеют собственное значение, отличающее одну частицу от другой, вносят различные, не лежащие на поверхности смыслы – «высказывание-тень» [Николаева, 1985, с. 15].

В каждой отдельной частице заложен собственный потенциал, служащий для выражения скрытых смыслов, который необходимо установить, используя подходящие для этого способы анализа. Так, например, для объяснения семантики логических частиц продуктивен способ: 1) опирающийся на понятия: «предикат», «объект», «множество», «свойство», «часть/целое», «сфера действия» и др., составляющие основу логического (объективного) содержания [Падучева, 1969; Крейдлин, 1975; Торопова, 1980; Богуславский, 1985 и др.]; 2) включающий описание с опорой на пресуппозиции [Копыленко, 1981; Николаева, 1985 и др.], что позволяет «проникнуть» в сущность не только логических слов, «специализирующихся» на передаче объективного содержания высказывания, но и единиц с субъективным смыслом, вторгаясь в область прагматики (индивидуальная специфика многих частиц заключается в их прагматических особенностях).

Термин «прагматика» впервые был введен в конце 30-х годов XX века Ч. У. Моррисом в качестве названия одного из разделов семиотики, в составе которой он выделил: 1) **семантику**, изучающую отношение знаков к объектам; 2) **синтактику**, рассматривающую отношения между знаками; 3) **прагматику**, исследующую отношения к знакам говорящих [Morris, 1971].

Лингвистическая прагматика не имеет четких границ, в нее включается комплекс вопросов, связанных с: **говорящим субъектом** (изучаются явные и скрытые цели высказывания, типы речевого поведения, отношение говорящего к тому, что он сообщает, отнесение языковых выражений к предметам действительности, вытекающее из намерения говорящего и

др.); **адресатом речи** (рассматриваются типы речевого реагирования на полученный «посыл», воздействие высказывания на адресата и др.); **отношениями между участниками коммуникации** (исследуются формы речевого общения, соотношение между участниками коммуникации в тех или иных речевых актах и др.); **ситуацией общения** (в поле зрения находятся особенности влияния речевой ситуации на тематику и формы коммуникации и др.).

Семантика и прагматика, движущиеся навстречу друг другу, «обогащают наши знания о смысловом и функциональном потенциале языковых единиц, преобразуя методы синтаксических исследований» [Ляпон, 1986, с. 6]. Поэтому их трудно разделить и противопоставить друг другу: «границу между прагматикой и семантикой <...> провести трудно и, возможно, необязательно» [Падучева, 1996, с. 221].

В то же время каждое из указанных направлений оказывается связанным с рядом других аспектов (коммуникативным, текстовым, синтаксическим [грамматическим], стилистическим, процедурным). Семантический аспект неотделим от функциональных: семантика частицы реализуется в конкретных функциях (частицы функционируют на разных уровнях, помогая говорящему достичь нужной коммуникативной цели, участвуя в организации синтаксических конструкций и т. д.). В тесной связи находятся коммуникативный и текстовый аспекты: коммуникативная единица включается в текст, играя важную роль в организации связного текста. В свою очередь, изучение частиц в тексте – это и синтаксическое исследование (синтаксический аспект), и стилистическое (стилистический аспект).

В последнее время интенсивно разрабатывается процедурный подход к описанию содержательной сущности частиц [Паршин, 1988; Баранов, Паршин, 1990; Кобозева, 1991], особенностью которого «является представление значения частицы в виде инструкции, предписывающей произвести некоторую операцию над остальной частью высказывания с тем, чтобы интегрировать ее в модель мира, находящуюся в текущем сознании субъекта при понимании им сообщений» [Кобозева, 1991, с. 170]. Однако прагматический подход не является альтернативой процедурному, поскольку и в этом случае «граница между данными подходами не является абсолютно строгой» [Кобозева, 1991, с. 170].

1.4. Стилистический аспект изучения и описания частиц

В стилистическом плане частицы исследованы недостаточно. В немалой степени это объясняется открытостью отдельных вопросов в области исследования частиц современного русского языка. И тем не менее существуют исследования, в которых вопросы стилистики частиц так или иначе рассматриваются [Виноградов, 1947, 1976; Иванчикова, 1979; Винокур, 1980; Порошина, 1984; Токарчук, 2004, 2006; Бирюкова, 2007 и др.].

Сущность стилистического подхода к изучению частиц (стилистических функций) состоит в том, что частицы являются своеобразными показателями различных форм и типов речи, а также индивидуального авторского стиля. Всякое слово имеет свой стилистический «паспорт» – большую или меньшую закрепленность за отдельными стилями (книжными, разговорными), различную частотность использования в письменной или устной речи, специфическое соединение с вещественно-предметным значением добавочного экспрессивно-эмоционального значения (изобразительности, выражения чувств, оценки, явлений окружающей действительности). «Даже при отсутствии этого добавочного значения, т. е. при стилистической нейтральности слова, можно говорить о нулевом ее показателе, который на фоне маркированности (языковой выраженности) в других случаях имеет определенное значение» [Современный русский язык, 1979, с. 303].

Стилистика частиц тесно связана с прагматикой. Употребление частиц, не имеющих отношения к объективной информации (**указательных** [*вот, вон, это*], **усилительных** [*же, уж*] и т. д.), в функциональных стилях русского языка, а также в индивидуальном авторском стиле «выражает скорее позицию говорящего по отношению к чему-либо» [Стародумова, 2002, с. 24]. Позиция говорящего – это основа прагматического аспекта изучения частиц. Несомненна близость стилистического и прагматического аспектов, из чего следует, что собственно стилистические функции частиц должны исследоваться с учетом (на основе) их прагматических особенностей.

Задачей описания при стилистическом подходе является исследование эволюции стилей в связи с историей литературного языка, языка художественной литературы в его динамике, универсальных приемов языкового построения произведе-

ний литературы (соприкасаясь с поэтикой), жанров общения (соприкасаясь с прагматикой), а также изучение экспрессивных средств языка, которые не связаны с каким-либо одним определенным стилем [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 492]. Таким образом, стилистический подход осознается как «общее учение об употреблении языка» [Винокур, 1959] и предполагает исследование «языка в действии» [Бенвенист, 1974], изучение использования языка говорящего в разных ситуациях, предпосылок успешного совершенствования речевых актов и т. п.; эти вопросы включаются в сферу языковой прагматики, и, следовательно, можно говорить не только о взаимосвязанности двух аспектов изучения, но и о разделе языкознания – прагматической стилистике.

В ряде работ по стилистике содержатся отдельные замечания относительно употребления частиц в том или ином стиле речи, но специальный анализ их использования, выделение и описание стилистических функций остались без внимания [см., напр.: Панфилов, 1968; Сиротинина, 1968; Лаптева, 1968; Кожина, 1977 и др.]. А ведь в характере употребления, использования частиц может проявиться индивидуальная манера («почерк») писателя. Своеобразной иллюстрацией этого утверждения являются многочисленные наблюдения Е. А. Иванчиковой над языком и стилем Ф. М. Достоевского [Иванчикова, 1979, 1990, 1996, 1997].

Определяя основные направления изучения частиц, которые являются своеобразным методическим руководством в работе исследователя, Е. А. Стародумова пишет: «Изучение частиц в стилистическом аспекте должно вестись по определенным направлениям, на основе следующих противопоставлений: 1. Разговорная речь – кодифицированный литературный язык. 2. Диалогическая речь – монологическая речь. 3. В монологической речи – разные функциональные стили и типы речи» [Стародумова, 2002, с. 35].

Общеизвестно и общепризнано, что частицы имеют более широкое распространение в разговорной речи, нежели в кодифицированном литературном языке. Наблюдения над особенностями употребления частиц в разговорной речи впервые были осуществлены Н. Ю. Шведовой [Шведова, 1960]. Впоследствии к этому вопросу обращались и другие исследователи [Клочкова, 1970; Козельцова, Гусева, 1970; Прокуровская, 1983 и др.].

Анализируя особенности функционирования незначительных слов в разговорной речи, Н. А. Прокуровская выде-

лила такой факт: «частицы являются самым отмеченным классом слов (частота их употребления здесь составляет 12,6 % от тысячи словоупотреблений, тогда как в научном стиле – 1,6 %, в художественной авторской речи – 3,7 %)» [Прокуровская, 1983, с. 173]. Поскольку диалог проявляется прежде всего в устной разговорной речи, функционирование частиц в этом типе речи («в письменной речи частицы, несущие элемент разговорности, используются в качестве средства, создающего эффект непринужденности, непреднамеренности») [Баландина, 1971, с. 393] также не остается незамеченным [Шведова, 1956, 1960; Арутюнова, 1970; Кривоносова, 1982; Баранов, Кобозева, 1988; Романов, 1989 и др.].

Прослушивая и записывая тексты, собиратели фольклора обратили внимание на их языковую специфику и прежде всего на высокую употребительность разнообразных частиц. Так, П. Н. Рыбников заметил активно функционирующие в былинах постпозитивные частицы *-ка*, *-ка*, *-ва* и др. и определил их назначение – служить усилительными элементами семантики слов [песни, собранные П. Н. Рыбниковым, 1909]. М. Г. Халанский заинтересовался частицей *-ста* в былинном стихе, которая, по его мнению, «по значению и употреблению близка форме глагола *было* и произошла от нее» [Халанский, 1899]. Л. Васильев впервые заострил внимание на постпозитивном члене, часто употребляемом и имеющем формы *-от*, *-та*, *-то*, *-ту*, *-ти* [Васильев, 1902]. Впоследствии на эту особенность обратил внимание и М. Н. Сперанский [Сперанский, 1916]. В. Я. Пропп выделил слова «с ослабленной семантической функцией», выступающие как энклитики (*а*, *аи*, *ай*, *да*, *то*, *же*, *ли*, *ведь*, *все*), и слова, выражающие оттенок модальности действия (*де*, *ле* и др.) [Пропп, 1954]. Группу слов с ослабленной семантикой (*как*, *ай да*, *как бы*, *а ведь* и др.) исследовал Ю. И. Юдин [Юдин, 1971]. Проводя текстологические наблюдения над произведениями устно-поэтического жанра, Б. Н. Путилов обратил внимание на повторяющиеся частицы, чрезмерность употребления которых «утяжеляет» текст [Путилов, 1976].

Если к проблеме функционирования частиц в разговорной речи, в устно-поэтическом творчестве исследователи так или иначе проявляли интерес (в связи с этим уместно назвать исследование выделительно-ограничительных частиц и их стилистических функций в языке былин, выполненное В. А. Порошиной [Порошина, 1984], где впервые на материале былин в полном

объеме рассматривается группа выделительно-ограничительных частиц; при анализе соответствующего материала учитывается исполнительская дифференциация; в ходе работы выявлена специфика синтаксических связей исследуемых частиц с другими языковыми элементами былины, установлена жанрово-стилистическая обусловленность частиц в эпическом тексте, выделены некоторые стилистические функции частиц данной группы), то вопрос о функциях частиц в разных стилях, типах и формах речи, о принципах отбора частиц, которыми пользовался мастер художественного слова, создавая свой метод, специально не ставился.

Следует признать, что существенных сведений о роли частиц в художественных текстах имеется крайне мало. Некоторые наблюдения над употреблением частиц содержатся в работах В. В. Виноградова [Виноградов, 1959, 1976]; Ю. М. Лотмана [Лотман, 1970, 1972]; Б. М. Эйхенбаума [Эйхенбаум, 1986]; И. Н. Ковтуновой [Ковтунова, 1986, 1993]; Е. А. Николаевой [Николаева, 2000] и др. Так, рассматривая метод Н. А. Морозова, перед которым встал вопрос: «нельзя ли по частоте “распорядительных” частиц узнавать авторов, как по чертам их портретов» [Морозов, 1915, с. 315], В. В. Виноградов высказал мысль о необходимости учитывать исторические изменения в составе и употреблении этих частиц [Виноградов, 1959, с. 374]. Характеризуя синтаксис как средство создания новых «семантических феноменов», В. В. Виноградов отметил некоторую роль частиц в предложении [Виноградов, 1976, с. 379–390].

Ю. М. Лотман определил роль и значение «грамматических слов в ритмической организации стихотворного текста»: «...ритмическая сегментация стиха приводит не к стиранию, а к обострению чувства границы слова. Приобретает значение и вся грамматическая сторона слова, которая вне искусства в силу автоматизма речи стирается в сознании говорящего. Эта гораздо большая, чем в нехудожественной речи, «отдельность» поэтического слова особенно проявляется в служебных словах. <...> Стоит поставить в поэтическом тексте <...> частицу в позицию, в которой она <...> приобрела бы “отдельность”, свойственную в обычном языке значимому слову, как сейчас же у нее образуется добавочное уже лексическое значение, в ином тексте ей несвойственное» [Лотман, 1970, с. 209]. На особую роль восклицательных частиц *так* и *как* в лирическом произведении указал Б. М. Эйхенбаум: «Восклицательные частицы (*так* и *как*), находясь при наречиях,

увеличивают их интонационную силу и придают лирике патетический характер» [Эйхенбаум, 1986, с. 140]. При рассмотрении функции указательных местоимений в разных условиях коммуникации И. Н. Ковтунова выделила способность указательных слов «создавать образ внешнего пространства, воспринимаемого в момент речи, при некоторых дополнительных условиях. Так, местоимение *тот* указывает на внешнее пространство в сочетании с указательными частицами... В подобных сочетаниях «*вон тот*» указывает на более отдаленное пространство» [Ковтунова, 1986, с. 43]. Н. Н. Гурьева, рассматривая особенности функционирования частицы с компонентом *вот*, отметила, что одиночная частица *вот* чаще употребляется в структуре простого предложения, тогда как сложным синтаксическим конструкциям более свойственны устойчивые соединения на основе дейктической частицы *вот* (*а вот, да вот, но вот, вот тогда-то, вот в этом, вот каков* и др.), поскольку такие сочетания участвуют в организации связности текста, вводят в его структуру новый фрагмент описания, связанный с предыдущим, указывают на presupposition, невыраженное, скрытое ожидание [Гурьева, 1991, с. 62–64]. Ю. И. Левин обратил внимание на негативные конструкции с частицей *не* и синонимичные им построения отрицательного характера в творчестве О. Мандельштама, включающие в себя другие грамматические и лексические средства, обилие которых «связано с той ролью, какую в поэтическом мире О. Мандельштама играет темп невозможности, нехватки, отсутствия» [Левин, 1998, с. 56]. Анализ конструкций повышенной семантической сложности – уступительных (концессивных), в результате которого установлено, что концессивно-модусные предложения с союзом-частицей *пусть, пускай* занимают не ядерное, а периферийное положение в системе уступительности (в зоне соприкосновения условия и уступки), определены основные текстовые функции *пусть*-конструкции (структурно-композиционная, содержательно-модусная, функция выражения авторского мировидения), предпринят Е. А. Николаевой [Николаева, 2000]. Работа с текстами посланий и челобитных протопопа Аввакума, содержащих достаточное количество примеров, отражающих факты живой речи, в которых систематизированы экспрессивные или модально-экспрессивные функции частиц, позволила Т. В. Кортава сделать вывод о том, что уже в XVII веке существовала развитая система изменения постпозитивных частиц; при

этом набор первообразных частиц отличается разнообразием, а употребление – своеобразием; обилие частиц объясняется особым полемическим задором, оригинальной экспрессией и выразительностью языка автора [Кортава, 2003, с. 138–145]. При создании полного разноаспектного многопараметрового описания частиц *просто* и *прямо* И. Н. Токарчук отмечает, что «индивидуальная семантика оказывается обуславливающим фактором в определении стилистических возможностей как отдельных типов употребления той или иной частицы, так и частицы в целом – в системе всех ее значений» [Токарчук, 2002, с. 213]. В работе О. А. Бирюковой предпринята попытка исследования стилиобразующих свойств частиц в прозе С. Довлатова, позволяющих выявить некоторые специфические особенности «почерка» писателя: «<...> так как именно они являются важным показателем идиостиля автора и основным ключом к постижению глубокого смысла текста и его коммуникативного эффекта» [Бирюкова, 2007, с. 178].

Огромное значение для стилистических исследований в области частиц имеют работы Е. А. Иванчиковой, Н. Д. Арутюновой, А. Ю. Чернышевой, Ю. К. Караулова, Е. В. Падучевой, Т. М. Николаевой, А. Н. Баранова, Е. Г. Борисовой, А. Е. Булатниковой, И. А. Нагорного, Е. А. Стародумовой, Ю. Д. Апресяна и др. Так, наблюдения над синтаксисом художественной прозы Достоевского позволили Е. А. Иванчиковой сделать интересные выводы относительно употребления частиц, основное назначение которых (усилительных, выделятельных, определительных и др.) автор исследования видит в создании «иллюзии разговорности высказываний героя» [Иванчикова, 1979, с. 71]. В произведениях Достоевского много «слов, словечек и стилистических ходов, несущих особую функциональную нагрузку» [Арутюнова, 1996, с. 846], которые всегда вызвали интерес со стороны исследователей. К их числу относятся «**знаки чрезмерности**» [Виноградов, 1976], «**маркеры чужой речи**» [Иванчикова, 1968, 1974, 1979, 1984–1985], слова **внезапности, странности и необычности** [Топоров, 1973, 1994, 1995] и др. Н. Д. Арутюнова в своих исследованиях подробно анализирует «синтаксис неуправляемых действий», «знаки неопределенности» и «знаки кажимости» и особенности их функционирования в текстах Достоевского [Арутюнова, 1996, 1997]. Обратив внимание на «лишние слова», которыми насыщены тексты произведений Ф. М. Достоевского (только на четырех страницах текста зафиксирова-

но 33 знака неопределенности, следовательно, они служат не сокращению текста, а его удлинению: в ряде случаев их можно «безболезненно», без существенной потери в «денотативном» смысле высказываний удалить, но, что удивительно, автор их не унифицирует!), Н. Д. Арутюнова отмечает, что они «несут особую функциональную нагрузку», поскольку автор регулярно вводит их в текст. Так, например, местоименные частицы, выражающие эмоциональную оценку признака, объекта (*что-то, как-то* и др.), «семантические операторы» (*как бы, как будто*) придают семантическую открытость, как бы приглашая читателя (слушателя) к «независимому расследованию», указывают на «особую, необычную разновидность признака, трудно уловимую и трудно определимую» [Арутюнова, 1996, с. 849], или на «намеренную намеренность» [Арутюнова, 1997, с. 33]. А. Ю. Чернышева, говоря об особенностях употребления частиц, отмечает, что «...в языке художественной литературы они используются как инкрустация разговорной речи, получая функцию стилистически нагруженного средства» [Чернышева, 1997, с. 38]. Ю. Н. Караулов, рассматривая явление неопределенной предикации на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот», отмечает, что «во всех случаях неопределенность предикации создается одним и тем же способом: приравниванием, отождествлением, установлением эквивалентности двух несовместимых, отрицающих друг друга понятий, качеств, признаков <...>. Лексические средства, представляемые языком для таких конструкций, безграничны <...> неопределенность поддерживается и усиливается введением в соответствующее высказывание стандартных показателей неопределенности – неопределенных местоимений, местоименных наречий, уступительных и противительных союзов, частиц и вводных слов, а также использованием безличных конструкций <...> – это явление составляет, по-видимому, главный компонент “диалогичности” идиостиля Достоевского» [Караулов, 1996, с. 387–395].

На основании вышеизложенного можно сказать, что русские частицы – очень популярный объект описания в отечественной лингвистике. В течение последних двух-трех десятилетий они были изучены практически «вдоль и поперек»: раскрыты тайны их семантики, неотделимой от прагматических свойств, установлена и описана их роль в коммуникативной структуре высказывания, связь значений с просодическими средствами и т. д. Наконец, созданы подлинно на-

учные, основанные на разных теориях современные лексико-графические описания частиц. В то же время стилистическая сторона функционирования частиц (стилистические функции частиц, стилистические возможности частиц, принципы отбора частиц и др.) остается мало исследованной. Нельзя сказать, что этот аспект остался в стороне, но стилистические характеристики частиц содержатся в основном в описаниях более общего характера, в частности при изучении языка писателя (например, «Синтаксис художественной прозы Достоевского»), идиостиля того же автора (работы Иванчиковой, Арутюновой, Караулова). Вместе с тем уже сам выбор области изучения частиц (например, диалогическая речь или монолог; устная или письменная формы речи; диалектная речь; разговорная речь и кодифицированный литературный язык; разные стили литературного языка; различные жанры художественной речи; проза или поэзия; язык и произведения отдельных авторов и т. п.) свидетельствует о необходимости использования стилистического подхода в решении многих вопросов.

Все толковые словари русского языка, как традиционные, так и новые, специализированные, посвященные служебным словам, обязательно включают в свои словарные статьи информацию о стилистических свойствах частиц. Однако зачастую такие сведения сводятся к пометам (разг.), (книжн.), (поэтич.), (устар.) и др., далеко не исчерпывающим все то, что можно сказать о том или ином слове с точки зрения стилистики.

Перспективным направлением в стилистике частиц (стилистические функции частиц, стилистические возможности частиц и др.) является, на наш взгляд, изучение языка и стиля, индивидуальной манеры письма того или иного автора, отдающего предпочтение тем или иным частицам – средствам, направленным на порождение индивидуальных ассоциаций, создание стилистических эффектов, обеспечение дополнительной стилистической информации и др.

Таким образом, из всех существующих классов слов частицы являются самым труднопознаваемым и неоднородным по составу классом.

Несмотря на прогрессивную тенденцию в отношении развития учения о частицах, перед исследователями стоит еще много нерешенных проблем, из которых можно выделить несколько основных: а) проблема оформленности, установления категориального статуса частиц и относительных границ это-

го класса; б) проблема классификации частиц, не получившая до настоящего времени еще какого-либо однозначного решения; в) проблема параметризации частиц, поиск всевозможных характеристик их описания и установления системы этих параметров; г) проблема функционирования частиц в разных формах, типах и сферах речевой деятельности и др.

В описании категориального статуса частиц выделяются два подхода: традиционный (Виноградов) и современный (Богуславский, Борисова, Николаева, Стародумова и др.). Учитывая разнородность частиц по своим семантическим и функциональным свойствам, функциональные отношения частиц с другими классами слов, их синтагматические особенности и т. д., общие категориальные признаки данного функционального служебного класса найти не представляется возможным. Нет четкой границы между аспектами изучения частиц: «аспекты можно перечислить, но их трудно разделить и противопоставить друг другу» (Стародумова). Стилистический аспект изучения и употребления частиц остается менее разработанным. Вместе с тем уже сам выбор области изучения частиц говорит о необходимости использования стилистического подхода в решении многих частных и общих вопросов применительно к частицам.

ГЛАВА II

Особенности языковой и стилистической манеры Ф. М. Достоевского

2.1. Изучение языка и стиля Ф. М. Достоевского в отечественной филологии

Язык и стиль Ф. М. Достоевского по мере выхода в свет его произведений получал лишь отрицательные или иронические оценки, в лучшем случае – не рассматривался совсем. Среди недостатков индивидуальной манеры писателя отмечали многословие и «растянутость», выражающуюся в повторении одних и тех же фраз [Белинский, 1848]; «однообразие и слащавость», пристрастие к формам уменьшительности [Замотин, 1913, с. 7–9]; «подражание языку канцелярских отношений», обилие повторенных «множество раз слов и присловий» [Московский городской листок, 1847, с. 524]; отсутствие каких-либо «претензий на художественное значение» [Добролюбов, 1861, с. 9] и т. д. Оценки критиков XIX века (В. Г. Белинского, А. А. Григорьева, К. С. Аксакова, Н. А. Добролюбова и др.) сводились преимущественно к тому, что язык и стиль Достоевского страдает многословностью, чрезмерностью, неотделанностью, нестройностью слога, однотипностью и однообразием речей героев, подражательностью манеры описания, «гоголивщиной».

После смерти Достоевского эти положения, ставшие стереотипными, постепенно подвергаются пересмотру, а с начала XX столетия собственно язык и стиль писателя становятся объектом пристального внимания многих исследователей, увидевших вдруг «великолепную выразительность», «освобо-

дительную энергию», «мятеж против условной литературной фальши» [Иванов, 1911, с. 59], «преобладание энергии», которое чувствуется «в построении фраз и сочетаний слов» [Переверзев, 1925, с. 36], индивидуализированность речей персонажей [Анненский, 1909, с. 113], полифоническое многоголосие [Бахтин, 1963, с. 242–243; 1975, с. 164; 1976, с. 138–139].

Исследователи творчества Ф. М. Достоевского стремились в 20–30-е годы XX века представить разбор текстов его произведений (без лингвистического анализа, в русле теории поэтической речи) [Тынянов, 1921; Гроссман, 1922, 1925; Аванесов, 1927; Степанов, 1931; Чулков, 1939; Погожева, 1939 и др.].

Взросший интерес исследователей к различным сторонам идиостиля Достоевского вызвал повышенное внимание и к языковым проявлениям его стиля. Так, А. Л. Слонимский обратил внимание на «мобильность» слова *вдруг* в произведениях Ф. М. Достоевского, отметил особенности и приемы употребления этого слова [Слонимский, 1922]. Эволюцию сравнения как одного из стилистических приемов, используемых Ф. М. Достоевским в художественном тексте, его функции и разнообразные языковые формы рассматривает В. С. Нечаева [Нечаева, 1928]. А. И. Белецкий, анализируя речевой строй повести «Бедные люди», приводит основные черты (ритм, темп речи, расположение слов, композиция фраз), которые свидетельствуют о различных языковых приемах Гоголя и Достоевского [Белецкий, 1922]. Л. П. Лобов, проводя наблюдения над словесными приемами Достоевского, стремится выделить приемы «собственные», принадлежащие Достоевскому, и «заимствованные», свойственные Гоголю [Лобов, 1927].

«Вторая после 20–30-х годов “волна” подъема исследовательского интереса к творчеству Достоевского <...> началась со второй половины 50-х годов. Более конкретно и дифференцированно, чем прежде, изучаются стилевые и языковые особенности произведений Достоевского в литературоведческих трудах; появляются также статьи о языке Достоевского собственно лингвистического характера» [Иванчикова, 1979, с. 17]. Так, А. В. Чичерин, анализируя «поэтический строй языка в романах Достоевского», отмечает, что «превосходная степень не только прилагательных, но и местоимений, и существительных, и глаголов в убыстренном темпе романов, в страстности чувств и в горячке идей составляет главную стилистическую особенность стиля романов Достоевского» [Чичерин, 1959, с. 441; 1968, с. 66]; в работе Ф. И. Евнина на материале романа «Бесы» показывается роль языковых

средств (лексических, синтаксических) в создании индивидуального «речевого стиля» некоторых персонажей [Евнин, 1959]. Статья М. С. Альтмана посвящена описанию стилистических приемов, используемых Ф. М. Достоевским в своих произведениях [Альтман, 1959].

В конце 50-х – 60-е годы возрастает интерес исследователей к изучению отдельных (или групп) произведений. Так, на материале романа «Преступление и наказание» Я. О. Зунделович рассматривает языковые «формы вмешательства автора в повествование» [Зунделович, 1963], наблюдениям над особенностями языка Достоевского посвящены исследования Д. С. Лихачева [Лихачев, 1967, 1976].

Автор статьи «Из наблюдений над языком и стилем романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»» Г. Я. Сими́на рассматривает лексические, морфологические и стилистические средства выражения усиления, предельности, непостижимого, рокового, среди которых отмечает обилие форм превосходной степени, конструкций с неопределенным или устраненным субъектом, разнообразие приемов (градации, умолчания, намеков и др.) [Сими́на, 1957]. Наблюдениям над стилем Достоевского посвящены исследования Н. М. Чиркова [Чирков, 1963], А. В. Чичерина [Чичерин, 1959, 1965] и К. И. Мегаевой [Мегаева, 1964].

Примечательны сами по себе попытки собственно лингвистического подхода к текстам произведений Достоевского. К ним относятся исследования, выполненные К. А. Утехиной, – о языке повести «Село Степанчиково и его обитатели» [Утехина, 1964], А. А. Хидешели – об употреблении сравнений в романе «Преступление и наказание» [Хидешели, 1964], А. А. Илюшиным – о глаголах жеста [Илюшин, 1969] и др.

Особое место в изучении языка и стиля Достоевского занимают исследования В. В. Виноградова, выполненные в двух направлениях: **лингвостилистическом**, осуществленном в русле общих проблем поэтики, стилистики и языка художественной литературы [Виноградов, 1927, 1929, 1959, 1971], и **текстологическом**, позволившем раскрыть стилиевые и языковые тайны редакторской деятельности писателя [Виноградов, 1961, 1964]. Исследования академика Виноградова остаются непревзойденными по изысканности, тщательности и глубине конкретного текстового материала, по силе и перспективности изучения в области поэтики, стилистики и языка Ф. М. Достоевского.

Вызывают интерес и исследования литературоведов: И. Т. Мишина – о романе «Записки из мертвого дома» [Ми-

шин, 1967], Е. В. Тюховой – о романе «Идиот» [Тюхова, 1994], В. А. Туниманова – о художественных произведениях в «Дневнике писателя» [Туниманов, 1980], В. Е. Ветловской – о романе «Братья Карамазовы» [Ветловская, 1971], О. Н. Осмоловского [Осмоловский, 1981] и В. И. Этова [Этов, 1971] – о романе «Преступление и наказание», О. Ф. Силутиной [Силутина, 1968], Е. П. Порошенкова [Порошенко, 1970], Д. Кирай [Кирай, 1974] – о раннем творчестве Ф. М. Достоевского, в которых содержатся наблюдения над языком и стилем писателя, рассматриваются средства выражения иронии, сатиры, особенности лексики и синтаксиса и др.

В 70-е годы XX столетия появляются интересные исследования, посвященные изучению отдельных вопросов языка и стиля писателя, лингвистики текста. Можно указать на такие работы, как: исследования О. И. Меншутиной – об употреблении конструкций с однородными членами предложения в романе «Преступление и наказание» [Меншутина, 1970]; А. А. Илюшина – о словообразовательных синонимах [Илюшин, 1971]; С. М. Соловьева – о колорите произведений Достоевского, об изобразительных средствах [Соловьев, 1971, 1979]; В. В. Кожина – о принципиальной противопоставленности лингвистического слова и слова художественного [Кожин, 1971]; В. Н. Топорова – о поэтике Достоевского и архаичных схемах морфологического мышления [Топоров, 1973]; С. Г. Бочарова – о языковых приемах Достоевского и Гоголя [Бочаров, 1974]; А. М. Иорданского – об индивидуально-авторском употреблении в произведениях Достоевского сочетаний качественных наречий с именами прилагательными, о художественных функциях этих сочетаний [Иорданский, 1975]; С. Г. Капраловой и И. А. Кудрявцевой – об употреблении в романе «Игрок» разных форм сочетаний существительного с двумя определениями [Капралова, Кудрявцева, 1975]; Е. А. Иванчиковой – об изучении «индивидуального» синтаксиса Ф. М. Достоевского, который исследуется на двух уровнях своего обнаружения: на уровне компонентов художественного текста и на уровне фразы [Иванчикова, 1979, с. 2].

Среди работ 80–90-х годов, посвященных изучению многогранного творчества Ф. М. Достоевского, следует отметить огромное количество исследований литературоведческого плана [например: Карякин, 1983; Назиров, 1983; Силард, 1983; Белов, 1985; Мельник, 1985; Миджиферджян, 1987; Ковсан, 1988; Казари, 1988; Долинин, 1989; Сараскина, 1990; Телегина, 1993; Топоров, 1994; Карасев, 1994, 1995; Борисова,

1996; Клейман, 1997, 1999 и др.], в которых можно встретить много весьма верных и ценных для лингвиста наблюдений над языком и стилем произведений Ф. М. Достоевского. Наблюдения эти носят либо форму общих характеристик, либо выделяют конкретные, специфические черты поэтики Достоевского. Например, в книге С. В. Белова «Роман Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”. Комментарий» большое внимание уделяется толкованию лексики и фразеологии романа [Белов, 1985]; о «великолепной выразительности» языка говорится в исследованиях В. Е. Ветловской [Ветловская, 1996, 1997, 2001], особенности манеры повествования героев произведений Достоевского отмечаются в работе В. Г. Одиноква [Одиноква, 1981] и т. д.

Среди работ лингвистического характера следует отметить исследования О. И. Меншутинной – о текстообразующей и идейно-художественной роли повторов в тексте романа «Преступление и наказание» [Меншутина, 1982]; Б. Н. Тихомирова – об ономастике романа, о символике антропонима «Раскольников» [Тихомиров, 1986]; В. П. Владимирцева – о связи некоторых устойчивых выражений с фольклорными текстами [Владимирцев, 1987, 1988]; Н. А. Николиной – о роли словообразовательных средств в словотворчестве Достоевского, приемах их использования [Николина, 1991, с. 64–65]; Эр. Хан-Пира – о роли и функции авторских ремарок, окказиональных элементов [Хан-Пира, 1992, 1997]; Г. К. Тойшибаевой – об особенностях цветового письма Ф. М. Достоевского, о роли транспонированных языковых средств [Тойшибаева, 1993] и др.

Особое место в изучении языка и стиля Достоевского занимают исследования Е. А. Иванчиковой [Иванчикова, 1979, 1990, 1995, 1996, 1997], Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1996, 1997, 1999, 2000], Ю. Н. Караулова [Караулов, 1996, 1997], Е. В. Падучевой [Падучева, 1996], в которых рассматриваются формы традиционного повествования: «...романам Достоевского присуща <...> аукториальная форма повествования <...> экзегетический повествователь может выступать в роли стороннего наблюдателя (это так называемый “протокольный стиль”) <...> ситуации, в которых повествователь отделен от героя, что побуждает представить своего читателя непосредственным участником описываемой сцены» [Падучева, 1996, с. 211–213]; исследуются характерные для индивидуального почерка Достоевского устойчиво повторяющиеся в его художественных и публицистических текстах синтаксические построения,

смысловую основу которых составляет «двуголосие» – выражение двух субъектных позиций [Иванчикова, 1996]; проводятся наблюдения над художественно-изобразительной направленностью произведений исповедального типа и произведений мемуарного типа, определяются различия в их повествовательных формах и в возможностях авторского «стилевого присутствия» в тексте произведения [Иванчикова, 1997]; описываются особенности идиостиля Достоевского, средства выражения эффекта неопределенности [Караулов, 1996, 1997]; обращается внимание на разнообразные «маркеры» и стилистические ходы, несущие особую функциональную нагрузку; анализируются функции (неопределенности [признаковой и модальной], неагентивности действия, кажимости) и сущность модальных и семантических операторов в произведениях Ф. М. Достоевского [Арутюнова, 1996, 1997, 1999, 2000].

В последние годы интерес к изучению творчества Достоевского не ослабевает. Появилось большое количество литературоведческих работ, в которых на материале одного или нескольких произведений автора изучаются средства выражения трагического и комического, описывается характер персонажей, анализируется поэтическое время, в которое творил Достоевский, создавая свой метод и свои шедевры и др. К числу таких работ относятся исследования С. Ю. Ясенского [Ясенский, 2000]; Л. В. Пумпянского [Пумпянский, 2000]; А. В. Тоичкиной [Тоичкина, 2001]; В. Е. Ветловской [Ветловская, 2001]; Е. М. Мелетинского [Мелетинский, 2001]; Чо Хе Кюн [Чо, 2002]; Т. А. Колесниковой [Колесникова, 2003]; С. Б. Пухачева [Пухачев, 2006]; Р. Б. Зайцева [Зайцев, 2006]; Е. С. Савенковой [Савенкова, 2006]; Н. Г. Михновец [Михновец, 2007]; К. А. Степанян [Степанян, 2007] и др.

Среди лингвистических исследований творчества Достоевского следует отметить работы Ю. Н. Караулова «Язык и мысль Достоевского в словарном отображении», где затрагивается проблема ключевых слов, функционировавших в творчестве Достоевского как идиоглоссы или «константы идиостиля», как «единицы индивидуального авторского лексикона» [Караулов, 2001, с. 36]; Е. А. Иванчиковой, посвященную анализу повествовательной структуры романа «Преступление и наказание», включающей вводные сочетания и конструкции, неопределенные местоимения и наречия, модальные слова и частицы, передающие значение неопределенности, предположительности, сомнения – языковые сигналы, указывающие на

зывающие на присутствие в повествовании имплицитного автора [Иванчикова, 2001]; Н. А. Кожевниковой, в которой рассматривается вопрос о способах передачи чужой речи в художественном тексте писателя, границах между собственно авторским повествованием и речью персонажей [Кожевникова, 2002]; Ф. С. Бацевич, выполненную в русле проблемы лингвистического анализа текста с сосредоточением внимания на сочетаемостных и семантических особенностях употребления слова *даже*, которое «играет важную коммуникативную роль формирования ремы высказывания, выделения в ней семантических субъективно-модальных компонентов, характеристики авторской речи, индивидуализации речи героев» [Бацевич, 2003, с. 247] и др.

Анализ состояния изучения языка и стиля Ф. М. Достоевского в отечественной филологии показывает, что исследования отличались разноаспектным, многообразным и разнонаправленным характером.

2.2. Особенности языка и стиля романа Ф. М. Достоевского «Идиот»

2.2.1. Языковые и стилистические средства выражения максимальной экспрессии

Весьма чуткий к нюансам слова, создатель тонкого психологического стиля, Ф. М. Достоевский внес неоценимый вклад в развитие родного языка, отечественной и мировой литературы. Его художественный мир, наполненный трагическими контрастами и напряженным поиском идеала, предельно эмоционален, динамичен и внутренне антиномичен, что не могло не отразиться на языке его произведений. «С одной стороны, для языка писателя характерна высокая степень повторяемости единиц разных уровней <...>, усиливающих связность и цельность речевого потока и выделяющих важные для автора и его персонажей смыслы <...>. С другой стороны, язык писателя отличают отказ от жестких ограничений в сочетаемости слов, обращение к единицам разных стилистических пластов» [Николина, 1991, с. 54], «раскованность синтаксических связей, свободное использование принципов построения фразы, свойственных разговорной речи» [Иванчикова, 1979,

с. 286]. Создается впечатление, что «речь Достоевского точно торопится и задыхается. Слова то громоздятся беспорядочной толпой, как будто мысль торопливо ищет себе выражения и не может схватить его, то обрываются коротко, резко, падают отрывистыми фразами, иногда одним словом там, где грамматически необходимо было бы целое предложение» [Переверзев, 1925, с. 36].

Вырабатывая свой стиль, свой художественный метод, Достоевский открыл в языке художественной прозы новые источники экспрессии, наполнив их новым содержанием (интенсивным использованием слов предельного значения, синонимов, антонимов, оксюморонных построений и т. п.), раздвинул традиционные рамки писательской манеры, разрушил, по словам В. В. Виноградова, и канон сентиментализма, и канон натурализма, столкнув декламационно-патетические формы, основанные на сложных приемах тавтологических повторений, и слова и выражения разговорного «диалекта» и канцелярской фразеологии официального характера [Виноградов, 1976, с. 135], объединил «формы драматизации и патетику взволнованного монолога» [Виноградов, 1980, с. 167] и т. п.

Как отмечает Н. А. Николина, «последовательное употребление слов, обозначающих высокую или чрезмерно высокую степень проявления признака, максимальную экспрессию, интенсивность действия, отражает “предельный” характер чувств героев Достоевского и ситуаций, в которых они оказываются» [Николина, 1991, с. 55].

Таким образом, стиль Достоевского – «великого художника идеи» (Бахтин, 1963, с. 16) – характеризуется динамизмом и тенденцией к компрессии, высокой степенью повторяемости единиц разных уровней и разных стилистических пластов, их концентрацией, предельной свободой в объединении речевых средств, обнажением связей между ними, развернутой системой акцентуации, выделением ключевых слов – доминант текста (или его фрагмента) и т. п.

Отмеченные особенности языка и стиля писателя проявляются и в использовании частиц, которые могут рассматриваться в тексте не только как фактор его связности или источник художественной экспрессии, но и как важный параметр описания особенностей индивидуального стиля писателя.

Экспрессивность соотносится с понятием **«интенсивность»** – категории, «выражающей способность качественного, количественного, процессуального (процесс, действие, состояние),

оценочного признака выступать в своем носителе в высокой степени проявления относительно “нормы” (обычного проявления признака в конкретной ситуации) этого признака, а также находиться в состоянии перехода к высокой степени проявления» [Литвинова, 2002, с. 2].

В современной лингвистической литературе термин «**интенсивность**» используется в широком и узком значениях. Ряд исследователей сближает категорию интенсивности с категорией градации, охватывая всю шкалу изменений признака – от усиления до ослабления. Такое понимание восходит к Ш. Балли, который считал, что «взятое в самом широком смысле слова это понятие внутренне содержится в любом сопоставлении речевых фактов при условии, если под термином “интенсивность” понимать все различия, сводящиеся к категории количества, величины, ценности, силы и т. п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или абстрактных идеях» [Балли, 1961, с. 202]. Беря во внимание зафиксированное в толковых словарях значение слова «**интенсивность**» как «усиление, напряжение» [ТСУ, БАС, МАС, СОШ и др.], некоторые ученые [Рахилина, 1996, 1997; Щербаков, 2003 и др.] относят его только к одному направлению градационной шкалы, противопоставляя релаксации (от лат. *relaxatio* – «уменьшение напряжения, ослабление» [Малинин, 1961, с. 586]). Более узкое понимание интенсивности имеется в виду, например, при противопоставлении «степени качественного признака» и «интенсивности процессуального признака» [Васильев, 1990, с. 140], «степени интенсивности» (высокая – средняя – низкая) «степеням полноты» (полная – неполная) и «степеням достаточности» (избыточная – достаточная – недостаточная) [Воротников, 1999, с. 93].

В настоящем исследовании под интенсивным признаком понимается признак усиленный, находящийся в высокой степени своего проявления. Это позволяет рассматривать интенсивность в соотношении с понятиями одного терминологического (синонимического) ряда, включающего усиление, максимальное проявление признака (оценочность, эмоциональность, экспрессивность и т. д.).

В современной лингвистике накоплен большой опыт по проблеме интенсивности признака. Начало описанию данной категории положили отдельные высказывания Ш. Балли («Французская стилистика»), Бодуэна де Куртенэ («Количественность в языковом мышлении»), Сэпира («Градуирова-

ние: семантическое исследование») и др. В работах отечественных ученых вопросы интенсивности включаются в проблематику градуирования [Мезенина, 1991; Колесникова, 1998, 1999], степеней качества [Воротников, 1999], нечисленного количества [Кржижкова, 1974; Беловольская, 1999], экспрессивности признака [Туранский, 1990] и др. Доминирующим направлением исследований, относящихся к данной проблеме, является анализ средств выражения категории интенсивности (усиления) отдельных языковых уровней: **лексического и фразеологического** [Бондарко, 1986; Акуленко, 1987; Филоненко, 1993; Гриднева, 1997; Бельская, 2001 и др.], **словообразовательного** (Фетискина, 1977), **лексико-синтаксического** [Салмина, 1981], **синтаксического** (Блохина, 1974), **стилистического** [Симиная, 1957; Щербаков, 2003] и др. Изучению подвергались структурные типы различных выразительных категорий, их функциональные особенности [Червенкова, 1975; Мусиенко, 1984; Карповская, 1998; Литвинова, 1999, 2000, 2002 и др.]. Весомый вклад в решение теоретических вопросов, связанных с данной проблематикой, внесли исследования Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1995], Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988] и др.

Вместе с тем имеющиеся разработки не охватывают всех сторон изучения средств выражения этой категории. В частности, без внимания остаются вопросы, связанные с изучением языковых и стилистических средств выражения максимальной экспрессии, функционирования различных единиц в структуре и семантике художественного текста, их роли в идиостиле того или иного автора. А между тем данное направление исследования представляется весьма актуальным, поскольку удельный вес категории интенсивности достаточно велик, так как «...берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные о коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве. Речь идет о едином цикле взаимосвязанных явлений, относящихся к разным сферам жизнедеятельности человека: перцепции, коммуникации, семантике, литературе» [Арутюнова, 1988, с. 304].

Язык и стиль Ф. М. Достоевского характеризуется широким привлечением средств выражения максимальной экспрессии, и средства эти чрезвычайно разнообразны, поскольку, как сам нередко высказывался Достоевский о назначении

художественного творчества, его тенденциозности, «в поэзии нужна страсть, нужна ваша идея и непременно указующий перст, страстно поднятый» [цит. по: Ермилов, 1956, с. 25]. Для этих целей писатель выбирает и использует разные средства: знаменательные слова; местоимения и незнаменательную лексику; стилистические приемы и др.

1. Лексика «предельного» значения, слова, обладающие максимальной экспрессией

Максимальная экспрессия в тексте романа «Идиот» достигается прежде всего лексическими средствами: обилием слов «предельного» значения. Из ряда существующих в русском языке синонимов, обозначающих, например, состояние человека, писатель выбирает и использует слова, характеризующие предельное, экстремальное проявление состояния, признака и др. Грамматически они могут быть представлены различными частями речи: существительными, прилагательными, глаголами, частицами и др. Например:

а) **существительные**: – *Я ничто, а вы страдали и из такого ада¹ чистая вышли, а это много* [здесь и далее ссылки на издание: Достоевский Ф. М. Идиот. – М.: Правда, 1981, с. 191]; *Настасья Филипповна даже вздрогнула от гнева и пристально поглядела на Фердыщенко; тот мигом струсил и примолк, чуть не похолодев от испуга: слишком далеко уж зашел* [с. 175]; – *Едем! – заревел Рогожин, чуть не в исступлении от радости. Он от радости задыхался* [с. 179];

б) **прилагательные**: обилие прилагательных-определений усугубляет значение «предельности» того или иного существительного: – *Э, черт <...> все это дело вздор, одна только пьяная история, больше ничего <...> Но вам надо явить и шпионить, потому что вы... вы <...> дряннь <...> манкированный самоубийца, разлившаяся желчь... на двух ногах* [с. 500]; *Это такая злобная, ничтожная, самодовольная посредственность! <...> он такая хитрая тварь!* [с. 495].

Слова *отчаяние, в отчаянии, в негодовании*, сами по себе экспрессивные, кажутся Достоевскому еще не достаточно выразительными, поэтому он ставит перед ними определение, подчеркивающее полноту экспрессивной сложности сло-

ва: – *Зубами-то и я бы сумел! – проскрежетал кулачный господин сзади всех в припадке решительного отчаяния* [с. 201]; *Но и слушатели были в полном негодовании* [с. 440]. А слова *наслаждение, восторг, волнение* и другие в авторском контексте в сочетании с определениями, объединенными тенденцией подчеркнуть завершенность процесса, приобретают «предельное значение», становятся средством выражения предельной глубины чувств: *«Мне кажется, для них была ужасным наслаждением моя любовь к Мари, и вот в этом одном, во всю тамошнюю жизнь мою, я и обманул их. Она бывала как безумная, в ужасном волнении и восторге»* [с. 99].

Значение предельности, высшей степени экспрессивного напряжения достигается Достоевским и в том случае, когда используется слово само по себе нейтральное, не «предельного» значения, но контекст углубляет в нем значение наивысшей степени проявления качества: *«Чрезвычайное, почти неестественное напряжение, поддерживавшее до сих пор Ипполита, дошло до этой последней степени»* [с. 440] (в ряду синонимов слово *напряжение* еще не является максимально экспрессивным, есть и более сильные слова, но слово *напряжение* в данном контексте в сочетании с глаголом *дошло*, выражающим завершенность действия, и при наличии обстоятельства образа действия *до последней степени* – приобретает значение «предельности», весь контекст сообщает наивысшую экспрессивную окрашенность слову «напряжение»);

в) **наречия**: многочисленны в тексте романа Достоевского и наречия, обозначающие предельные понятия меры и степени: они примыкают к глаголу или прилагательному (или к другому наречию), подчеркивая «предельности» качества, выраженного глаголом, прилагательным или наречием, наибольшую экспрессивную окраску их: *«Мне кажется, если, например, неминуемая гибель, дом на вас валится, то тут вдруг ужасно захочется сесть и закрыть глаза и ждать – будь что будет!.. Напротив, голова ужасно живет и работает, должно быть, сильно, сильно, сильно, как машина в ходу...* [с. 92]; *Он (Ганя) страшно смутился, когда князь спросил портрет <...>* [с. 105]; *Генеральша <...> с некоторым оттенком пренебрежения, рассматривала портрет Настасьи Филипповны <...> чрезвычайно и эффектно отделив от глаз»* [с. 107].

Излюбленным авторским средством интенсификации высказывания в области наречий является использование интенсификаторов со значениями «исключительно, превосходя все,

¹ Здесь и далее выделено мною. – В. М.

всех» – чрезвычайно и «полной меры» – совершенно: «Тогда Ганя сухо, сдержанно, но **совершенно** откровенно рассказал <...> что князя **весьма** странно и бог знает с чего назвали “идиотом, что он думает о нем **совершенно** напротив <...>» [с. 164]; – Я очень хорошо помню, что еще давеча о том подумал, в чем теперь убежден **совершенно** и в чем, мимоходом сказать, князь мне сам признался. Всю эту фразу Ганя высказал **чрезвычайно** серьезно, без малейшей шутливости <...>» [с. 167].

Наречные интенсификаторы «избираются в соответствии с желанием автора детализировать место признака в зоне высокой степени условной градационной шкалы или повысить эмоциональный накал изображаемого» [Литвинова, 2002, с. 12].

Относительно абстрактная семантика наречных интенсификаторов, свободная сочетаемость с различными частями речи, а также большое разнообразие частно-семантических особенностей обуславливают их весьма широкое употребление для передачи узуальных и окказиональных смыслов при выражении признака, усиленного в своем проявлении.

Следует отметить большое разнообразие синонимов. Так, например, вместо нейтрального слова *много* Достоевский часто употребляет слова и словосочетания с предельным значением: *до бесчеловечия, бездна, до забвения рассудка, сколько* и др.: «Ну, кто не пленился бы иногда этой женщиной **до забвения рассудка** и ... **всего?** [с. 203]; *Вскоре Ганя узнал <...> что недоброжелательство всей его семьи <...> уже известно Настасье Филипповне в большой подробности» [с. 75];*

г) **глаголы**: судя по авторским ремаркам, персонажи романа не говорят, а **кричат, выкрикивают, восклицают** и т. д. На страницах 192–202 романа из 57 глаголов, с помощью которых вводится автором чужая речь, стилистически нейтральных отмечено всего 25, то есть примерно 42 % к общему числу глаголов. В остальных случаях употребляются глаголы, наиболее экспрессивные: *вопил, закричали, прокричали, набросился* и т. п., или слова, сами по себе нейтральные, но данные в сочетании с усилительными наречиями, обстоятельными словами (в сочетании с различными интенсификаторами [Арутюнова, 1988]), характеризующими предельную степень напряжения действия: *бормотал, скрипя зубами, проговорил со злобой* и т. п., например: – *Быть не может! – воскликнул генерал, точно выстрелил* [с. 192]; – *Ай да последний в роде князь Мышкин! – завопил Фердыщенко* [с. 193];

– *Едем! – заревел Рогожин, чуть не в исступлении от радости, – ей вы... кругом... вина! Ух!..* [с. 197]; – *Это... это уж я не понимаю! – вскричал Иван Федорович в высочайшей степени негодования* [с. 289]; – *И какое право имели вы!.. – завизжал самым неестественным голосом Ипполит* [с. 298]; – *Молчите, молчите! – неистово закричал князь, весь покраснев от негодования, а может быть, и от стыда* [с. 337].

Исходя из грамматической природы глагольного слова, более характерной для него является роль интенсифика – единицы, совмещающей указание на признак и его усиление. По наблюдениям М. М. Литвиновой, присущая этой части речи внутренняя интенсификация имеет разнообразные варианты: **лексико-семантические группы глаголов (ЛСГ)**: а) интенсивного перемещения (интенсемы *быстро, стремительно, внезапно, энергично, резко* и др.); б) производительной или деструктивной деятельности (интенсемы *с силой, напряженно, тщательно, резко* и др.); в) психофизических (эмоциональных) состояний (интенсемы *сильно, предельно, остро, резко, внезапно, неконтролируемо* и др.). Основу каждой из перечисленных ЛСГ составляют глаголы, содержащие интенсему в прямых значениях, однако процессы взаимодействия различных лексико-семантических групп обуславливают их наполнение глаголами, которые развивают интенсивное значение как переносное. Их использование вызвано как отражением динамических процессов художественной действительности, так и передачей психологического состояния персонажей [Литвинова, 2002, с. 13]. – *Ни-ни-ни! Терпеть не могу... <...> – вдруг вскипела Аглая и подняла голову, <...>* [с. 537]; – *Что ты сказал? – загремел генерал, бледнея и сделав к нему шаг* [с. 497]; – *Ганя, что ты! – крикнула Нина Александровна, бросаясь останавливать сына* [с. 497]; – *Молчите!.. Как смеют меня здесь обижать в вашем доме! – набросилась вдруг Аглылая на Лизавету Прокофьевну <...>* [с. 365];

д) **междометия, восклицания, указательные слова**: многочисленны в романе Ф. М. Достоевского междометия, восклицания, служащие средством выражения наивысшей степени напряженности чувств, переживаний, волнений и т. п. Наличие этих слов в системе лексических средств усиления совершенно понятно. Слова этого рода преобладают в прямой или несобственно-прямой речи: – *Ура! – крикнуло множество голосов* [с. 194]; – *Да зачем же вы это, ах, боже мой!* [с. 223]; – *Как это грязно! <...> – Ба! Вы хотите от человека слышать са-*

мый скверный его поступок и при этом блеска требует!» [с. 174]; *Увы!* Аглая не выходила, и князь пропал [с. 534].

Наряду с междометиями используются в этой функции и другие способы выражения восклицания: указательные местоимения, частицы, местоименные наречия, образующие разного рода сочетания. В этих сочетаниях заключены большие интонационные возможности: естественно, что именно эти языковые средства используются автором для выражения состояния предельной взволнованности героя. В широте употребления этих конструкций отражается основная черта стиля романа Достоевского – обилие средств выражения максимальной экспрессии: – *Вот так добрый человек!* – провозгласила умилившаяся Дарья Алексеевна [с. 196]; – *А! Так вот как!* – скрежетал он, – *так мои записки в окно швырять!* *А!* Она в торги не вступает – *так* я вступаю! [с. 84]; – *Вот каков этот человек – ни себе, ни другим!* [с. 220]; – *Надули Фердыщенко!* *Вот так надули!* Нет, *вот это уж так надули!* – вскричал плачевным голосом Фердыченко [с. 181].

Степень проявления признака иногда выражается конструкцией с придаточным предложением степени или изъяснительным. Например: – *Я действительно был так болен когда-то, что тогда и похож был на идиота* [с. 102]; – *Вы так хороши, что на вас боишься смотреть* [с. 104]; – *Но, может быть, вы уже до того несчастны, что и действительно виновную себя считаете* [с. 196]; – *Ипполит-то? Сам узнал. Представить не можешь, до какой степени это хитрая тварь* [с. 494].

Иногда указательные слова в роли определения выражают значение большой степени качества или состояния: «Он (князь) и не ожидал, что у него с *такою* болью будет биться сердце. И князь помнил потом, что сказал себе: “Это, наверно, *тот самый дом*” [с. 228]; – <...> Так вы *такую-то* красоту цените? – Да... *такую...* – То есть именно *такую*. – Именно *такую*» [с. 107].

Неоднократное повторение слов и сочетаний в одном предложении способствует усилению впечатления предельной взволнованности, крайней степени напряжения чувств автора и героя: «Да, это были *те самые* глаза (и в том, что *те самые*, нет <...> сомнения!) <...> *те самые* (совершенно *те самые*!), взгляд которых он поймал <...>» [с. 256];

е) *частицы*: Ф. М. Достоевский обладает великим искусством найти в языке такие стилистические ходы, такие сред-

ства, которые повышают информативные возможности единиц, делают их более точными и выразительными, эмоционально и экспрессивно насыщенными. К их числу относятся частицы – составляющие синтаксических конструкций, которые можно охарактеризовать как экспрессивные, поскольку многие из них «обязаны своей экспрессивностью частицам» [Прияткина, 2007, с. 302]. Вместе с тем частица экспрессивна постольку, поскольку она – составляющая конструкции, которую можно охарактеризовать как экспрессивную, или постольку экспрессивно конкретное высказывание, в которое она включена. Экспрессивность частицы – элемент ее лексического значения, включающий некоторый семантический тип отношения, сему, которая обеспечивает экспрессивность. «Наиболее надежно с экспрессивностью связана сема интенсивности (усиление, нагнетание – в любом аспекте и направлении)» [Прияткина, 2007, с. 305].

В создании максимальной экспрессии участвуют практически все группы частиц. С их помощью передаются: *усиления* говорящего, направленные на то, чтобы воздействовать на адресата, расположить получателя речи к восприятию содержания высказывания, добиться осуществления своей цели (это экспрессивность, интерпретируемая как выразительность); *нагнетание* чего-либо («объективная экспрессия» [Лукьянова, 1976, с. 37]) является предметом сообщения (или входит в сообщаемое как часть): *Это абсолютно непонятно; Чуть не замерз; Идет дождь, и даже сильный; Такая, именно такая; Какой день!* и др.; *добавление* (с усугублением): *Бросил товарища (практически, еще и, чуть ли не, даже, всего лишь, вдобавок и др.) больного; ограничение* («ограниченность тесно связана с экспрессией: это усиление, но со знаком минус» [Прияткина, 2007, с. 308]): «*Всего лишь час дают на артобстрел, Всего лишь час в пехоте передышка, Всего лишь час до самых главных дел – кому до ордена, ну а кому до вышки*» (В. Высоцкий); *расширение*: *Финтишь, да еще вдобавок выкручиваешься, вот только ничего у тебя не получится* и др.

Покажем это на примерах отдельных частиц разных функциональных типов.

1. *Акцентирующие частицы* [здесь и далее классификация по: Стародумова, Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). – Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 291 с.].

Акцентирующая частица *именно* употребляется для логического выделения компонента как обозначающего «единственно истинный и важный в данном сообщении признак или предмет» [Словарь служебных слов русского языка, 2001, с. 30]. Из существующего некоторого рода предметов, признаков выделяется/утверждается один из них. «Акцентируя какой-либо компонент, частица утверждает объект, признак, им обозначаемый, как несомненно истинный» [Стародумова, 2002, с. 93], «выделяет из некоторого множества признак или ситуацию, которые определяются как желательные, предпочтительные для адресата» [Шимчук, Щур, 1999, с. 72]: – <...> *Так вы такую-то красоту цените? – Да... такую* <...> *То есть именно такую. – Именно такую* [с. 107]; *И вот ей именно захотелось теперь еще больше поднять пред ними голову* <...> [с. 615]; – *Без сомнения <...> остались и дворяне с детьми. – Именно, именно! Он хотел привлечь бояр!* [с. 518].

Частицы *даже, даже и* употребляются «для подчеркивания высокой степени проявления какого-либо признака путем указания на лицо, предмет, действие и т. п., на которые, вопреки ожиданиям, он распространяется» [Морковкин, 2002, с. 39], «выделения и усиления слова или слов» [Ефремова, 2004, с. 86; Словарь наречий и служебных слов русского языка, 2005, с. 129], к которым относятся. В тексте романа они:

а) **указывают на максимальный предел:** *«Лицо молодого человека было, впрочем, приятное, тонкое и сухое, но бесцветное, а теперь даже досиня изъязвленное»* [с. 29]; *Детям запретили даже и встречаться с нею...* [с. 98]; *«Ради бога, не думайте <...> что я принадлежу к таким существам, которым наслаждение себя унижать, хотя бы даже и из гордости. Нет, не могу себя унижить даже и из припадка гордости»* [с. 479];

б) **используются для выражения градации, чтобы показать переход одного состояния в другое, более сильное:** *«<...> это впечатление сострадания <...> не оставило и теперь. О нет, даже было еще сильнее»* [с. 372]; *Сам Афанасий Иванович <...> был видимо не в духе и даже в каком-то не свойственном ему замешательстве* [с. 164]; *В этой важности можно было видеть теперь только безграничность и, пожалуй, даже наивность ее уважения к тому, что она взяла на себя передать»* [с. 227];

в) **относясь к одному явлению, выраженному единичным словом или сочетанием слов, подчеркивают внешнее проявление психологического состояния персонажа романа в целом:**

«Заметили, что у Настасьи Филипповны как-то особенно засверкали глаза и даже губы вздрогнули, когда Афанасий Иванович кончил» [с. 180]; – *А... генерал? – Целый день сиделся <...> то радостен и вакхичен даже до льстивости, то чувствителен даже до слез, а то вдруг рассердится, да так, что я даже и струшу-с; я, князь, все-таки человек не военный-с»* [с. 513].

Частица *вот* имеет достаточно широкий семантический спектр: «указывает на находящееся в непосредственной близости, происходящее перед глазами или как бы перед глазами» [Гольдин, 1998, с. 41]; «употребляется для уточнения, усиления значения последующего слова или высказывания в целом» [Словарь наречий и служебных слов русского языка, 2005, с. 81–82]; «выражает высокую степень обнаруживаемого признака и обусловленное этим эмоциональное состояние говорящего» [Шимчук, Щур, 1999, с. 39–40]; «выделяет то, на чем должно быть сосредоточено внимание, что оценивается как главное, существенное или безусловное» [Ожегов, Шведова, 1999, с. 100]; «указывает на наличие какого-либо факта, для выделения его» [Морковкин, 2002, с. 36]. Составные частицы, в которые входит компонент *вот*, характеризуются более сложной семантикой, различными экспрессивными и эмоциональными приращениями, разнообразием функций [Лютц, 1992, с. 3]. Например: частица *вот* подчеркивает или усиливает тот член предложения, к которому относится, приковывает внимание к единственно важному моменту и т. д. – *Да! вот что я хотел сказать <...> вот Бурдовский искренно хочет защитить свою мать <...> Вот князь хочет помочь Бурдовскому <...> и вот они-то и стоят друг пред другом как настоящие враги...* [с. 318]; – *Князь <...> вот здесь старые мои друзья, генерал да Афанасий Иванович, меня все замуж выдать хотят* [с. 181].

Частицы с компонентом *вот* используются и для подведения к закономерным результатам, пределам, итогам, выражения неожиданного события: – *Я действительно хотела рассказать свой анекдот, ну, вот и рассказала; не хорош разве?* [с. 182]; – *Вот и развязка! – вскричала Настасья Филипповна* [с. 183]; – *И вот, наконец, привел бог к концу* [с. 177]; – *Вот так-то вы все: или с бесчестными, или с честными женщинами знаться – один выбор!* [с. 197]; – *Зачем ты это прибавил? И вот опять раздражился, – сказал князь, дивясь на Рогожина* [с. 233].

Частицей *вот* нередко сопровождается совет, поучение: – *А ты сто тысяч-то возьми, а его прогони, вот как с ними надо делать* [с. 185]; – *Вот и учитесь у умных людей!* [с. 181].

В тексте романа частица *вот* (одна или в сочетаниях с другими служебными и местоименными словами) употребляется и в качестве самостоятельных реплик: – *Так бы тебя взял и отравил чем-нибудь! Вот как* [с. 233].

Общим для всех случаев употребления частиц с компонентом *вот* в тексте романа «Идиот» является указание на признак, явление, событие, выделение и тем самым усиление его. Из частой повторяемости частиц данной группы в пределах одной страницы можно сделать вывод о важной роли этих частиц в стиле Достоевского: – *Вот это так уж подлость сознательная!* <...> – <...> *Вот посмотрите на сапоги!..* <...> *Вот каков этот человек* <...> *Я вот уже третий день здесь лежу, и чего нагляделся!* – <...> *он вот этого ангела, вот эту девушку* <...> *подозревает* <...> [с. 220].

2. Частицы, выражающие неполное проявление признака (почти, чуть не, чуть ли не, чуть было не и др.), употребляются в тексте романа «Идиот» в качестве: а) средства преувеличения: *«Надо полагать, что генерал успел рассказать при этом чуть не всю свою историю* [с. 154]; *Генерал Епанчин беспокоился про себя чуть не пуще всех* [с. 164]; *Один только Лебедев был из числа наиболее ободренных и убежденных и выступал почти рядом с Рогожиным, постигая, что в самом деле значит миллион четыреста тысяч чистыми деньгами и сто тысяч теперь, сейчас же, в руках*» [с. 186]; б) средства преуменьшения: – *И* <...> *хоть я ровно ничего не знаю практически ни в здешних обычаях* <...> *но так я и думал, что у нас непременно именно это и выйдет, как теперь вышло* [с. 50]; – *Так и будет, – тихо, хрипло и чуть не шепотом ответил Ипполит* [с. 312]; – *Денег же у меня в настоящую минуту почти ни копейки нет* [с. 39]; в) средства указания на психологическое состояние героя романа как очень сильное по своему проявлению: *«Глаза Лизаветы Прокофьевны горели, она чуть не дрожала от нетерпения* [с. 341]; *В эту минуту Лизавета Прокофьевна быстро поднялась с места, подняла всех за собой и чуть не побежала оттуда*» [с. 347].

Образование *чуть было не* указывает на действие с несуществленным или аннулированным результатом, которое остановлено с приложением максимума усилий: *«Он даже*

чуть было не спросил Ипполита: “давно ли он в университет?”, но не спросил [с. 314]; *Лизавета Прокофьевна чуть было не прогнала ее на место*» [с. 276]. Внедрение «ли» в частицы приводит к преобразованию значения этих частиц в гипотетическое усиление: *«Но хоть дело было и кончено, а князь остался озабочен чуть ли не более прежнего* [с. 514]; *Нина Александровна, видя искренние слезы его, проговорила ему, наконец, безо всякого упрека и чуть ли даже не с лаской: “Ну, бог с вами, ну, не плачьте, ну, бог вас простит!”*» [с. 553].

3. Частицы, выражающие оценку признака как гипотетического (как бы, как будто, будто бы и др). Основным компонентом семантики частиц этой группы является указание на приблизительность, видимость, кажимость близкой вероятности предельного проявления признака и его неопределенность, гипотетичность.

Данные частицы подробно рассматривались во многих исследованиях [Широкова, 1957; Чиркина, 1965; Черкасова, 1971; Черемисина, 1976; Степенкова, 1982; Арутюнова, 1996, 1997 и др.]. Остановимся на некоторых аспектах семантической специфики этих частиц: а) значение кажимости (указание на то, что признак (действие, состояние) не является реальным, а выступает кажущимся, мнимым, гипотетическим): *«Лебедев даже руки сложил, как бы в мольбе* [с. 473]; *На вопрос князя* <...> *капитанша назвала почти тот самый час, в который видела будто бы его сегодня, в своем саду* [с. 615]; *Князь припомнил, что как будто и сам он что-то в этом роде уже слышал* <...>» [с. 610]; б) кажимость – преувеличение: *«Точно вечность уже осеняла его мрачным крылом своим* [с. 523]; *Князь с потерянными видом улыбнулся ей. Вдруг горячий, скорый шепот как бы ожег его ухо*» [с. 325] (в данном примере как бы входит в контекст внезапности (подтверждением этого является слово *вдруг*). При этом признак (действие, состояние) кажется преувеличенным); *«В этом вопле вдруг исчезает как бы все человеческое*» [с. 260]; в) кажимость – сомнение, неуверенность: *«В его душе будто бы странно сошлись страсть и ненависть, и он* <...> *поклонился в душе* <...> *“доехать” ее потом, как он будто бы сам выразился* [с. 75]; *И та и другая как будто не выговаривали всю свою мысль* [с. 105]; *Что-то как бы пронзило князя и вместе с тем как бы что-то ему припомнилось – недавнее, тяжелое, мрачное...*» [с. 249]; г) кажимость – уверенность в обратном: – *Точно не знает! Да ведь вот* <...> *сам сейчас*

выговорил [с. 520]; – Ну, что вы стали? **Точно** не понимаете [с. 528]; – *Выходит, что им будто бы тут бесчестье* [с. 137]; д) **кажимость – приблизительность, схожесть**: «Мало-помалу в нем самом подготовилось нечто **вроде** какого-то вдохновения, готового вспыхнуть при случае [с. 560]; ...Казалось, он глядел на нее как на предмет, находящийся от него за две версты, или как бы на портрет ее, а не на нее самое» [с. 370].

Все частицы данной группы, «отмечая какой-либо факт как гипотетический (метафорический или вызывающий сомнения, недостоверный), имеют принципиально неограниченную сочетаемость» [Стародумова, 2002, с. 158].

II. Грамматические средства выражения усиления

Среди грамматических средств отметим случаи **суффиксации и префиксации**. Обращает внимание большое количество форм превосходной степени – образований с суффиксами **-ейш-, -айш-**. Например: – *О ком бы ни шла речь, а я настояю на **полнейшем** к вам уважении, кто бы ни перешел чрез наш порог...* [с. 126]; – *Никакой нет глупости, кроме **глубочайшего** уважения <...>* [с. 274].

Усилительная функция форм превосходной степени несомненна. Известно, что эти формы (а также прилагательные словообразовательными аффиксами) имеют в языке три основных значения: «**первое** – это значение предельной степени признака или безотносительно большой меры признака» [Виноградов, 1947, с. 206], «выражение высшей степени качества без сравнения с другими предметами» [Гвоздев, 1955, с. 174] – **элятив**. Например: «*Ну, вот, это простой, обыкновенный и **чистейший** английский шрифт <...> но вот и вариация <...> позволен росчерк, а росчерк это **наипаснейшая** вещь!* [с. 59]. – *С тех пор я ужасно люблю ослов <...> это **преполезнейшее** животное <...>* [с. 81]; – *Присядьте-ка на минутку <...> помочь вам капельку искренно желаю, <...> в виде **необходимейшего** <...>*» [с. 59]. **Второе** – «это значение высшей степени качества, присущее какому-нибудь выделенному (или выделенным) из группы, ряда, среды лицу (лицам или предметам) по сравнению с другими» [Виноградов, 1947, с. 208], «выражение высшей степени качества в сравнении с другим предметом» [Гвоздев, 1955, с. 174] – **суперлятив**. Например: – *<...> страннее всего то, я сам считаю коротенький анекдот, который сейчас расскажу, **самым сквернейшим** анекдотом из всей моей жизни (анекдотов)* [с. 175]; – *Ну, вот-с и все-с. <...>*

*этот случай считаю, по совести, **самым сквернейшим поступком** из всей моей жизни (поступков)* [с. 177]; *Сообща с одним знакомым техником, он способствовал, собранными сведениями и изысканиями, более верному направлению **одной из важнейших** проектированных железных дорог (из важных)* [с. 211]; *Говорят, **один из известнейших** юмористов наших (из известных) обмолвился при этом восхитительною эпиграммой...* [с. 291]. «**Третье**, редкое, почти вымершее в современном литературном языке, – это **значение сравнительной степени**» [Виноградов, 1947, с. 209]. Например: «*Стало быть, было же **нечто сильнейшее** костров и огней и даже двадцатилетней привычки! Стало быть, была же **мысль сильнейшая** всех несчастий, неурожаев, истязаний, чумы, проказы <...>*» [с. 402].

Обилие форм превосходной степени в тексте романа настолько очевидно, что это становится признаком стиля. Наблюдается заведомая установка писателя на предпочтительное употребление форм превосходной степени; часто имеет место даже нагнетание этих форм в рамках одного предложения: «*Рядом с одним **из богатейших** поместий Афанасия Ивановича <...> бедствовал один мелкопоместный и **беднейший** помещик <...> При **малейшей** удаче он необыкновенно ободрялся. Ободренный <...> он отлучился <...> столкнуться окончательно с одним из **главнейших** своих кредиторов*» [с. 65].

Все языковые средства мобилизуются писателем для выражения значения усиления указанных форм. Так, в предложении: «*А Тоцкий от нее как **отвязаться** теперь не знает, потому совсем то есть лет достиг настоящих, пятидесяти пяти, и жениться на **первейшей** красавице во всем Петербурге хочет*» [с. 37], Ф. М. Достоевский использует словосочетание **первейшая красавица**. Выражение **первая красавица** уже само по себе довольно сильно выражает характеристику персонажа, уровень притязаний Тоцкого, но суффиксация создает в нем понятие предельности, высшей степени проявления этого качества, что, однако, показалось автору мало – и он использует и префиксацию как способ образования превосходной степени. Все это делает характеристику персонажа предельно выразительной.

При образовании форм превосходной степени наряду с суффиксацией понятие предельности степени усиливается одновременным применением лексического способа образования этих форм словом **самый**: «*Когда Тоцкий так любезно обра-*

тился к нему за дружеским советом насчет одной из его дочерей, то тут же, **самым благороднейшим** образом, сделал **полнейшие** и откровенные признания» [с. 71].

Предельность проявления качества достигается и использованием префиксов превосходной степени (**пре-**, **наи-**) прилагательных, и без того уже грамматически оформленных как превосходная степень (**-ейш**). Например: «<...> **Настасья Филипповна, можно рекомендовать вам, это предрагоценнейший субъект, хоть я и сам только с утра знаком** [с. 132]; – **Сироты, сироты!** – таял он, подходя, – и этот ребенок на руках ее – сирота, сестра ее, дочь Любовь, и рождена **в наизаконнейшем** браке <...>» [с. 269].

В своем стремлении выразить предельность переживаний и чувств человека Достоевский прибегает иногда к созданию своеобразных, необщепринятых форм слова. Это тоже является средством усиления: необычное не проходит незамеченным, оно неизбежно останавливает на себе внимание читателя. Разумеется, необычность авторских построений относительно: она находится все же в пределах норм языка; во всяком случае в разговорной речи этого рода словосочетания вполне возможны. Например: «Если бы сказали <...> **А то молчат... вдруг <...> без самомалейшего <...> светло-голубая хватъ у меня из руки сигару и за окно... <...> я с необыкновенною вежливостью, с совершеннейшею вежливостью, с утонченнейшею, так сказать, вежливостью, двумя пальцами приближаюсь к болонке <...>** [с.137]; – **А кто уведомлял письмами Лизавету Прокофьевну, даже в наиглубочайшем секрете-с, хе-хе!**» [с. 549].

Как отмечает М. М. Литвинова, «действия, обозначенные глагольными интенсивами, могут быть модифицированы словообразовательным средством. Предикаты с приставкой **вы-**, обозначающие интенсивное движение, действие, направленное наружу, регулярно формируют активные, деятельные (актуальные) начала (образы)» [Литвинова, 2002, с. 14]. Например: «<...> я тогда лица **Настасьи Филипповны** не мог **вынести** <...> я не могу лица **Настасьи Филипповны** **выносить** <...> Я еще утром, на портрете, не мог его **вынести**...» [с. 606]; **Уйди, Рогожин, тебя не нужно!** – кричала она почти без памяти, с усилием **выпуская** слова из груди, с искажившимся лицом и с запекшимися губами...» [с. 594].

В научной литературе имеется целый ряд исследований, посвященных изучению компонентов усиления, экспрессив-

ной напряженности (интенсивности) в семантике разнообразных приставочных образований [см.: Маслов, 1965; Бондарко, 1971; Авилова, 1976; Мусиенко, 1984; Зализняк, Шмелев, 2000 и др.], где доказывается, что сема интенсивности может: а) накладываться на другие значения; б) сопровождать начальные, однократные и многократные действия; в) выступать в вариантах чрезмерности, тщательности и полноты охвата действием, исчерпанности и невозможности продолжать действие или обуславливаться тотальным или накопительным значением аффиксов; г) присоединяться как к основам нейтральным в отношении интенсивности, так и к основам, в которых эта сема инкорпорирована в семантику корня. Например, глаголы с приставкой **вы-** в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» обозначают усиление как:

а) **тщательность действия**: «Генерал **выследил** это заблаговременно <...> [с. 76]; **Князь объяснил <...> Нина Александровна и Варя выслушали <...>** [с. 125]; – **А между тем <...> Нелатон, парижский гофмедик, свободный пропуск во имя науки выхлопотал и в осажденный Севастополь являлся меня осматривать**» [с. 155];

б) **завершенность действия, доведения до конца или предела**: «Она **выказала** необыкновенную решимость и обнаружила самый неожиданный характер [с. 67]; – <...> про **Настасью Филипповну** какое слово молвишь, то, вот тебе бог, тебя **высеку** <...> – А коли **высечешь**, значит и не отвергнешь! Секи! **Высек, и тем самым запечатлел...**» [с. 38];

в) **неконтролируемость действия**: – А Ганя не знает? Ганя многого еще, кажется, не знает, – **вырвалось** у задумавшегося князя [с. 161]; **Варя дернула раз, другой <...> но не выдержала и вдруг, вне себя, плюнула брату в лицо** [с. 143]; – Я не так хотела **выразиться** <...> – Вы увлеклись, маменька, и опять не **вытерпели** <...> [с. 127]; А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот, что вот знаешь наверно, что <...> **вот сейчас – душа из тела вылетит, и что человеком уж больше не будешь <...>** [с. 47];

г) **полноту охвата действием**: – И не стыдно <...> соки **высосал** и тем еще недоволен <...> [с. 159]; Этот маневр <...> способен был **выводить** его из последних границ [с. 128]; – Да неужели же ни одного между вами не найдется, чтобы эту бесстыжую отсюда **вывести!** – вскрикнула вдруг, вся трепеща от гнева, Варя [с. 143];

д) **невозможность продолжать действие**: «**Казалось, вся злоба Гани вдруг опрокинулась на князя: он схватил его за**

плечо и смотрел на него молча, мстительно и ненавистно, как бы не в силах **выговорить** слово [с. 130]; Этого сюрприза даже и Барашков, приученный к “синякам фортуны”, не мог **вынести**; он сошел с ума и чрез месяц помер в горячке» [с. 65];

е) **сопровождение действия большими усилиями**: «<...> сосед его принужден был **вынести** на своей изможденной спине всю сладость сырой, ноябрьской русской ночи, к которой, очевидно, был не приготовлен [с. 30]; – <...> как же вы такую муку **выбрали**, зная, что она в самом деле семидесяти пяти тысяч не стоит?» [с. 148];

ж) **чрезмерность действия, предельность**: «В крайних случаях генеральша обыкновенно чрезвычайно **выкатывала** глаза <...> – Принять? Вы говорите его принять, теперь, сейчас? – и генеральша изо всех сил **выкатила** свои глаза на суетившегося перед ней Ивана Федоровича [с. 77]; – Хоть вас и можно извинить <...> но вы, в досаде вашей, даже два раза меня **выбрали** [с. 115]; – Да... как же это? – удивился до столбняка и чуть не **выпучил** глаза чиновник <...>» [с. 34].

Среди рассматриваемых глагольных парадигм выделяются так называемые **семантические диффузы** – слова, возникшие в результате абсолютизации интенсемы в структуре значения и потому без учета контекста приложимые к широкому кругу интенсивных действий [Бельская, 2001, с. 15]. Такие глаголы в неодинаковой степени оторваны от своего привычного значения, мотивирующего развитие образных ассоциаций, и используются для просторечного обозначения быстрого, энергичного действия: «<...> светло-голубая **хват** у меня из руки сигару и за окно... <...> **приближаюсь** к болонке <...> и **шварк** ее за окошко вслед за сигаркой! <...> – Но что же барыня <...> – <...> она **хват** меня по щеке!» [с. 137].

Выражение интенсивности признака, предельности значения, максимальной экспрессии применительно к именам существительным во многих случаях уже включено в само слово (гнев, негодай, дура, раздражение, ужас, взрыв, красавица, раскрасавица, негодование, рожа и др.): – Экая **красавица**! – кричали в толпе. – Не она первая, не она и последняя! – Венцом все прикрывается, **дураки**! – Нет, вы найдите-ка такую **раскрасавицу**, ура! – кричали ближайшие [с. 617]; – Но вам надо язвить и шпионить, потому что вы... вы... – **Винт**, – усмехнулся Ипполит. – Потому что вы **дрянь** <...> манкированный **самоубийца**, разлившаяся **желчь** [с. 500]; – Тью! Что взял! **Рожа-то** в крови! Тью! [с. 375].

Аффиксация как выражение интенсивности признака в области существительных также характерна для романа. Например: – Опять **жарища** (увеличительно-неодобрительное значение) на целый день, – с небрежной досадой бормотал Ганя [с. 141]; А ты у меня не усмехайся, **пачкун**! (накинулась она вдруг на Ипполита): сам еле дышит, а других **развращает** (неодобрение) [с. 311]; Прежде всего уж то, что “этот **князишка** (пренебрежение, презрение, ирония) – большой идиот, второе – дурак (неодобрение), ни света не знает, ни места в свете не имеет: кому его покажешь, куда приткнешь? Демократ какой-то неопозволительный, даже и **чинишка-то** (уничтожение, неодобрение, ирония) нет, и... и... что скажет Белокопская?” [с. 528]; – Аглая-то бы **струсила**? – вспыхнула Варя, презрительно поглядев на брата: – а низкая, однако же, у тебя **душонка**! (уничтожительно-презрительное) [с. 494]; Развратнейший был **старикашка** (пренебрежительно-ласкательное) [с. 374].

Своеобразие форм на **-ин-**, **-ищ-**, **-ан-** и др. состоит в том, что они несут двойную нагрузку: на передаваемое ими значение предельности, максимального проявления признака накладывается эмоционально-оценочный фон, определяющий разные стороны их стилистического использования. «Значение существительных с уменьшительными и увеличительными суффиксами <...> реализуется на лексическом уровне и является суммой значения корневой и аффиксальной морфем» [Воротников, 1999, с. 66].

В литературе о Достоевском отмечено пристрастие писателя к употреблению конструкций с предлогом до [Краг, 1963, т. IX, 34–35; Иванчикова, 1979, с. 279]. Среди многочисленных случаев использования Достоевским таких конструкций встречается их употребление при обозначении крайнего предела достижения чего-либо. Например: «Чрезвычайное, почти неестественное напряжение, поддерживавшее до сих пор Ипполита, дошло до этой последней степени [с. 440]; Смотрите, не доведите меня до черты; все скажу... [с. 498]; Впрочем, многое было в Настасье Филипповне, что неприятно (а впоследствии даже до презрения) поражало Афанасия Ивановича [с. 163]; Одним словом, Фердыщенко совершенно не выдержал и вдруг озлобился, даже до забвения себя» [с. 174].

Ф. М. Достоевский широко использует богатые возможности фразеологии. Употребление фразеологических единиц со значением интенсивности признака, крайней степени прояв-

ления вызвано тем, что, «исходя из особенностей своей природы, обладая мощным коннотативным потенциалом (включающим эмоциональность, оценочность и т. д.), они обеспечивают большую экспрессию, чем соотносимые с ними лексемы и свободные словосочетания» [Литвинова, 2000, с. 17]. Например: – *А! Так вот как! <...> В бараний рог сверну!..* [с. 113]; *С другой стороны <...> он имеет теперь дело с существом совершенно из ряду вон...* [с. 68]; *Она заметила <...> слишком забежали вперед и из мухи сочинили слона...* [с. 529].

Таким образом, отбор и творческое применение Достоевским определенных грамматических способов выражения максимальной экспрессии, предельности связаны с отражением весьма разнообразных авторских целеустановок и служат для активизации читательского восприятия.

III. Стилистические средства выражения усиления

Важным средством усиления экспрессивности того или иного выражения служит в романе прием повторения совершенно одинаковых слов, тавтология: «*Аглая... вдруг разразилась хохотом прямо ему в глаза, – таким веселым и неудержимым хохотом, таким смешным и насмешливым хохотом, что Аделаида первая не выдержала* [с. 331]; – *И я не верю, хоть есть улики. Девка своевольная, девка фантаслическая, девка сумасшедшая! Девка злая, злая, злая!* [с. 307]; *Неприличную записку! Неприличную благородной, воспитанной, умной, умной девушке!*» [с. 310].

В повторении одинаковых прилагательных Достоевский изыскивает приемы, способные еще более усилить степень выражаемого ими качества, довести его до предела. Перечисление иногда строится в порядке градации: следующий член перечисления усиливается восклицанием или определительным словом, экспрессивность его возрастает: «*А какое симпатичное, какое милое лицо <...> какое невинное, какое почти детское выражение и какой почти детский смех!*» [с. 253].

Характерно для стиля Достоевского повторение одинаковых: а) наречий: «*Тут одно обстоятельство очень редко бывает*» [с. 59]; б) местоимений: – *Я вас задержал: я хотел вам все сказать... я думал, что все... в последний раз... это была фантазия...* [с. 320]; в) глаголов: «*Не смейтесь над глупцом! Забудьте! Забудьте все... забудьте, пожалуйста, не будьте так жестоки!*» [с. 322]; г) частиц: «*Что-то как бы пронзило князя и вместе*

с тем как бы что-то ему припомнилось – недавнее, тяжелое, мрачное [с. 218]; *А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот, что вот знаешь наверно, что вот через час, потом через десять минут <...> вот сейчас <...> Вот как голову кладешь под самый нож <...> вот эти-то четверть секунды всего и страшнее* [с. 225]; *Он был как-то рассеян, что-то очень рассеян, чуть ли не встревожен, даже становился как-то странен <...>*» [с. 123]. Нагромождение частиц предельно усиливает экспрессию, создает впечатление наивысшего выражения действий и поступков и т. д.; д) синтаксических конструкций: «*Я ничего теперь не хочу, ничего не хочу хотеть, я дал себе такое слово, чтоб уже ничего не хотеть; пусть, пусть без меня ищут истины! Да, природа насмешлива! Зачем она, – подхватил он вдруг с жаром, – зачем она создает самые лучшие существа с тем, чтобы потом насмеяться над ними? Сделала же она так, что единственное существо, которое признали на земле совершенством... сделала же она так, что, показав его людям, ему же и предназначила сказать то, из-за чего пролилось столько крови, что если б пролилась она вся разом, то люди бы захлебнулись наверно!*» [с. 322].

Конструкции с повторением одинаковых форм, одинаковых слов, так обильно представленные в тексте романа, не есть недостаток, это особый стилистический прием, способ выражения взволнованной речи и мысли, смятения и растерянности героев Достоевского.

Автор не довольствуется простой констатацией факта. Перечисляя, противопоставляя близкие по смыслу слова, он находит в них то, что служит средством усиления, обнаружения невидимых глазу оттенков: «*В последние десять или двадцать минут он говорил, разгорячившись, громко, нетерпеливою скороговоркой, увлекшись, стараясь всех переговорить, перекричать <...>*» [с. 265].

Как отмечает Г. Я. Сими́на, «у многих художников слова встречается прием сочетания синонимов, но у Достоевского он является одним из основных, определяющих индивидуальную манеру писателя» [Сими́на, 1957, с. 139]. Своеобразие этого приема состоит в том, что он не вызывается простой необходимостью перечислить различные предметы или явления с целью их обобщения, сведения к единому понятию, а служит средством усиления, своеобразного насыщения значения. Не случайно строится конструкция перечисления по

принципу градации: *«Он опять шел бледный, страдающий, взволнованный [с. 256]; Да, конечно, это был сон, кошмар и безумие; но тут же заключалось и что-то такое, что было мучительно-действительное и страдальчески-справедливое, что оправдывало и сон, и кошмар, и безумие» [с. 477].*

В ряду стилистических средств выражения значительности высказываемой мысли находятся многочисленные приемы выражения «недосказанностей», наличие которых в тексте романа «Идиот» создает атмосферу чего-то «непостижимого», рокового. Большое количество приемов разного рода недосказанностей в романе обусловлено боязнью назвать словами то, что скрыто в глубинах человеческого сознания, возможностью ограничиться лишь намеком на то важное и страшное, враждебное, что всегда подстерегает героев Достоевского: – *Что ж, в нее, что ли, влюблен, коли так? – Теперь для нее приехал? Для этой? – Я приехал не для того, чтобы жениться на той [с. 306]; Князь не видал ее уже слишком три месяца. Все эти дни по приезде в Петербург он собирался быть у нее <...> [с. 395].*

В ряде случаев ключом расшифровки намека, эвфемизма служат авторские ремарки, которые указывают на то, что под сказанным понимается нечто иное, более значительное. Созданные автором в целях усиления многозначительные ситуации подчеркивают атмосферу тревоги, волнения: – *Небось! Я хоть и взял твой крест, а за часы не зарежу! – невнятно пробормотал он, как-то странно вдруг засмеявшись [с. 247].*

Часты в романе и приемы обрыва речи, которые являются средством отражения сильного волнения, глубоких переживаний говорящего. Грамматически этот прием выражается прерванным предложением, на письме – многоточием. Например: – *Я вас... Настасья Филипповна... люблю. Я никому не позволю про вас слово сказать, Настасья Филипповна... Если мы будем бедны, я работать буду, – в волнении говорил князь [с. 155]; – Ну да... нет... половину свечки... огарок... целую свечку, – все равно, отстаньте! [с. 416].*

Таким образом, стилистические и языковые средства выражения усиления, предельности, максимального проявления признака действия, состояния, обильно представленные в романе Ф. М. Достоевского «Идиот», составляют характерную особенность его индивидуальной манеры. Творческая тенденция Достоевского – глубина психологического раскрытия своего героя, предельность обнажения жизненных тупиков,

максимальная экспрессия – требовала и находила в языке романа соответствующие средства для ее выражения.

2.2.2. Языковые и стилистические средства акцентуации признака неопределенного содержания

Максимальная экспрессия, глубина проникновения в духовный мир персонажей, «усиленный психологизм» (Сими-на) достигаются обилием языковых и стилистических приемов: а) создающих напряженность действия романа; б) потрясающих таинственностью и неожиданностью «свалившихся на голову» персонажей обстоятельств, случайным, непредвиденным вторжением роковых сил; в) показывающих трагизм одиночек, униженных и оскорбленных социальной несправедливостью, их отчаяние, смятение, беспомощность, крайнюю степень безысходности; г) вскрывающих «в героях элементы раздвоенности, наличие неких противоборствующих сил», одна из которых «побеждает не сразу, а после сомнений и раздумий, после преодоления массы случайностей, препятствий, неожиданно возникших на пути героя» [Симина, 1957, с. 140]. Например: *«Если б они оба знали <...> подивились бы, что случай так странно посадил их друг против друга <...> [с. 29]; О, много, много вынес он совсем для него нового в эти шесть месяцев, и нежданного, и неслыханного, и неожиданного! [с. 253]; Чрезвычайное, неотразимое желание, почти соблазн, вдруг оцепенили всю его волю» [с. 252].*

В своеобразии синтаксических конструкций, в обилии различных приемов устранения определенности субстанции реализуется стремление автора усилить впечатление, «подогреть страсть», «накалить обстановку» до предела, подчеркнуть неопределенность, таинственность и мощь сил, руководящих судьбой и поступками людей. Для этих целей Достоевский использует конструкции с неопределенными местоимениями и частицами: *«Но и поклонники и женщины – все это было нечто особенное, нечто совсем не такое, как остальная публика, собравшаяся на музыку [с. 371]; Или в самом деле было что-то такое в Rogожине <...> что могло оправдывать ужасные предчувствия князя и возмущающие нашептывания его демона? Нечто такое, что видится само собой, но что трудно анализировать и рассказать... [с. 352]; Вся эта*

дикая тирада, весь этот наплыв <...> все это предрекало **что-то** опасное, **что-то** особенное <...> [с. 568]; О, конечно, и он замечал иногда **что-то** как бы мрачное и нетерпеливое во взглядах Аглаи; но он более верил **чему-то** другому, и **мрак** исчезал сам собой [с. 541]; И опять в тот же вечер промелькнуло **что-то** очень для всех загадочное с ее стороны [с. 549]; – Да за что же <...> все в нем в эту минуту было **как-то** разбросано и кипело в беспорядке <...>» [с. 114].

В русской и мировой литературе давно и прочно утвердилось мнение о Достоевском как величайшем мастере художественного слова, «знатоке человеческих душ», тонком психологе. «Между тем именно обращаясь к психологическому субстрату поведения своих героев и их речевых действий, Достоевский более всего употребляет слова неопределенности: **как-то**, **какой-то**, **как бы** и др.» [Арутюнова, 1996, с. 849].

В современной лингвистике накоплена обширная литература по проблеме неопределенности [см.: Сими́на, 1957; Шелякин, 1978; Ермакова, 1986; Ковтунов, 1993; Арутюнова, 1996; Караулов, 1996, 1997 и др.].

Неопределенные слова у Достоевского – это «средство выразить понятие неопределенности субстанции, средство усиления впечатления непостижимости, фатальности мистических сил, зловещих в своей неуловимости» [Сими́на, 1957, с. 146].

С помощью безличных предложений, которыми изобилует роман, Достоевский показывает фатальность непостижимой силы, которой нет и не может быть названия. Например: «Ему как бы хотелось разгадать **что-то**, скрывавшееся в этом лице и поразившее его давеча [с. 106]; Ему было очень тяжело и хотелось поскорее из этого дома [с. 241]; Ему вдруг пришлось сознательно поймать себя на одном занятии, уже давно продолжавшемся <...>» [с. 249]. В целях обеспечения «указанной тенденции в роли подлежащего иногда выступает существительное, выражающее отвлеченное понятие (мысль, желание, идея и т. п.). При этом действие, выраженное личным глаголом, имеет метафорическое значение. В этих условиях личная конструкция становится семантически адекватной безличной» [Сими́на, 1957, с. 147]. Например: «Чрезвычайное, неотразимое желание, почти соблазн, вдруг оценили всю его волю <...> Другое, мрачное, мучительное любопытство соблазняло его. Одна новая, внезапная идея пришла ему в голову... [с. 252]; Он вдруг оборотился к князю,

и, казалось, по лицу его вдруг прошла беспокойная мысль, что ведь князь был тут и все-таки слышал» [с. 58].

В использовании имен существительных с определением, выраженным прилагательным или наречием неопределенного значения, прослеживается умение автора максимально выделить ту непостижимую силу, которая неуловимо, загадочно-тайнственно, подсознательно действует в человеческой душе. При этом определения не уточняют субстанцию, а делают ее еще более неопределенной, размытой. Например: «<...> тут же были люди и весьма **странного** вида, в **странном** платье, с **странно** воспламененными лицами... [с. 371]; – Да дай же я хоть обниму тебя на прощанье, **странный** ты человек! <...> [с. 247]; Несколько времени спустя, на улице, он вдруг как бы **что-то** припомнил, как бы **что-то** внезапно сообразил, очень **странное**, **что-то** уж долго его беспокоившее [с. 249]; **Странный** и ужасный демон привязался к нему окончательно и уже не хотел оставлять его более» [с. 256].

Неконкретность такого определения иногда подчеркивается и употреблением неопределенного наречия или неопределенного местоимения, которые «придают еще большую неопределенность понятию» [Сими́на, 1957, с. 148], «указывают на особую, необычную разновидность признака, трудно уловимую и трудно определимую» [Арутюнова, 1996, с. 849], выделяют «непомысленное, которое все еще скрыто внутри уже помысленного» [Хайдеггер, 1991, с. 142]. Например: «Тут, очевидно, было **что-то** другое, подразумевалась **какая-то** душевная и сердечная бурда, – **что-то** вроде **какого-то** романического негодования, бог знает на кого и за что, **какого-то** ненасытного чувства презрения, совершенно выскочившего из мерки, – одним словом, **что-то** в высшей степени смешное и недозволенное в порядочном обществе <...> [с. 68]; Но только что он вспомнил об этом, с ним вдруг опять случилось **что-то** особенное [с. 252]; С тех пор он **как-то** особенно полюбил эту глухую, степную свою деревеньку... [с. 193]; Несмотря, однако ж, на то, все-таки было и оставалось **что-то** в Настасье Филипповне, что иногда поражало даже самого Афанасия Ивановича <...> **какою-то** силой <...> [с. 163]; – Я, положим, с вами **где-то** встречался, но... – Вишь, **где-то** встречался!» [с. 141].

Значение неопределенности создается и частицами двух семантических групп:

1. Частицы, оценивающие признак, ситуацию как гипотетические (будто, словно, как будто, как бы, якобы, вроде, словно бы, будто бы, словно как, вроде бы, вроде как).

Для частиц этой группы общим является употребление при выражении «условного предположения», «сомнения в достоверности чего-либо» [Рогожникова, 1991, с. 110; Морковкин, 1997, с. 159; Кузнецов, 1998, с. 410; Шимчук, Щур, 1999, с. 78–79; Ожегов и Шведова, 1999, с. 260; Ефремова, 2004, с. 249; Ушаков, 2004, с. 500; Лопатин, 2005, с. 220; Словарь наречий и служебных слов русского языка, 2005, с. 211; Ожегов, 2006, с. 212]. Значения неопределенности, сомнения, предположения дают возможность Достоевскому широко использовать данные частицы на страницах романа в качестве средства выражения таинственной силы, управляющей судьбой человека, а также психологического состояния персонажей. Например: «...*Неужели вы думаете, что я не в состоянии распечатать этот пакет?* – прибавил он <...> *как будто* обращаясь ко всем безразлично [с. 408]; Он повернул к ней голову <...> но вдруг, *точно* мгновенно забыв ее, опять отвел глаза направо и опять стал следить за своим чрезвычайным видением [с. 374]; Нина Александровна в претензии на меня, что я *будто бы* развращаю теперь ее супруга пьянством [с. 472]; С ним произошла опять, и *как бы* в одно мгновение, необыкновенная перемена: он опять шел бледный, слабый, страдающий, взволнованный; колена его дрожали, и смутная, потерянная улыбка бродила на посинелых губах его...» [с. 131].

Слова *как будто*, *будто*, *как бы*, *точно*, *словно*, *ровно* Н. Д. Арутюнова относит к знакам «кажимости», субъективного впечатления, того, что показалось, привиделось [Арутюнова, 1996, с. 851]. Например: «*Точно сумасшедшая она была весь тот день, то плакала, то убивать меня собиралась ножом, то ругалась надо мной* [с. 233]; *Все как будто про что-то знали и все как будто боялись про что-то сказать*» [с. 504]. В то же время «кажимость» вариативна, но у вариантов есть общие признаки: а) двуплановость; б) наличие наблюдателя, не исключая при этом самонаблюдения; в) чувственное восприятие ситуации» [Арутюнова, 1997, с. 26]: «Рогожин не поворачивал к нему головы и *как бы* даже и забыл о нем. Князь смотрел и ждал <...> и опять *как бы* вдруг отнялись его ноги <...> он прилег на подушку, *как бы* совсем уже в бессилии <...>» [с. 634].

В употреблении частиц, выражающих оценку признака как гипотетического, прослеживается и установка Достоевского на выражение какого-то намерения, умысла персона-

жа. Например: «*Обыкновенно бледное и задумчивое лицо ее, так все время не гармонизировавшее с давешним как бы напускным ее смехом, было очевидно взволновано теперь новым чувством; и, однако, все-таки ей как будто не хотелось его выказывать, и насмешка словно усиливалась остаться на лице ее* [с. 144]; *Настасья Филипповна, проходившая как бы не примечая никого в особенности, вдруг обернулась в их сторону и как будто только теперь заметила Евгения Павловича*» [с. 239].

Текст романа «Идиот» насыщен частицами данной группы. Это придает произведению многоплановость: повествование от прямой линии событий переходит на план сравнений, неясностей, гипотез, переживаний героев, их намерений и мыслей.

2. Местоименные частицы, выражающие эмоциональную оценку признака, объекта (какой-то, какой-нибудь, как-то, некий, эдакий, этот, такой, что-то).

Выделение частиц данной группы затруднено омонимией неопределенных и указательных местоимений и наречий. Так, в традиционной морфологии слова *какой-то*, *какой-нибудь*, *как-то* и др. относятся к неопределенным словам местоименного типа [см., например: Ожегов и Шведова, 1999, с. 260]. Неопределенные слова включаются в «малую систему» местоимений, входящих в сегменты исхода и означающих «неопределенность, неуверенность в существовании, предположительность (*некто, нечто, кое-кто, какой-то, как-то, как-нибудь* и др.)» [Шведова, 1995, с. 8].

Анализируя характер употребления слов (*какой-то*, *некий*, *что-то* и др.), исследователи, занимающиеся проблемами частиц и «частицеподобных» единиц, отмечают неместоименную семантику таких слов [Николаева, 1985; Ермакова, 1986; Кручинина, 1988; Шведова, Белоусова, 1995; Стародумова, 2002]. Такие типы употребления «обозначают не указание на признак/предмет (неопределенный, определенный), а какую-то оценку признака или предмета» [Стародумова, 2002, с. 152].

В оценочном значении употребляются и другие местоименные слова: *кое-кто* – неназываемый, небезызвестный; *некоторый* – неназываемый, небезызвестный; *какой-нибудь* – выражает отрицательную оценку объекта, пренебрежение, указывает на незначительность и приблизительность количества; *как-то* – выражает значение неопределенности, неясности признака; *эдакий, такий* – являются средством введения особен-

ной, необычной характеристики, часто метафорической; *такой* – служит для привлечения внимания к выделяемому объекту [Николаева, 1985, с. 88; Стародумова, 2002, с. 152–154].

В тексте романа выделяется несколько типов употреблений частиц этой группы: а) употребление частиц при назывании каких-либо свойств лица, предмета подчеркивает определенную реакцию (досаду, недоумение, удивление и др.), отрицательную оценку (неуважение, отсутствие внимания и т. д.). Например: «...*И не в статейке какой-нибудь журнальной заявляют себя, а уж прямо на деле-с; не о бессмысленности, например, какого-нибудь там*² *Пушкина дело идет...* [с. 154]; – *Ну да; не нравится мне этот ваш Фердыщенко: сальный шут какой-то* [с. 52]; *Прежде <...> этот князишка – большой идиот, второе – дурак <...> Демократ какой-то непозволительный* [с. 381]; б) употребление частиц при выражении неопределенности, таинственности, значительности (или незначительности) с точки зрения автора или персонажа, обозначении приблизительности количества, меры, цели и др.: «...*И не в статейке какой-нибудь журнальной заявляют себя, а уж прямо на деле-с; не о бессмысленности, например, какого-нибудь там Пушкина дело идет...* [с. 155]; *Какой-нибудь из “несчастных”, убивших каких-нибудь двенадцать душ, заколовший шесть штук детей, единственно для своего удовольствия* [с. 429]; *Живет она где-то в какой-то Матросской улице... а экипаж ее чуть не первый в Павловске* [с. 331]; *Ну, вот так и знал, что какая-нибудь вот этакая тварь так тотчас же и повиснет!*» [с. 28]; в) употребление частиц при обозначении неясности, приблизительности выражения из-за затруднения в его определении: «... *только мне показалось, что в нем много страсти и даже какой-то большой страсти* [с. 45]; *Лизавета Прокофьевна тоже была этим довольна, но вообще она казалась как-то уж слишком озабоченною*» [с. 559]; г) употребление частиц при передаче значения неопределенности, неизвестности, загадочности при назывании представителя как единичного (известного или не совсем известного): «*Тогда люди были как-то об одной идее, а теперь нервнее, развитее, чувствительнее, как-то о двух, о трех идеях за раз <...>*» [с. 543]; д) употребление частиц при описании душевных переживаний героев романа (сомнение, неуве-

ренность, страдание и др.), тяготеющего над людьми зловещего рока: «*Он был как-то рассеян, что-то очень рассеян, чуть ли не встревожен, даже становился как-то странен <...>*» [с. 30].

Нередко встречаются в романе и такие конструкции, где рядом употребляются частицы, выражающие оценку признака как гипотетического, и частицы, выражающие эмоциональную оценку признака. Например: «*Я как будто смеиваю... как это странно! У меня голова что-то кружится...*» [с. 253]. Это усиливает ощущение неопределенности, безысходности, зависимости от рока. С героями романа происходит что-то, им неподвластное, от них не зависящее.

Слова со значением неопределенности в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» встречаются довольно часто. Причем это могут быть не только частицы, но и наречия, и местоимения. Взятые в совокупности, они составляют довольно объемный комплекс средств выражения таинственно-загадочного, размыто-неопределенного.

2.2.3. Языковые и стилистические средства максимального проявления признака неуправляемости

Стихийность, импульсивность, неопределенность – характерные черты персонажей романа Достоевского «Идиот», которые находятся во власти некой таинственной, роковой, зловещей силы, влияющей на их сознание, действия, судьбу. Средства выражения максимального проявления этой «необузданной» силы реализуются в романе в виде многочисленных приемов. Прежде всего, это обилие слов со значением «неуправляемости»: *неожиданность, неизбежность, неудержимо, неизбежный, вырвалось, сорвалось, вырвавшийся* и др. Грамматически они могут быть выражены различными частями речи: существительными, прилагательными, наречиями и др. Например: «*Они все знают <...> устремляются неудержимо в одну сторону <...>*» [с. 32]; – *Да вы точно... из-за границы? – как-то невольно спросил он наконец – и сбился; <...>* [с. 43]; – *Вы меня удивляете <...> голоден и припадки! Какие припадки? <...>* [с. 77]; *Неизмеримая злоба овладела Ганей, и бешенство его прорвалось без всякого удержу*» [с. 113].

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «персонажам Достоевского (или даже в них) *что-то думается или что-то говорится,*

² Здесь и далее подчеркивания мои. – В. М.

из них **что-то вырывается**, с их языка **срываются и слетают** признания, мольбы и покаяния. Их постоянно **куда-то без удержу несет и заносит**, в них **что-то бушует, загорается и разгорается**, их **что-то обуревают**, они делают не то, что хотят, их действия обратны намерениям, их проявления неожиданны для окружающих» [Арутюнова, 1996, с. 862–863]. Так, «конструкциями с противительными и уступительными союзами выражается неосуществленное действие, осуществлению которого помешали некие роковые силы, таинственные и непреодолимые» [Сими́на, 1957, с. 149]. Например: «Он иногда, дразня и раздражая себя, **пробовал было** представить себе генерала во время брачной церемонии, но никогда не способен был докончить мучительную картину и поскорее бросал ее [с. 139]; **Пошли было** тоже слухи собственно насчет Гаврилы Ардалионовича Иволгина <...> **Но** и с ним приключилось одно обстоятельство [с. 205]; – Сироты, – **начал было**, покоробившись, Лебедев, но приостановился [с. 224]; Он **хотел было** еще что-то прибавить, но промолчал в неусходной тоске» [с. 236].

В языке романа обращает внимание специфическая функция **вводных слов**, которые «являются языковым средством выражения отношения говорящего к высказываемой мысли и, следовательно, употребляются особенно часто именно там, где писатель анализирует явления психической деятельности человека. Таким образом, вводные слова, их обилие, характерны именно для жанра психологического романа. Однако в произведениях одного и того же жанра, принадлежащих перу разных авторов, функция вводных слов может быть далеко неодинакова» [Сими́на, 1957, с. 150].

В романе Достоевского «Идиот» изобилуют слова, устанавливающие отношения между частями высказывания (уступительные или противительные связи). К их числу относятся вводные слова (*впрочем, однако, наконец, может быть, кажется* и др.), выражающие смятение душевного состояния героев романа, их сомнения, неуверенность, неясные предчувствия чего-то неизбежного, зловещего, рокового: «**А впрочем**, какой иногда тут, во всем этом, хаос! И какой же, **однако**, гадкий и вседовольный прыщик этот давешний племянник Лебедева? **А впрочем** что же я? <...> **А впрочем**, что же он взялся их так окончательно судить <...> **Впрочем**, если Рогожин убьет, то по крайней мере не так беспорядочно убьет... [с. 253]; **А какая, однако же, странная эта картина** Гольбейна... **Вот, должно быть, и дом** [с. 255]; **Может**

быть, мы не очень повредим выпуклости нашего рассказа, если остановимся здесь...» [с. 63].

Особенно много вводных слов в прямой и несобственно-прямой речи персонажей: «**Вероятно**, – прибавил он, улыбаясь, – **это та же самая секунда**, в которую не успел пролиться опрокинувшийся кувшин с водой эпилептика Магомета, **успевшего, однако, в ту самую секунду** обозреть все жилища Аллаховы» [с. 251]; – **Послушайте, Келлер**, я бы на вашем месте лучше не признавался <...> – **а впрочем**, ведь вы, **может быть**, нарочно на себя наговариваете? [с. 333]; **И вообразите** <...> он выдумал, в виде возражения, что, **может быть** <...> трое, четверо умрут, **пожалуй**, раньше меня! <...> **Во-первых**, еще не умерли <...> **впрочем**, он еще дальше пошел» [с. 542].

Изображая своих героев, находящихся под действием неправдаемых сил, отягощенных какой-то навязчивой идеей и тщетно пытающихся с ней бороться, Достоевский раскрывает перед читателем сложный мир непостижимых отношений, неясных предчувствий и ожиданий, глубину человеческой души, больной и одинокой, страдающей от горького томления, сумбура мыслей и чувств, страха перед властью фатума. Для этих целей писатель использует слова, выражающие душевное состояние человека: *сомневался, томление, предчувствие, тревожный* и др.: «Он был в **мучительном напряжении и беспокойстве** и в то же самое время **чувствовал необыкновенную потребность уединения**. Ему хотелось **быть одному** и **отдаться всему этому страдательному напряжению** совершенно пассивно <...> **Уединение скоро стало ему невыносимо; новый порыв горячо охватил его сердце**, и на мгновение **ярким светом озарился мрак**, в котором тосковала душа его [с. 248]; **Как ты тяжело смотришь теперь на меня, Парфен!** – с **тяжелым чувством** вырвалось у князя <...> [с. 239]; – **Я как будто знал**, когда въезжал в Петербург, **как будто предчувствовал** <...> не хотел я ехать сюда! [с. 240]; Он припоминал, **впрочем**, и прежде мгновения, когда иногда странные мысли приходили ему при взгляде, например, на эти глаза: как бы **предчувствовался** в них какой-то **глубокий и таинственный мрак** [с. 69]; <...> в испуге Нормы было что-то как будто очень **необыкновенное**, как будто тоже почти **мистическое**, и что она, стало быть, тоже **предчувствует** <...> **заключается что-то роковое и какая-то тайна**» [с. 415].

Концепция Достоевского по отношению к людям, отмечает Г. Я. Сими́на, заключается в том, что «человек постоянно

находится во власти рока; он как бы ощущает воздействие неких непостижимых разумом сил, боится их проявления и в то же время внутренне прислушивается к ним» [Сими́на, 1957, с. 153]. Вот как передается состояние князя Мышкина: «С ним произошла опять, и как бы в одно мгновение, необыкновенная перемена: он опять шел бледный, слабый, страдающий, взволнованный; колена его дрожали, и смутная, потерянная улыбка бродила на посинелых губах его: **“внезапная идея”** его вдруг подтвердилась и оправдалась, и – он опять верил своему **демону!** Но подтвердилась ли? Но оправдалась ли? Почему с ним опять **эта дрожь, этот пот холодный, этот мрак и холод душевный?** Потому ли, что опять он увидел сейчас **эти глаза?** Но ведь он и пошел же из Летнего сада единственно с тем, чтоб их увидеть! В этом ведь и состояла его **“внезапная идея”**. Он настойчиво захотел увидеть эти **“давешние глаза”**, чтоб окончательно убедиться, что он непременно встретит их там, у этого дома. Это было судорожное желание его, и отчего же он так раздавлен и поражен теперь тем, что их в самом деле сейчас увидел? Точно не ожидал! Да, это были **те самые глаза** (и в том, что **те самые**, нет уже никакого теперь сомнения!), которые сверкнули на него утром, в толпе, когда он выходил из вагона Николаевской железной дороги; **те самые** (совершенно **те самые!**), взгляд которых он поймал потом давеча, у себя за плечами, садясь на стул у Рогожина. Рогожин давеча отрекся: он спросил с искривленною, леденящею улыбкой: “Чьи же были **глаза-то?**” И князю ужасно захотелось, еще недавно, в вокзале Царскосельской дороги, – когда он садился в вагон, чтоб ехать к Аглае, и вдруг опять увидел **эти глаза**, уже в третий раз в этот день, – подойти к Рогожину и сказать ему “чьи это были **глаза!**” Но он выбежал из вокзала и очнулся только пред лавкой ножовщика в ту минуту, как стоял и оценивал в шестьдесят копеек один предмет с оленьим черенком. **Станный и ужасный демон** привязался к нему окончательно и уже не хотел оставлять его более. **Этот демон** шепнул <...> узнав, что он не поедет в Павловск (что уже, конечно, было **роковым** для Рогожина сведением), Рогожин непременно пойдет туда, к тому дому, на Петербургской, и будет непременно сторожить там его, князя, давшего ему еще утром честное слово, что “не увидит ее”, и что “не затем он в Петербург приехал”» [с. 256–257].

В романе Ф. М. Достоевского «Идиот» обращает на себя внимание частое употребление слова *вдруг*, которое «несет особую функциональную нагрузку» и которым «испещрены страницы сочинений Достоевского» [Арутюнова, 1996, с. 847]. При помощи слова *вдруг* выражаются значения «странности и неопределенности» [Топоров, 1995, с. 241], «вторжение чего-то случайного, непредвиденного» [Сими́на, 1957, с. 148], «неуправляемые действия внезапности» [Арутюнова, 1996, с. 862]. Например: «Но <...> старшей дочери, Александре, **вдруг** и совсем почти неожиданно (как и всегда это так бывает), минуло двадцать пять лет [с. 64]; Но **вдруг** он что-то сообразил и опомнился. – Да каким же образом, – **вдруг** обратился он к князю, – каким же образом вы <...> **вдруг** в такой доверенности <...> Как так? Ко всем мучениям его не доставало зависти. Она **вдруг** укусила его в самое сердце» [с. 113]. Крайнюю степень возбуждения неотделимо выражает достаточно сдержанный положительный персонаж романа, доведенный до предела непредвиденным обстоятельством дела: – Довольно! – провозгласила **вдруг**, чуть не дрожа от гнева, Лизавета Прокофьевна: – пора прервать эту галиматью! <...> Она была в ужаснейшем возбуждении <...> [с. 303].

Приемы выражения фаталистического вторжения неких непостижимых, неуправляемых, зловещих сил показывают сложные сплетения загадочных явлений, борьбу противоречивых сил, увлекающих все за собой в неведомую пучину: «**Вдруг** я услышал <...> что гад всползает по стене <...> **Вдруг** гад выполз опять <...> мать <...> кликнула <...> нашу собаку <...> **Вдруг** она <...> изловчилась, решила и **вдруг** схватила гада зубами <...> **Вдруг** Норма жалобно взвизгнула: гадина успела-таки ужалить ей язык» [с. 415].

Примеров конструкций со словом *вдруг* так много, что их нагромождение бросается в глаза: «Ни у кого из русских писателей нет такого обилия приемов показа случайного, неожиданных поворотов мысли или действия, нет такого осложнения действия различными противоречивыми обстоятельствами, как у Достоевского, следовательно, ни у кого не употребляется так часто слово *вдруг*» [Сими́на, 1957, с. 149].

С помощью конструкций с противительными и уступительными союзами, включающими слово *вдруг*, выражаются действия (стихийные, неожиданные, внезапные, неуправляемые, неопределенные и др.), отягощенные роковыми силами, таинственными, непостижимыми и непреодолимыми. Например: – *Си-си-сиятельный* князь! Но **вдруг** <...> набросился

сначала на девушку в трауре <...> **но, тотчас же**, оставив ее, накинусь на тринадцатилетнюю девочку <...> [с. 216]; – **Небось! Я хоть и взял твой крест, а за часы не зарезжу!** <...> **Но вдруг** все лицо его преобразилось <...> [с. 247]; Трудно передать, что в этом воспоминании так сильно могло подействовать на <...> несколько хмельного генерала; но он был **вдруг** необыкновенно растроган [с. 271].

Авторские приемы выражения максимальной экспрессии в романе «Идиот» обычно выступают в едином целом, в едином комплексе языковых и стилистических средств, что позволяет автору наиболее полно и четко изобразить «загадки человеческих душ», их страхи и переживания, борьбу за свое существование в этом непростом «неустроенном» мире. Типично, например, следующее описание:

«Он взял билет в Павловск и с нетерпением спешил уехать» (усиление)³; *но, уж, конечно, его что-то преследовало* (неопределенность), *и это была действительность, а не фантазия* (утверждение при противопоставлении), *как, может быть* (неуверенность, сомнение), *он наклонен был думать. Почти уже садясь в вагон* (неполнота действия), *он вдруг бросил только что взятый билет на пол и вышел обратно из вокзала* (внезапность, неожиданность), *смущенный и задумчивый* (выражение психического состояния). *Несколько времени спустя* (неопределенность), *на улице, он вдруг* (неожиданность, внезапность) *как бы* (кажимость) *что-то припомнил* (неопределенность), *как бы* (кажимость) *что-то* (неопределенность) *внезапно сообразил* (неожиданность, неуправляемость), *очень странное* (интенсификация признака), *что-то уж долго его беспокоившее* (неопределенность). *Ему вдруг пришлось сознательно поймать* (неожиданность, внезапность в безличном предложении) *себя на одном занятии, уже давно продолжавшемся, но которого он все не замечал до самой этой минуты* (предельность): *вот уже несколько часов* (привлечение внимания), *еще даже в Весах* (акцентирование), *кажется, даже и до Весов* (сомнение, неуверенность, акцентуация), *он, нет-нет, и вдруг* (неожиданность, внезапность) *начинал как бы искать чего-то кругом себя* (кажимость, неопределенность). *И забудет, даже надолго* (предельность), *на полчаса, и вдруг* (неожиданность, внезапность) *опять оглянется с беспокойством* (неуправляемость

действия) *и ищет кругом. Но только что он заметил в себе это болезненное и до сих пор совершенно бессознательное движение* (интенсификация признака), *так давно уже овладевшее им, как вдруг* (внезапность) *мелькнуло пред ним и другое воспоминание, чрезвычайно заинтересовавшее* (интенсификация признака) *его: ему вспомнилось* (безличный оборот), *что в ту минуту, когда он заметил, что все ищет чего-то кругом себя* (неуправляемость, неопределенность), *он стоял на тротуаре у окна одной лавки и с большим любопытством* (интенсификация признака) *разглядывал товар, выставленный в окне»* [с. 248–249].

Таким образом, язык и стиль романа Ф. М. Достоевского «Идиот» характеризуются широким привлечением различных «стилистических маркеров», которые в художественном произведении являются ярким языковым и стилистическим средством, поскольку: а) придают ему образность, выразительность, эстетическую ценность, национальную самобытность; б) обогащают стилистическую палитру произведения, усиливая эмоциональную тональность и насыщая лиризмом и динамизмом; в) становятся орудием создания идиостиля писателя, художественных образов, колоритной авторской речи и речи персонажей, портретных зарисовок; г) дают возможность «почувствовать» слово во всем его многообразии, обнаружить скрытые смыслы, «фразы-тени», повысить стилистический эффект, стилистическое впечатление; д) участвуют в реализации стилистических функций и т. д.

Максимальное проявление экспрессии (интенсификация признака, усиление предельного значения) достигается в романе «Идиот» всеми средствами: лексическими, грамматическими, стилистическими.

Обладея великим искусством находить в языке такие «слова, словечки и стилистические ходы» (Арутюнова), которые повышают информативные возможности единиц, делают их более точными и выразительными, эмоционально и экспрессивно насыщенными, предельно обнажая психологическую сущность и противоречивость душевного мира людей, вскрывая внутренние мотивы их действий и поступков, Достоевский выбирает и использует: а) **знаменательные слова** (существительные, прилагательные, глаголы, наречия), выражающие максимальную экспрессию, предельное проявление признака; б) **местоимения и незнаменательную лексику**, которые часто взаимодействуют друг с другом, создавая экспрессивные выражения и конструкции со значениями градации, высокой

³ Здесь и далее в скобках мое. – В. М.

степени проявления признака и др.; в) **частицы**, которые являются своеобразными «маркерами» стилистических эффектов и, таким образом, тоже являются экспрессивными средствами; г) **аффиксы**, которые выражают значение высокой или предельной степени проявления признака, качества, экспрессии (увеличение, презрение, уничижение, крайняя степень и др.) и которые могут накладываться на другие значения (действия), сопровождать их, выступать в различных вариантах проявления (тщательности, завершенности, полного охвата, чрезмерности, предельности и др.); д) **фразеологические единицы**, обеспечивающие большую экспрессию, чем соотносимые с ними лексемы и свободные сочетания, поскольку по своей природе обладают мощным коннотативным потенциалом, включающим эмоциональность, оценочность, экспрессивность и др.; е) **стилистические приемы**, способные еще больше усилить степень выражаемого ими признака или качества, довести его до предела (тавтология, синонимические ряды с градационным значением, нагромождение частиц, приемы умолчания и недосказанности и др.).

Максимальная экспрессия, глубина проникновения в самые сокровенные уголки человеческой души, «усиленный психологизм» (Симина) достигаются широким использованием языковых и стилистических средств: 1) создающих напряженность действия романа; 2) обеспечивающих передачу дополнительной стилистической информации (экспрессивной, эмоциональной, оценочной, эстетической); 3) показывающих трагизм униженных и оскорбленных, их отчаяние и смятение; 4) вскрывающих в героях элементы раздвоенности и нерешительности и т. п. В нагнетании разнообразных языковых и стилистических приемов, которые и образуют в романе Достоевского то особенное (стилеобразующее), что отличает его от других великих художников слова, и состоит одна из характерных черт его индивидуальной манеры.

В этом ряду одно из первых мест занимают частицы, служащие для: а) выражения сильных эмоций, скрытых, субъективных, и явных, объективных, смыслов, усиления их качества, воздействующего эффекта, координации «сближения миров» говорящего и слушающего, нюансировки отношений на основе сближения морфологического статуса с другими частями речи; б) активизации определенного свойства, значения данного речевого средства, реализующейся в определенном отрезке художественного текста с целью достижения опреде-

ленного стилистического результата; в) создания определенной целенаправленности языковых средств для достижения различного в каждом отдельном случае стилистического эффекта; г) формирования дополнительной к предметно-логическому содержанию высказывания стилистической информации, конкретное содержание которой и определяет характер стилистической функции; д) обеспечения выразительного потенциала взаимодействия языковых средств в тексте, «высвечивающего» наряду с предметно-логическим содержанием текста также заложенной в нем экспрессивной, эмоциональной, оценочной, эстетической, суггестивной и другой информации и т. п.

Употребление широкого круга частиц, привлекаемых Ф. М. Достоевским для решения стилистических задач (создания определенного стилистического эффекта, впечатления; демонстрации возможности соотнесения смысла конкретного художественного текста (или его фрагмента) с константами индивидуально-авторского мировидения и т. п.), позволяет считать их специфическими языковыми средствами, участвующими в реализации стилистических функций, создании индивидуального стиля писателя, дает возможность дополнить представление о частицах и в лингвокультурологическом аспекте, поскольку оно связано со стремлением писателя-стилиста осветить и сохранить национальную языковую картину мира русского народа.

ГЛАВА III

Стилистические функции частиц в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» как отражение индивидуальной манеры писателя

3.1. Основные составляющие стилистических функций

Несмотря на широкое употребление, понятие «стилистическая функция» не имеет общепринятого определения.

По мнению Л. А. Матвиевской, «стилистическая функция – это обусловленная его языковой сущностью актуализация определенного свойства, значения данного речевого средства, реализующаяся в определенном отрезке художественного текста с целью достижения определенного выразительно-изобразительного эффекта» [Матвиевская, 1978, с. 32].

Иное понимание стилистической функции встречаем у Э. С. Азнауровой: «...стилистическую функцию – в самом общем смысле слова – можно определить как особую по сравнению с нейтральным способом выражения, в случае каждого отдельного высказывания, определенную целенаправленность языковых средств в целях достижения различного в каждом случае эффекта при сохранении общего интеллектуального содержания высказывания», под которым «понимается содержание, относящееся к объективному содержанию сообщения; это сообщение с точки зрения мыслительной (логической и т. п.) информации в отвлечении от содержащихся в нем

эмоционально-оценочных наслоений»; «стилистическая функция – это роль языковых средств, организованных соответствующим образом в целях достижения различного в каждом конкретном случае эффекта акта коммуникации. В речи – это способ организации сообщения» [Азнаурова, 1973, с. 7–13].

С точки зрения В. А. Левашовой, определение стилистической функции как роли, назначения отражает широкий подход, который является общелингвистическим. В узком же смысле под стилистической функцией следует понимать «...использование элемента для выражения или различения некоторого значения». Таким значением «...является дополнительная к предметно-логическому содержанию высказывания стилистическая информация, конкретное содержание которой и определяет характер стилистической функции...» [Левашова, 1976, с. 112].

И. В. Арнольд под стилистической функцией понимает «...идейное воздействие на целостную личность читателя, а не только на его логическое мышление», это «...выразительный потенциал взаимодействия языковых средств в тексте, обеспечивающий передачу наряду с предметно-логическим содержанием текста также заложенной в нем экспрессивной, эмоциональной, оценочной и эстетической информации» [Арнольд, 1970, с. 11; 1981, с. 47]. Среди особенностей стилистической функции исследователь выделяет **неэксплицитность** (стилистическая функция может опираться не на денотативные или не столько на денотативные, сколько на коннотативные значения слов, форм и конструкций), **аккумуляцию** (один и тот же мотив, настроение, чувство и т. д. передаются в художественном произведении не одним приемом, а сразу целой конвергенцией, то есть пучком, совокупностью приемов), **иррадиацию** (стилистическая функция, возникшая в одном участке текста, может сказываться или отражаться на другом, в котором она уже отсутствует, но на который воздействует как макротекст) [Арнольд, 1981, с. 4–5].

По мнению А. Н. Васильевой, стилистическая функция представляет собой «такое реализующееся свойство, благодаря которому в той или иной степени (совместно с другими соответствующими функциями) формируется, сохраняется и развивается стилистическая система как целое» [Васильева, 2006, с. 81].

Стилистические функции, согласно Л. Г. Барласу, «связаны с характеристикой коммуникативно-выразительных

возможностей лексико-стилистических “слоев” (или пластов языка)» [Барлас, 1978, с. 195].

Приведенные определения свидетельствуют о неоднозначном понимании исследователями стилистической функции: то как усиление (актуализация) каких-либо языковых средств, то как их целенаправленность, роль, назначение, реализующее свойство, то как воздействие этих языковых средств на воспринимающего текст и т. д. «...При определении понятия “стилистическая функция” и при описании стилистических функций мы имеем дело с ситуацией “порочного круга”: для того, чтобы определить данное понятие, нужно изучить конкретные стилистические функции, а для того, чтобы исследовать стилистические функции (т. е. знать, что исследовать), нужно иметь определение понятия “стилистическая функция”» [Матвиевская, 1978, с. 31].

По нашему мнению, в каждом из приведенных определений с разных сторон характеризуются стилистические возможности (случаи, средства, способы, направления и т. д.) единого целого, некоторые составляющие (структурные проявления) из возможных реализаций стилистической функции той или иной языковой единицы, отбор и организация которой обусловлены стилистическим заданием – «выразительным намерением говорящего, которое представлено нам в высказывании, выявлено лингвистическим анализом состава этого высказывания и затем объяснено при помощи совокупности факторов, связанных с общественным функционированием языка» [Винокур, 1980, с. 90].

Сопоставив наиболее значимые, на наш взгляд, трактовки стилистической функции, можно сделать вывод, что ее следует рассматривать исходя из трех взаимосвязанных между собой факторов.

1. Стилистическая функция – это **психическое** явление, представляющее собой стилистические возможности выражения определенного задания, формирующиеся и локализующиеся в психике индивида.

2. Стилистическая функция – это **социальное** явление, конкретное содержание которого и определяет характер стилистической функции, поскольку создается и формируется в расчете на восприятие человека, реакцию получателя информации на использование в речи особым образом организованных средств.

3. Стилистическая функция – это **системное** явление, представляющее собой стилистические возможности прояв-

ления единого целого, взаимосвязь структурных проявлений (составляющих) из возможных реализаций стилистической функции той или иной языковой единицы.

Таким образом, **стилистическая функция** – это разнообразные стилистические возможности выражения определенного стилистического задания особым образом организованных средств языка, обладающих стилистическим значением, конкретное содержание которого и определяет характер стилистической функции (акцентирующей, экспрессивной, аксиологической и др.), благодаря чему формируется, сохраняется и развивается стилистическая система как целое.

Долгое время стилистическое значение языковой единицы понималось как ее стилистическая окраска. Действительно, понятие «стилистическое (или эмоциональное) значение» близко понятию «стилистическая (или эмоциональная) окраска» и провести разграничение между ними достаточно сложно. Однако в последнее время наметилась тенденция эти понятия разграничивать.

Так, И. Р. Гальперин, считает, что стилистическое значение – «это присущее слову выражение чувств, отношений, оценки. Иногда это значение, сопутствуя предметно-логическому, выражает отношение говорящего к понятию, заключенному в этом последнем значении» [Гальперин, 1958, с. 118]. Стилистическая же окраска, представляющая собой лишь зачатки стилистического значения, «может быть подсказана интонацией, вызвана по ассоциативной связи, в результате частого употребления в определенных контекстах, связана и с самим содержанием понятия» [Гальперин, 1967, с. 201].

Эта идея получила продолжение сначала в работе Н. М. Разинкиной, которая пишет, что стилистическое значение, «подобно любому другому значению, есть способ реализации понятия в слове. Это значение реализует выражение самих эмоций, ощущений, вызванных фактами окружающего нас мира. Оно, подобно предметно-логическому значению, является сигналом, т. е. лингвистическим средством сообщения внелингвистического содержания», а стилистическая окраска – «это оценочный (положительный или отрицательный) момент, вызванный тем специфическим смысловым содержанием, которое составляет значение слова» [Разинкина, 1968, с. 35]. Потом она была развита и углублена М. Н. Кожиной, которая под стилистическим значением понимает «те дополнительные к собственно лексическому, предметному или

грамматическому значению признаки, которые имеют постоянный характер и воспроизводимость в определенных условиях и входят в семантическую структуру языковой единицы», а к стилистической окраске относит «те дополнительные к выражению основного номинативного, предметно-логического и грамматического значений экспрессивные или функциональные свойства, которые ограничивают возможности употребления этой единицы определенными сферами и условиями общения и тем самым несут стилистическую информацию» [Кожина, 1977, с. 31–32; 1987, с. 42].

Однако приводимые определения не дают достаточного материала для такого разграничения, поэтому проблема соотношения стилистического значения и стилистической окраски еще ждет своего разрешения.

Термины «стилистическое значение», «стилистическая окраска», «коннотация» (в суженном значении) «нередко используются в качестве родовых» [Стилистика русского языка, 1989, с. 18], с той, правда, разницей, что **коннотация** представляет собой эмоционально-стилевое содержание слова, закрепленное за ним вместе с понятийным содержанием (в большинстве слов) или без него. «Коннотации языковых единиц представляют собой своеобразные ярлыки, содержащие сведения об этих единицах – их координаты, их “адреса” в языковой системе», а сущность **стилистического значения** «заключается в отнесении воспринимаемой единицы к тому или иному участку общей языковой системы – в определении места, занимаемого данной единицей в системе языка» [Скребнев, 1975, с. 28–29]. В то же время добавочное значение, в том числе и стилистическую окраску (стилистическое значение), «принято называть коннотативным значением, или коннотацией» [Горшков, 2001, с. 37].

Некоторые составляющие стилистической функции (например, усиление, воздействие и др.) рядом исследователей определяются в первую очередь коннотативным значением языковых средств, хотя и оговаривается, что «стилистическая функция может возникать и на основе нейтральных средств языка за счет их семантической специфики» [Хованская, 1984, с. 42–43].

Каждая функция, имеющая в речевом стиле практически бесконечное множество частных речевых функций, диапазон стилистических окрасок которых чрезвычайно широк, оканчивается так или иначе окрашенной – стилистической.

Обычно выделяют следующие стилистико-речевые функции: **эмотивную** (выразительности, изобразительности, образности), **экспрессивную** (волеизъявительную, воздействия, агитационно-пропагандистскую), **информативную** (сообщения), **ретардационную** (замедления), **суггестивную** (внушающую, вызывающую собой какие-либо представления, связанные с внушением), **аксиологическую** (оценки), **фатическую** (контактоустанавливающую), **акцентирующую** (усиления, интенсивности) и др. [Галкина-Федорук, 1958; Виноградов, 1963; Гастилене, 1972; Якобсон, 1975; Шаховский, 1975; Кожина, 1977, 1987; Тарланов, 1979, 1981; Одинцов, 1982; Порошина, 1984; Слюсарева, 1979, 1990; Арутюнова, 1998; Шанский, Махмудов, 1999 и др.]. Реализация стилистических функций в тексте создает соответствующие стилевые черты – «признаки текста, выражающие специфику и стилевое своеобразие соответствующего функционального стиля благодаря реализации функций последнего, обусловленных его экстралингвистическими факторами» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003, с. 403]. Так, когнитивная функция в сфере научного общения является основной. Расширению круга добываемых знаний способствуют такие функции, как: информативная (сообщения), популяризаторская, констатирующая, аксиологическая (ценностной ориентации). В качестве вторичных (частных) выступают функции выразительности изложения (экспрессивности и образности), социальной оценки. Для официально-делового стиля основными являются функции долженствования, констатации, точности. В роли частных выступают инструктивная и воздействующая функции. В публицистическом стиле в качестве основных выступают следующие функции: информативная, экспрессивная, агитационно-пропагандистская, ценностной ориентации и социальной оценки, воздействия и констатации, выразительности изложения. Роль частных выполняют функции описания, рассуждения, строгой логичности. В разговорно-обиходной сфере основными являются такие функции: эмотивная, фатическая, информативная, ценностной ориентации. В качестве частных выступают функции выразительности изложения, популяризаторская. Для художественного стиля основными являются следующие функции: эмотивная, экспрессивная, фатическая, информативная, акцентирующая, ценностной ориентации и др. В роли частных выступают функции популяризаторская, констатирующая [Стилистический энциклопедический словарь, 2003, с. 115–120].

Существуют и другие классификации стилистических функций. Например, А. Н. Васильева выделяет такие стилистические функции, которые «<...> действуют обычно на нескольких языковых уровнях и на каждом проявляются многообразно, в различных категориях и формах» [Васильева, 2006, с. 81]. К ним относятся: функция выражения конкретного; функция выражения эмоционального и эмоционально-оценочного; функция выражения субъективной экспрессии; функция неопределенного выражения; функция противоречивого выражения; модально-императивная функция; функция неизбыточного (экономного) выражения в условиях ситуативной и контекстуальной обусловленности содержания речи; функция подтекстного выражения.

Вопрос о стилистических функциях частиц в художественном тексте достаточно сложен, зыбок и многогранен, поскольку художественная речь представляет собой систему разнородных языковых явлений, она лишена какой бы то ни было стилистической замкнутости и отличается разнообразием индивидуально-авторских предпочтений.

Выбор определенных языковых средств и механизмов их стилистической компановки в литературном произведении во многом определяется образным (добавочным) представлением изображаемого, способностью данных единиц к «перевоплощению», вызывать сопереживания, ассоциации, намекать читателю на его опыт решения аналогичных проблем, участвовать в создании разного рода стилистической информации (стилистического задания, стилистического впечатления, стилистического эффекта и т. п.). «Организация единиц языка в художественном тексте способствует становлению добавочных осмыслений, вызывающих в сознании читателя фазы образной кажимости» [Кожин, 1982, с. 104].

В русском языке частицы имеют большую стилистическую значимость. Активное использование Ф. М. Достоевским на страницах своих произведений частиц привело к тому, что данные языковые единицы стали своеобразными маркерами при описании идиостиля писателя. В умелых руках художника слова-частицы оказываются одним из наиболее действенных языковых средств, участвующих в реализации стилистических функций, вызывающих те или иные реакции получателя информации на использование в речи с определенным стилистическим заданием языковых арсеналов, порождающих индивидуальные ассоциации. Рассмотрим основные стилистические функции частиц.

3.2. Акцентирующая функция частиц

Акцентирующая функция – одна из стилистических функций, реализующая свое свойство для выделения, усиления, уточнения и других концептуально важных, по мнению автора, узловых моментов, привлечения к ним внимания, убеждения адресата в правильности авторской позиции и достижения таким образом взаимопонимания между отправителем и получателем информации.

Частицы являются самыми частотными акцентуаторами-усилителями. Будучи специально предназначенными для выражения акцентности, они своей лаконичной, компактной формой в полной мере соответствуют потребностям эстетического изложения. Наиболее ярко в романе эта функция проявляется у частиц *даже*, *именно*, *чуть не*, *почти*, *какой-то* и др.

Частица *даже*

Подсчет коэффициента частотности употребления этого слова на страницу печатного текста в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» (1,16 %) свидетельствует о его значительной активности [Бацевич, 2003, с. 239]. По данным «Частотного словаря русского языка», частица *даже* – одна из самых употребительных акцентирующих частиц [ЧСРЯ, 1977], «одно из “любимых” словечек Достоевского» [Иванчикова, 1979, с. 265], свойствами которого являются: 1) **прикомпонентность** – прикрепленность частицы к какому-либо компоненту высказывания, который может быть представлен словом, словосочетанием или целой предикативной единицей; 2) **информативность** – частица сообщает высказыванию некоторый дополнительный, имплицитный смысл; 3) **акцентирующая функция** – прикрепляясь к какому-либо компоненту, частица показывает его отношение к содержанию предикативной части высказывания [Стародумова, 1988, с. 10] «и в то же время, сигнализируя об акцентном выделении слова, способствует фиксации внимания на соответствующем лице, предмете, признаке, действии, факте» [Иванчикова, 1979, с. 267].

В идиостиле Ф. М. Достоевского «слово *даже* играет важную коммуникативную роль формирования ремы высказывания, выделения в ней семантических субъективно-модальных компонентов, характеристики авторской речи, индивидуализации речи героев» [Бацевич, 2003, с. 247]. По своему значе-

нию лексема *даже* является «носителем смысла усиления» [Словарь современного русского литературного языка, 1954, с. 537–538] и неожиданности [Крейдлин, 1997, с. 109].

В словарных характеристиках частицы *даже* отмечается ее функциональная значимость в реализации акцентирующей функции, в основе которой лежат значения неожиданности – «<...> говорящий указывает на то, что данный признак (предмет, ситуация), включающийся в ряд однородных признаков и т. д., проявляется как необычный, наименее ожидаемый» [Словарь служебных слов русского языка, 2001, с. 14]; выделительности – «употребляется для выделения и усиления слова или слов, к которым относится» [Словарь наречий и служебных слов русского языка, 2005, с. 129]; максимальной экспрессии – частица *даже* «отмечает объект, признак как необычный, неожиданный и тем самым показывает крайнюю, максимальную степень признака» [Стародумова, 2002, с. 92]; оценочности – проявляющейся «на аксиологической шкале хорошо – плохо, много – мало, слабый – сильный, полезный – бесполезный – вредный, вовремя – невовремя и т. п.» [Бацевич, 2003, с. 240] и др.

Например: «*Лицо молодого человека было, впрочем, приятное, тонкое и сухое, но бесцветное, а теперь даже досиня иззябшее* [с. 30]; *Все можно устроить тихо, кротко, ласково даже, по знакомству и отнюдь без скандала* [с. 380]; *Хуже всего было то, что Настасья Филипповна ужасно много взяла верху. На интерес тоже не поддавалась, даже на очень крупный <...> секретари посольств, поэты, романисты, социалисты даже – ничто не произвело никакого впечатления <...>* [с. 70]; *Пошел смутный говор, восклицания, раздались даже требования шампанского <...>* [с. 193]; – *Да оставите ли вы меня <...> нет, коли вы уж даже сами, Евгений Павлыч, заявили сейчас, что даже сам защитник на суде объявлял, <...> так уж и впрямь последние времена пришли <...>* [с. 310]; *Эта младшая была даже совсем красавица* [с. 41]; – *Невинный простофиля! Точно даже и не мужчина!*» [с. 347].

С помощью частицы *даже* говорящий показывает, что выделяемый ею компонент обозначает что-то необычное, неожиданное и поэтому превосходит в каком-либо отношении содержание предыдущего компонента [Словарь служебных слов русского языка, 2001, с. 15]. Поставленная перед каким-либо словом в предложении, она резко выделяет это слово [Современный русский язык, 1979, с. 291], придавая

большую выразительность [Словарь автобиографической трилогии М. Горького, 1977, с. 56]: «*Князь даже одушевился, говоря, легкая краска проступила в его бледное лицо, хотя речь его по-прежнему была тихая* [с. 46]; *Подумать можно было, что он даже нуждался в генерале* [с. 263]; *Во все двадцать минут его посещения князь был даже очень задумчив, почти рассеян*» [с. 331].

В сочетании *и даже* союз *и* «используется при передаче разных отношений – соединительных, уступительных, причинно-следственных и др., что объясняется его максимальной отвлеченностью, семантической нейтральностью» [Стародумова, 2002, с. 107], потому что союз *и* является «наиболее беспризнаковым из конъюнктивных союзов» [Левин, 1970, с. 74], и «нет ничего удивительного в том, что А соединилось с Б. Прагматическим аналогом этой идеи является неудивляемость (индифферентность, беспринципность)» [Ляпон, 1986, с. 67], так как «союз оформляет сочинительную связь и выражает идею соединения (сосуществования), а частица, отмечая значение компонента как неожиданное, показывает его смысловое единство с предыдущим и создает отношение восходящей градации» [Стародумова, 2002, с. 107]. Например: «*При последних словах послышалось хихиканье Фердыщенко, Лебедева, и даже генерал про себя как-то крикнул с большим неудовольствием* [с. 191]; – *Эх! Ух!* – *кривился чиновник, и даже дрожь его пробирала <...>*» [с. 38].

Выделяя последний компонент ряда, говорящий делает неожиданное уточнение, поправку: – *Не знаю, как вам сказать <...>, – только мне показалось, что в нем много страсти, и даже какой-то большой страсти* [с. 57].

Элементы окружения частицы *даже* в стилистически окрашенной речи, как правило, располагаются справа от нее. В тексте романа «Идиот» частые случаи расположения лексем *даже* в такой позиции отмечаются как в речи персонажей, так и в авторской речи. Причем практически во всех случаях элементы сферы действия частицы *даже* (*и даже; даже и; но даже; но даже и; едва даже; хотя бы даже; даже хоть; даже так; что-то даже; даже когда* и др.) выступают «стилистически нагруженными», напряженными, останавливая на себе внимание читателя. Например: «*Он все говорил шепотом <...> как-то странно задумчиво. Даже когда про штору рассказывал <...>* [с. 628]; – *Князь Мышкин? Лев Николаевич? Не знаю-с. Так что даже и не слыхивал-с <...> да*

и князей Мышкиных уж что-то нигде не встречается, даже и слух затих-с [с. 33]; – С величайшим удовольствием приду <...> *Даже, может быть, сегодня же приду* <...> вы мне сами очень понравились <...> когда про подвески бриллиантовые рассказывали. *Даже и прежде подвесок, хотя у вас и сумрачное лицо* [с. 39]; – ... Да вы что же, у нас жить, что ли, намерены? <...> – Нет, не думаю. *Даже если б и пригласили* <...> [с. 44]; – <...> мой генерал честный человек <...> *Ей-богу, так! Даже жалко* <...> [с. 161]; С отвращением и с ненавистью смотрел он на бедность и на упадок своего семейства. *Даже с матерью обращался свысока* <...> [с. 487]; – <...> Твой дом имеет физиономию всего вашего семейства и всей вашей рогажинской жизни <...> *Бред, конечно. Даже боюсь, что это меня так беспокоит*» [с. 231].

В тексте романа частица *даже* отличается широкой сочетаемостью с союзами и вводными словами с противительным значением (*но, а, однако, вместе с тем, впрочем* и т. п.), что связывается с решением важных задач (активизации внимания читателя, корректировки, уточнения, усиления логического и эмоционального воздействия, подчеркивания значимых фрагментов текста, акцентирования сопоставляемых фактов и явлений и т. д.): – *Просил у вас отец денег? – спросил вдруг Ганя. – Нет. – Будет, не давайте. А ведь был даже приличный человек, я помню. Его к хорошим людям пускали* <...> и – *вот во что это разрешилось!* [с. 151] (частица *даже* увеличивает смысловую весомость высказывания, в котором акцентирующая функция «вскрывает» нарушенное ожидание: был приличным человеком, его принимал «свет», ему пророчили прекрасное будущее, но...); – <...> *не можете ли вы, как знакомый, ввести меня сегодня вечером к Настасье Филипповне? <...> Я был давеча представлен, но все-таки не приглашен: сегодня там званый вечер. Я, впрочем, готов перескочить через некоторые приличия, пусть даже смеются надо мной, только бы войти как-нибудь* [с. 154] (акцентирующая функция указывает на возможное нарушение состояния субъекта, связанное с нестандартностью, нетипичностью его действий и поступков с общепринятыми нормами поведения: усиление убедительности смысла «мне все равно» – пусть даже смеются. Частица *даже* делает акцент на «несовпадение с общепринятыми нормами поведения» [Бацевич]: есть определенные правила приличия, которые следует соблюдать. Нарушение этих правил влечет за собой негативную реакцию).

Разнообразные повторы слова *даже* в разных частях предложения создают «стилистический налет» максимальной экспрессии, интонационную атмосферу эмоционального подъема, «нарастание качества, действия» [Словарь автобиографической трилогии М. Горького, 1977, с. 56]: «*В последнем отношении с ним приключилось даже несколько забавных анекдотов; но генерал никогда не унывал, даже и при самых забавных анекдотах; к тому же и везло ему, даже в картах, а он играл по чрезвычайно большой и даже <...> не хотел скрывать эту свою маленькую будто бы слабость к картишкам <...>* [с. 40]; *Детям решительно запретили даже встречаться со мной, а Шнейдер обязался даже смотреть за этим* [с. 101]; *Выходя, он забыл даже сказать “прощайте”, даже головой не кивнул* <...> [с. 228]; *Одним словом, Фердыщенко совершенно не выдержал и вдруг озлобился, даже до забвения себя, перешел чрез мерку; даже все лицо его pokrивилось*» [с. 174].

Особенным свойством лексемы *даже*, которое реализуется только в минимальном контексте (синтаксическом отрезке), «реальное синтаксическое воплощение которого – монопредикативное высказывание, предикативная единица в составе полипредикативного высказывания или часть высказывания с дополнительным или потенциальным предикатом» [Стародумова, 2002, с. 69], является способность частицы (учитывая ее местоположение) вводить дополнительную информацию субъективного характера о ситуационных актантах, отраженных в высказывании. Так, выделяя разные семантико-синтаксические компоненты предложения, *даже* в то же время участвует в характеристике субъекта. Например: «*Впоследствии, при богатстве и служебном значении своего супруга, она начала в этом высшем кругу даже несколько и осваиваться* [с. 41] (по мнению говорящего, она (генеральша) – фигура известная, имеющая определенный авторитет и влияние); *Эта младшая была даже совсем красавица и начинала в свете обращать на себя большое внимание* [с. 41] (частица вводит дополнительные сведения: Аглая – известная личность в высшем свете. Ее известность не уступает известности других красавиц света); – *Гаврилу Ардалионича тоже раньше других допускают, даже к раннему завтраку допускают* [с. 45] (Гаврила Ардалионович – известная личность, занимающая определенное положение в обществе); – *Удивительно, – сказал Ганя, – и даже с сознанием своего назначения, – прибавил он, смеясь насмешливо*» [с. 59] (частица

служит выразителем (акцентуатором) внутреннего состояния говорящего, который настроен иронически-недоброжелательно по отношению к тому, о ком идет речь).

В предложении: «Я видел ученых, литераторов, поэтов, полководцев деятелей, обретавших и обретших в этой же науке свои высшие примирения и цели, даже положительно только этим сделавшим карьеру» [с. 33], частица относится к пропозиции, заключенной в полупредикативном компоненте и характеризующей объект.

Таким образом, особенные свойства частицы *даже* проявляются уже в минимальном контексте. Однако полностью «раскрыться» лексема *даже* может лишь в широком (максимальном, тесно связанном) контексте (синтаксическом отрезке), воплощение которого – «два контактных высказывания, представленных предикативными единицами; компоненты полипредикативной единицы; монопредикативная единица с дополнительным или потенциальным предикатом; неконтактные высказывания, содержания крупных отрезков текста, даже целых глав» [Стародумова, 2002, с. 70]. Например: – *Знать и доверяться!* <...> *А знаешь, что этот Ганька или эта Варька ее в сношение с Настасьей Филипповной поставили?* <...> – *Не верю* <...> – *И я не верю, хоть есть улики* <...> *Все они у меня теперь такие, даже эта мокрая курица, Александра, но эта уж из рук вон выскочила* [с. 345] (по мнению говорящего, Александра – «девушка хотя и с твердым характером, но добрая, разумная и чрезвычайно уживчивая», она «не грозит хлопотами и крутым переворотом», «мокрая курица». Но происходит изменение состояния субъекта, связанное с резким нарушением предыдущего состояния. Частица *даже* является акцентуатором смысла нарастания качества, «носителем» неожиданного нарушения ожиданий субъекта). Автор отсылает нас к предыдущему контексту: «*Кстати сказать, насчет старшей, Александры, Лизавета Прокофьевна и сама не знала, как быть: пугаться за нее или нет? То казалось ей, что уж совсем “пропала девка”, двадцать пять лет, – стало быть, и останется в девках. И при такой красоте!.. Лизавета Прокофьевна даже плакала за нее по ночам, тогда как в те же самые ночи Александра Ивановна спала самым спокойным сном. “Да что же она такое, – нигилистка или просто дура?” Что не дура, – в этом, впрочем, и у Лизаветы Прокофьевны не было никакого сомнения: она чрезвычайно уважала суждения Александры Ивановны и любила с нею сове-*

товаться. Но что “мокрая курица” – в этом сомнения нет никакого: “спокойна до того, что и растолкать нельзя! Впрочем, и “мокрые курицы” не спокойны – фу! <...> “Гм! спокойна, как дура, и ведь уж совершенно “мокрая курица”, растолкать нельзя, а грустит, совсем иной раз грустно смотрит!”» [с. 353].

В таких контекстах частица участвует в выражении разнообразных отношений: градации, сопоставления, противопоставления, уточнения, уступки, оценки, активизации внимания читателя и др. Например: «*Народ сбегается, даже женщины, хоть там и не любят, чтобы женщины глядели. – Не их дело* [с. 46]; *Коля бросился обнимать и целовать князя; за ним затеснились Рогожин, Варя, Птицын, Нина Александровна, все, даже старик Ардалион Александрович* [с. 144] (несовпадения с типичными чертами, неожиданность решения для субъекта восприятия, акцентирование этого поступка); *Это был человек замечательный по своим непрерывным и анекдотическим неудачам. – Один отставной офицер, хорошей дворянской фамилии, и даже в этом отношении почище Тоцкого, некто Филипп Александрович Барашков* [с. 65] (частица вводит дополнительные сведения о другом участнике, известность которого не уступает известности Епанчиных, Тоцкого и др.); *Она благодарит Афанасия Ивановича за его деликатность, за то, что он даже и генералу об этом не говорил, не только Гавриле Ардалионовичу, но, однако ж, почему же и ему не знать об этом заранее?*» [с. 74] (здесь важна информация о говорящем, поскольку частица служит выразителем внутреннего состояния человека, который настроен не совсем благожелательно по отношению к тем, о ком упоминает).

В романе Ф. М. Достоевского «Идиот» говорящий чаще всего при помощи частицы *даже* акцентирует внимание на том, что выделяемый ею компонент обозначает что-то необычное, неожиданное, исключительное и потому превосходит в каком-либо отношении содержание предыдущего компонента: «*Все точно плевали на нее, а мужчины даже за женщину перестали ее считать, все такие скверности ей говорили* [с. 96] (получив возможность вершить суд над человеком, «отмеченным перстом Божиим», «потерявшим добродетель», и тем самым получить одобрение проповедника и жителей деревни, мужчины особо не церемонились и в средствах выражения презрения себя не ограничивали); *Варвара Ардалионовна была <...> с лицом не то чтобы очень красивым, но за-*

ключавшим в себе тайну нравиться без красоты и до страсти привлекать к себе. Она была очень похожа на мать, даже одета была почти так же, как мать, от полного нежелания наряжаться. Взгляд <...> бывал всего чаще серьезен и задумчив, иногда слишком даже, особенно в последнее время. Твердость и решимость виднелись и в ее лице, но предчувствовалось, что твердость эта даже могла быть энергичнее и предприимчивее, чем у матери. Варвара Ардалионовна была довольно вспыльчива, и братец иногда даже побаивался этой вспыльчивости» [с. 117] (говорящий, характеризуя молодую хозяйку квартиры как женщину с характером, «лицом не то чтобы очень красивым, но заключавшим в себе тайну нравиться», отмечает несовпадение с типичными чертами, поскольку «очень похожа на мать, даже одета так же, как мать, от полного нежелания наряжаться»).

Местоположение частицы влияет на характер выражения отношений. «Если частица *даже* находится в начале высказывания или предваряет начало второй части сложного высказывания, то это может означать, что в градационных отношениях находятся целые события» [Стародумова, 1988, с. 62]. Например: – <...> *Не просил он денег у вас, многоуважаемый князь? – Нет, не просил. – Стыдится. Он было и хотел; даже мне признавался<...>* [с. 472]; *Но три дня тому назад с Лебедевым он вдруг поссорился и разошелся в ужасной ярости, даже с князем была какая-то сцена* [с. 505]. «Если же частица находится не в начале высказывания или его части, то она акцентирует компонент, соотносимый с определенным компонентом фона» [Стародумова, 1988, с. 62]. Например: «Он до обожания уважал Нину Александровну за то, что она так много и молча прощала ему и любила его *даже* в его шутовском и унижительном виде [с. 504]; – *Вынимал и смотрел, все цело-с. Опять опустил, и так со вчерашнего утра и хожу, в поле ношу, по ногам даже бьет*» [с. 513].

Наличие числительного в сфере действия слова *даже* актуализирует большую меру количества: – <...> *Генерал Иволгин и князь Мышкин! Вы увидите изумительную девушку, да не одну, двух, даже трех, украшение столицы и общества <...>* [с. 155–156]; *С тех пор он <...> гостил по два, даже по три месяца <...>* [с. 66]; – *Мне, Лев Николаевич, Аглая Ивановна сейчас словечко к вам потихоньку передала <...> не отлучаться со двора, вплоть до семи часов по вечеру, или даже до девяти, не совсем я тут расслышала* [с. 581–582].

Частица *даже* обнаруживает значительный текстоцентрический потенциал, реализующийся в ряде случаев «в отсылке к предыдущему контексту, выходе за пределы высказывания, формировании текстовой ретроспекции» [Бацевич, 2003, с. 240]: «Он все говорил шепотом и не торопясь, медленно и, по-прежнему, как-то странно задумчиво. *Даже* когда про штору рассказывал... [с. 628] (имеет место отсылка к предыдущему контексту, когда Рогожин, отдернув гардину, увидел князя прямо перед собой); *На этот раз не только не отворили у Рогожина, но не отворилась даже и дверь в квартиру старушки*» [с. 633] (имеет место отсылка к предыдущему контексту, когда двери ему открыли).

Эта текстовая ретроспекция слова *даже*, акцентируя компоненты высказывания, формирует его целостность, вызывает напряжение, нарастание качества, действия и др.: «[Генерал Епанчин] любил *выставлять себя более исполнителем чужой идеи, чем со своим царем в голове, человеком “без лестии преданным”, и – куда нейдет век? – даже русским и сердечным. В последнем отношении с ним приключилось даже несколько забавных анекдотов; но генерал никогда не унывал, даже и при самых забавных анекдотах; к тому же везло ему, даже в картах, а он играл по чрезвычайно большой и даже с намерением не только не хотел скрывать эту свою маленькую будто бы слабость к картишкам... но даже и выставлял ее*» [с. 40].

Как отмечает Ф. С. Бацевич, «в нормативном употреблении частица *даже* производит нечто вроде градуирования: множество, которое формирует это слово, упорядочивается; член множества со словом *даже* занимает на такой шкале последнее место» [Бацевич, 2003, с. 245]: «*Лицо молодого человека было <...> приятное, тонкое и сухое, но бесцветное, а теперь даже досия изыбшее* [с. 30]; *В день получения письма она всех приласкала, даже поцеловала Аглаю и Аделаиду <...>* [с. 207]; *Для полнейших сведений мы его самого разбудили, насилу дотолкались; едва понял в чем дело; разинул рот, вид пьяный, выражение лица нелепое и невинное, даже глупое, – не он-с!*» [с. 469].

В романе Ф. М. Достоевского «Идиот» встречаются «случаи построения градационного ряда из слов достаточно отдаленных семантических парадигм, сближаемых автором в пределах одной синтаксической конструкции. Последнее является нормативным в конструкции *не только... но даже (и)*, если

первому члену противопоставления приписывается определенное качество» [Бацевич, 2003, с. 246]. Например: «<...> иной из этих несчастных не только честен, но даже и добр <...> содержит и питает своими трудами, даже чужих, не только своих <...>» [с. 486] (со словом *честен* сопряжена ассоциация «честный человек, как правило, прямой, жесткий, не всегда добрый»; слову *чужих* приписывается общая положительная оценка, доминирующая в высказывании); – *Князь! <...> Не только деньги, но <...> даже жизнью <...> лихорадку, нарыв какой-нибудь или даже кашель <...> готов буду перенести <...> не только деньги-с!* [с. 473] (здесь со словами *лихорадку, нарыв, кашель* связана степень готовности пожертвовать собой (положительная оценка), доминирующая во всем высказывании); «*Несмотря на прискорбный вид, в ней предчувствовалась твердость и даже решимость*» (в данном предложении градационный ряд *твердость и даже решимость*, состоящий из слов достаточно близких семантических парадигм, сближается автором в пределах одной синтаксической конструкции со словами, семантически отдаленными (с сочетанием *прискорбный вид* сопряжена ассоциация *робкий, смиренный, нерешительный*).

Градационные ряды, сформированные по принципу свободных формирований, часто становятся причиной «ненормального» построения высказываний, поскольку слово, к которому относится акцентуатор *даже*, занимает на градационной шкале место ниже, чем предыдущее: «<...> она всю жизнь любила и даже влюблена была в своего Ивана Федоровича <...>» [с. 353] (на градационной шкале *быть влюбленным* стоит ниже *любить*); <...> стало заметно <...> она (генеральша) как-то особенно *возбуждена, даже взволнована*» [с. 207] (на градационной шкале *взволнована* стоит ниже *возбуждена*).

В конструкции [до того Р, что даже Р], члены которой (предикаты) построены по принципу градации (уровня, количества, качества и т. п.), частица *даже* участвует в построении иронического контекста высказывания. Например: «Генерал <...> супругу свою до того уважал и до того иногда боялся ее, что даже любил [с. 41]; <...> штатское платье Евгения Павловича производило всеобщее и какое-то необыкновенно сильное удивление, до того, что даже все остальные впечатления на время забылись и изгладились [с. 279]; ...он (Келлер) до того было потерял “великий признак нравственности” <...> что даже воровал [с. 333]; – А... генерал? – Це-

лый день сердился <...> то радостен и вакхичен даже до лстивости, то чувствителен даже до слез, а то вдруг рассердится, да так, что я даже и струшу-с, ей-богу-с; я, князь, все-таки человек не военный-с» [с. 513].

В некоторых случаях приходится говорить о «нерегламентированном», иногда «тавтологическом употреблении частицы *даже* в речи героев, что становится возможным вследствие спонтанного включения говорящим лексемы с ориентацией на ближайший, как правило, «усилительный», контекстуальный смысл и желания особо выделить иллокутивную силу речевого акта» [Бацевич, 2003, с. 243]. Например: – *Я хотел сказать... Я хотел сказать <...> что я вовсе не имел намерения... иметь честь просить ее руки... даже когда-нибудь...* [с. 366] (усиление убедительности смысла при нормативном «никогда»); – *Милый, добрый мой Лев Николаевич! <...> я... и даже сама Лизавета Прокофьевна <...> мы все-таки тебя любим, любим искренно и уважаем, несмотря даже ни на что, то есть на все видимости* [с. 382] (усиление общего смысла при обязательном (нормативном) «все», «всегда»); – *Ну, с вами во всяком случае премило дело иметь, даже какое бы ни было...* [с. 394] (усиление общего смысла, убедительности при нормативном «всегда»).

При формировании смысла усиления возможна, по словам Ф. С. Бацевич, «некоторая перенасыщенность, подчас тавтологичность в случае характерной для Достоевского сочетаемости слова *даже* с иными антропоориентированными словами» [Бацевич, 2003, с. 243]. Например: «*Сестрам Аглаи почему-то понравилась мысль о князе <...> одним словом, они вдруг могли очутиться даже совсем на его стороне* [с. 41]; *Эта младшая была даже совсем красавица и начинала в свете обращать на себя большое внимание*» [с. 529] (формированию смысла усиления служат слова *даже, совсем, красавица*); – <...> кто бы ни были ваши свидетели <...> то *даже еще и лучше, что эти свидетели – ваши друзья <...>* [с. 259] (формированию смысла усиления служат слова *даже, еще, и, лучше*); «*Ротшильдом не буду <...> а дом на Литейном буду иметь, даже, может, и два, и на этом кончу. А <...> может, и три!...*» [с. 488] (а дом... буду иметь, даже два, три...; и два, и три...; может, два, может три...).

Градационно-уточнительные отношения выражаются частицей *даже* в ряду однородных определений, обстоятельств, сказуемых. «Выделяя последний компонент ряда, говорящий

делает неожиданное уточнение, поправку» [Словарь служебных слов русского языка, 2001, с. 16]. Например: «В самом деле, нет ничего досаднее, как быть, например, богатым, порядочной фамилии, приличной наружностью, недурно образованным, неглупым, даже добрым <...> [с. 484–485]; (генерал) разинул рот, вид пьяный, выражение лица нелепое и невинное, даже глупое... [с. 469]; – <...> Бурдовский разбудил меня в седьмом часу на дежурство, почти даже в шесть <...> [с. 465]; Это было в Швейцарии, в первый год его лечения, даже в первые месяцы [с. 448]; Иван Федорович клялся, что <...> князь тут не состоит ни при чем, не только в связях; и даже никогда не состоял... [с. 540]; <...> все ясно было еще с “бедного рыцаря”, даже и раньше... [с. 527]; По его мнению, я могу умереть и внезапно, даже, например, завтра <...> [с. 414]; <...> тут была одна только невинная шалость, самая даже детская шалость <...> [с. 327]; <...> ...Да и чем, впрочем, в таком случае хлыстовщина хуже, чем нигилизм, иезуитизм, атеизм? Даже, может, и поглубже еще!» [с. 567].

Участвуя в реализации акцентирующей функции, лексема *даже* в романе «Идиот» занимает положение: а) в ряду без союзов; б) в ряду с союзом (*и*, *а*, *но* и др.); в) в построениях «не только... но...», «до того... что...» и др.; г) в присоединительных конструкциях; д) в ряду с модальными словами и частицами (*может быть*, *кажется*, *точно*, *скорее* и др.); е) в конструкциях с различного рода повторами. Например: – Именно, именно так <...> Не только от жажды, но даже от воспаления, от жажды горячешной! [с. 567]; На этот раз не только не отворили у Рогожина, но не отворилась даже и дверь в квартиру старушки (мало того, что не отворили «здесь», так еще и «там» не отворили) [с. 623] (эти «обороты подчеркивают большую значимость второго компонента по сравнению с первым, участвуют в оформлении скрытого сообщения, сопровождающего информацию, градуируемую при помощи *даже*» [Ляпон, 1986, с. 93–96]); «Я вышел, и мне это очень понравилось тогда же, даже в ту самую минуту, как он меня выводил <...> Даже в минуту такого оскорбления <...> даже в такую минуту этот человек не мог разозлиться!» <...> Достоинство было, даже много, даже вовсе ему и не к лицу <...> но злости не было [с. 421]; – О, я ведь не потому сказал, чтоб я... сомневался <...> в этом разве можно сомневаться (*хе-хе!*)... хоть сколько-нибудь? То есть даже хоть сколько-

нибудь!! (*хе-хе*) [с. 562]; – С величайшим удовольствием приду <...> Даже, может быть, сегодня же приду <...> вы мне <...> понравились <...> когда про подвески бриллиантовые рассказывали. Даже и прежде подвесок понравились, хотя у вас и сумрачное лицо [с. 39] (выделяя последний компонент ряда, говорящий делает поправку, уточнение).

Разные типы повторов – отдельных слов, словесных комплексов, союзов, частиц – создают в тесно связанном контексте романа «интонационную атмосферу эмоционального нагнетания, усиления, подъема» [Лежнев, 1966, с. 37], подчеркивают исключительность «какого-либо факта, крайнюю степень проявления признака, который утверждается в первом высказывании или в первой части высказывания» [Стародумова, 1988, с. 65]: «Тоцкий <...> признался ей, что он так напуган еще пять лет назад, что не может даже и теперь совсем успокоиться [с. 72]; Под конец она даже так разгорячилась и раздражилась <...>, что генерал Епанчин был очень доволен <...> [с. 74]; Тоцкий до того было трусил, что даже и Епанчину перестал сообщать о своих беспокойствах <...> [с. 75]; С отвращением и с ненавистью смотрел он на бедность и на упадок своего семейства. Даже с матерью обращался свысока и презрительно <...> [с. 487]; Но три дня тому назад с Лебедевым он вдруг поссорился и разошелся в ужасной ярости, даже с князем была какая-то сцена» [с. 505].

Все типы отношений, в выражении которых участвует частица *даже*, могут проявляться не в чистом виде, а во взаимодействии друг с другом, как совмещение тех или иных отношений. Между типами значений наблюдаются регулярные коммуникативные связи, свидетельствующие об их взаимозаменяемости и синкретизме.

Несмотря на то, что единицы полнозначной лексики «толкуются» в словарях декларативно (то есть при помощи пропозиций), а значение дискурсивных слов, к которым относится лексема *даже*, процедурно (то есть предстает перед исследователем как комплекс операций (процедур) над планом содержания высказывания (текста) [Путеводитель по дискурсивным словам русского языка, 1993, с. 10]), можно сформулировать наиболее общие типы значений исследуемого слова, важнейшими из которых Ф. С. Бацевич считает: 1) **нарушения** состояний субъекта, связанные: а) с «собственно» нарушениями ожиданиями; б) неожиданностью полученных результатов; в) резким нарушением предыдущего состояния;

г) нестандартностью, нетипичностью действий, поступков, мышления и т. п.; 2) **несовпадения**: а) с типичными чертами (людей, предметов, событий и т. п.); б) общепринятыми нормами поведения; 3) **усиление**: а) «собственно» усиление; б) усиление уточнения, в частности, уточнения порядка градации [Бацевич, 2003, с. 245]. К ним можно добавить: **нарушения** состояний субъекта, обусловленные: д) внезапностью «выхлопов» из глубины души; е) неуправляемостью, неконтролируемостью действий, поступков.

Таким образом, в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» частица *даже* «играет важную роль формирования ремы высказывания, выделения в ней семантических субъективно-модальных компонентов, характеристики авторской речи, индивидуализации речи героев» [Бацевич, 2003, с. 247], служит для: акцентирования актуальных логико-смысловых отношений (сопоставления, противопоставления, отрицания, ограничения и др.), привнесения дополнительных оттенков смысла, подчеркивания коммуникативно значимых элементов речи, передачи важных для автора оценок изложенных фактов и их интерпретации, активизации внимания читателя и др.

Частица *именно*

Значение частицы *именно* реализуется прежде всего в минимальном контексте, где акцентируемый частицей компонент имеет непосредственное отношение к предикату, поскольку лексема *именно* характеризует это отношение как утверждение предикативного признака. Однако полностью «раскрыться» частица *именно* может только в максимальном контексте, осуществляя различные функции: коммуникативно-прагматические, текстовые, стилистические и др.

Употребление частицы *именно* связано в первую очередь с интерпретацией субъектом речи (субъектом оценки) объективного содержания высказывания, в котором «говорящий, субъект оценки, подчеркивает определенный факт, утверждая его как единственно истинный или единственно важный в данном содержании; это утверждение направлено на собеседника, воспринимающего субъекта, у которого не должно быть сомнений в истинности или важности утверждаемого факта» [Стародумова, 1988, с. 79].

Категоричная манера изложения является своеобразной нормой художественной речи, в которой автор (адресант) актуализирует «присутствие» адресата, которого необходимо убедить в правомерности своих действий (поступков, суж-

дений и т. д.), сделать его единомышленником. Типичными акцентуаторами категоричности высказывания являются модальные слова со значением уверенности в достоверности излагаемого, синтаксические конструкции *очевидно, что...; ясно, что...; понятно, что...; естественно, что...; частица именно и др.*: – *Ведь это мерзости!* – **Именно мерзости-с. Настоящее слово-с!** [с. 582]; «<...> А кто <...> сей аноним, позвольте спросить?» – *Неужто вы?* – вскричал князь. – **Именно**, – с достоинством ответил пьяница... [с. 549]; – *Без сомнения <...> остались и дворяне с детьми.* – **Именно, именно!** Он хотел привлечь бояр! [с. 518]; – «<...> Позвольте еще <...> насчет родственности между нами и слова не может быть <...> стало быть... – То, стало быть, вставать и уходить? <...> так я и думал, что у нас непременно **именно** это и выйдет, как теперь вышло [с. 50]. В последнем примере частица *именно*, употребляясь в контексте подтверждения (близкие отношения с семейством Епанчиных нереальны), сопровождает утверждение значением совпадения с типичными чертами (людей, поступков, предметов и т. д.), ожиданием полученных результатов. Лексема *именно* акцентирует внимание на том, что эти отношения рассматриваются говорящим как «совпадение с общепринятыми нормами поведения». Здесь можно, видимо, говорить о достаточно приблизительном, подчас тавтологическом, употреблении частицы *именно* в речи героя, что стало возможным «благодаря спонтанному отбору говорящим лексемы с ориентацией на ближайший «усилительный» контекстуальный смысл и желанию особо выделить иллокутивную силу речевого акта» [Бацевич, 2003, с. 243]: – «<...> непременно **именно** это и выйдет (усиление ожидания полученных результатов при нормативном *так, а не иначе*) и мне это хорошо понятно: – <...> мне кажется, мы такие разные люди на вид... по многим обстоятельствам, что у нас, пожалуй, и не может быть много точек общих <...> [с. 51]; Он рассказал, наконец, что Павлищев встретился однажды в Берлине с профессором Шнейдером, швейцарцем, который занимается **именно** этими болезнями, имеет заведение в Швейцарии, в кантоне Валлийском, лечит по своей методе холодную водой, гимнастикой, лечит и от идиотизма и от сумасшествия, при этом обучает и берется вообще за духовное развитие <...> [с. 52]. Описать значение лексемы *именно* в последнем контексте можно так: она указывает на семантические пресуппозиции: данный объект известный; на-

ряду с ним (болезнь) существуют и другие. Прагматические пресуппозиции: говорящий подчеркивает, что данный объект является единственно верным; говорящий подчеркивает важность объекта для данной ситуации. Высказывание с *именно* не служит простому утверждению, оно предполагает ситуацию вынесения оценок и характеристик: Шнейдер выбрал очень трудный, неизлечимый недуг.

В некоторых контекстах значение утверждения проявляется особенно отчетливо, приобретая характер категорического, настойчивого утверждения: – *Именно, именно так* <...> *Именно от «скуки, от нашей скуки»* <...> [с. 566]; – *Ну да, ум главное* <...> *тут именно чрез ум надо бы с самого начала дойти; тут именно надо понять и ... и поступить с обеих сторон честно и прямо* <...> [с. 58].

В ряде случаев автор (адресант) стремится избежать категоричности суждений, предоставляя адресату возможность самому оценить факты, без «давления» со стороны автора. Типичными акцентуаторами некатегоричности изложения являются модальные слова со значением сомнения (*вероятно, по-видимому, видимо, может быть* и т. п.): «С первого взгляда заметил он, что тот недоволен, и, *может быть, именно тем, что пришлось подождать* [с. 514]; Унылый и брюзгливый оттенок физиономий некоторых из гостей, *может быть, еще более разжигал ее насмешливое желание; может быть, ей именно нравилась циничность и жестокость идеи*» [с. 170] (значение утверждения ослаблено и вытеснено на второй план в связи со сформировавшимся в высказывании значением вероятности, предположительности).

Наблюдения над особенностями функционирования частицы *именно* в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» показывают ее семантическую сущность, заключающуюся в способности давать оценку пропозициональному содержанию как *истинному* (подлинному, несомненному, категоричному и др.), *важному* (акцентирую ваше внимание на этом), *безальтернативному* (единственно истинному, единственно правильному, единственно верному, единственно возможному и др.), *известному* (об этом уже упоминалось, или это становится известным), *альтернативному* (есть и другие, которые следует учитывать или можно допустить; которое преподносится как безальтернативное).

В вопросительных высказываниях и в косвенных вопросах после слов *кто, что, где, когда, какой* и других у частицы

именно актуализируется дополнительная прагматическая сема – предупреждение о конкретизации: указывая на неопределенность выделенного из множества предмета или признака, *именно* выражает необходимость его определения; «говорящий подчеркивает, что неизвестный предмет, признак нуждается в конкретизации» [Словарь служебных слов русского языка, 2001, с. 33]. Например: «*На вопрос Настасьи Филипповны: “чего именно от нее хотят?” – Тоцкий с прежнею, совершенно обнаженною прямою признался ей, что он так напуган еще пять лет назад* [с. 72]; – *Меня это очень тревожит, потому что кто именно... Вот вопрос!*» [с. 468].

Как правило, дополнительная сема частицы *именно* наиболее ярко проявляется в вопросительных высказываниях, на основе которых строятся диалоги: – *Едва узнала его. Он очень изменился и ... гораздо к лучшему* <...> – *Что именно тебе кажется лучшего?* [с. 272], или в косвенном вопросе: – *Да, ведь он писал письма... с предложениями о мире... – робко поддалкнул князь. – Собственно нам неизвестно, с какими именно предложениями он писал, но писал каждый день, каждый час, и письмо за письмом!* [с. 520].

Акцентирующая функция позволяет реализовать в высказываниях типы отношений, устанавливаемые с помощью частицы *именно*, которые можно рассматривать как: а) *отношения «частного – общего»*: – *А у вас дело* <...> *Ну, по какому именно, это пусть будет как вам угодно, а мне главное то, что вы там не просто напрашиваетесь на вечер, в очаровательное общество камелий, генералов и ростовщиков* <...> *Здесь ужасно мало честных людей, так даже некого совсем уважать. Поневоле свысока смотришь* <...> *в наш век все авантюристы! И именно у нас в России, в нашем любезном отечестве* [с. 160–161] (частица *именно* предопределяет соотношение номинаций [общество – здесь] – [в России – отечестве]); б) *отношения противопоставления (сопоставления)*: – <...> *С тобой она будет не такая, и сама, пожалуй, такому делу ужаснется, а со мной вот именно такая* [с. 234] (акцентирование утверждения истинности определенного признака, предмета и в то же время указание на недопущение другого); – *Лебедев, вы как будто за что-то сердитесь? – Нисколько, нимало* <...> *а, напротив, именно и тотчас постиг, что* <...> *ничем вашей почтенной* <...> *доверенности не заслуживаю...* [с. 509]; в) *отношения уступки*: – <...> *Я, голубчик князь, может, и в самом деле дурно делаю, что вам доверя-*

юсь. **Но именно** потому, что вы первый из благородных людей мне попались <...> [с. 150] (частица *именно* акцентирует компонент, выражающий несоответствие: «хотя я и... **но именно** потому...»); г) **причинно-следственные отношения**: – <...> **Может быть, будут у вас и другие дела, но главное для меня. Бог именно так** считал [с.109] (частица *именно* актуализирует следствие, акцентируя компонент, содержание которого особенно важно в этом следствии); д) **отношения отождествления**: – <...> **знаешь ли ты, что она тебя теперь, может, больше всех любит, и так даже, что чем больше мучает, тем больше и любит. Она этого не скажет тебе, да надо видеть уметь** <...> **Иные женщины даже хотят, чтоб их так любили. А она именно такого характера** [с. 388] (частица *именно* актуализирует устанавливаемое сходство – «тоже такая»); <...> **что делать романисту с людьми ординарными, совершенно «обыкновенными»** <...> **Таковы именно** Варвара Ардалионовна Птицына, супруг ее, господин Птицын, Гаври-ла Ардалионович, ее брат [с. 484]; е) **отношения выражения особой важности конкретизации**: «В день получения письма она всех приласкала, даже поцеловала Аглаю и Аделаиду, в чем-то собственно перед ними покаялась, но в чем **именно**, они не могли разобрать» [с. 207] (контекст указывает на неопределенный объект, признак, который нуждается в конкретизации: в чем *именно*? в чем конкретно? – надо узнать); – **Едва узнала его. Он очень изменился и ... гораздо к лучшему** <...> **Что именно тебе кажется лучшего?** [с. 272]; **Ему мерещилось: уж не подведено ли кем это дело теперь, именно к этому часу и времени, заранее, именно к этим свидетелям** <...> [с. 283]; **Если не хорошо (что несомненно), то чем же именно не хорошо?** [с. 528]; – <...> она так серьезно передавала поклон отцу. **И с какой стати именно ему?** [с. 493]; ж) **отношения пояснения и подтверждения**: – <...> как трудно в наш век достать денег! Где же их взять <...> Один ответ: “неси золото и бриллианты, под них и дадим”, **то есть именно то, чего у меня нет** <...> [с. 333]; **И заметьте, все это молодежь, то есть именно такой возраст, в котором всего легче и беззащитнее можно подпасть под извращение идей** [с. 362]; – **Ах, это неприятно!** – **Именно неприятно** <...> – **Как же, однако...** – **ведь это серьезно.** – **Именно серьезно** <...> [с. 468]; – **Без сомнения** <...> **остались и дворяне с детьми.** – **Именно, именно.** Он хотел привлечь бояр [с. 518]; – **Позвольте же** <...> **решается** чрезвычайная минута судьбы моей (Аглая

именно так и выразилась) <...> [с. 535]; з) **целевые отношения**: – <...> **Она бежала от меня, знаете для чего? Именно чтобы доказать только мне, что она – низкая** [с. 459]; – <...> **О, с каким бы наслаждением я тогда его высек, именно чтоб удивить его** [с. 495].

Рассмотренные случаи употребления лексемы *именно* позволяют констатировать, что эта частица не является союзным средством, обозначающим те или иные отношения, поскольку «в силу особенностей семантики она неспособна эксплицировать отношения, а может только подчеркивать, акцентировать те отношения, которые существуют в конкретном контексте – с формальным выражением или без такового» [Стародумова, 2002, с. 172]. Она всегда прикреплена к какому-либо компоненту высказывания и маркирует его как смысловой и интонационный центр. Как всякая акцентирующая частица, *именно* участвует в формировании коммуникативной структуры высказывания. Ее употребление связано, с одной стороны, со старой информацией (темой, данным), но, с другой стороны, эта частица является ярким рематическим (новым) показателем, поскольку она дополнительно акцентирует рему, выделяет наиболее значимый компонент.

Частицы, выражающие неполное проявление признака

Частицы *чуть не* (*чуть ли не, чуть было не*), *почти* (*почти что*), *практически* и др. обладают семантической функцией неисчерпанности, неполноты признака, поэтому в реализации акцентирующей функции сохраняют свое базовое значение – указание на недостижение чего-либо.

В лингвистической науке нет единого мнения по поводу того, к какой группе относить эти частицы. Каждый исследователь, затрагивавший этот вопрос в той или иной мере, классифицирует их на основе своих определенных критериев. Так, академик В. В. Виноградов относит эти частицы к разряду количественных (количественно-определятельных) частиц, подчеркивая их связь с наречиями, наряду с *приблизительно, ровно, точно* и др. [Виноградов, 1947, с. 669]. Н. М. Шанский причисляет их к классу определительно-уточняющих вместе с *как раз, ровно, именно, приблизительно, подлинно* и др., поскольку «при помощи этих частиц уточняется, определяется смысл слов и словосочетаний в предложении» [Шанский, 1987, с. 245]. Д. Э. Розенталь рассматривает частицы *почти, чуть не, едва не* и другие в группе ограничительных (выдели-

тельно-ограничительных) [Розенталь, 2001, с. 279], выражающих различные смысловые оттенки слов в речи, либо в группе частиц собственно-модальных, вносящих в речь модальные и модально-волевые оттенки – *едва ли, вряд ли, пожалуй* и др. [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 387]. По мнению П. А. Леканта, эти частицы входят в состав определительно-уточняющих частиц и являются амодальными [Лекант, 2002, с. 351].

Традиционной является классификация, представленная в «Русской грамматике», где *чуть не, чуть было не, едва не, едва было не* относятся к частицам, характеризующим признак (действие или состояние) по его протеканию во времени, по полноте или неполноте осуществления, по результативности или нерезультативности [Русская грамматика. Т. 1. 1980, с. 727]. Интересной представляется классификация частиц Е. А. Стародумовой, поскольку в ней учитывается не один аспект изучения, а несколько (семантический, прагматический, коммуникативный и др.). Частицы *почти, почти что, чуть не, чуть ли не, чуть было не, едва не, едва ли не, едва было не, практически* она относит к одной из групп одновалентных (безразличных к предикату и имеющих только правую валентность – любой компонент – предикат или непредикат) частиц, выражающих неполное проявление признака, которые соотносятся с наречиями [Стародумова, 2002, с. 83].

Самой распространенной и употребительной в данной группе является частица *почти*, выражающая недостижение чего-либо (предела, признака) [Ожегов, Шведова, 1999; Словарь служебных слов, 2001; Ефремова, 2004]. Эта оценка может отражать и объективно существующие факты и субъективное восприятие [Стародумова, 2002, с. 140]. Например: «*Один из них был небольшого роста, лет двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, с серыми, маленькими, но огненными глазами*» [с. 29] (здесь *почти* передает субъективное восприятие «я это так воспринимаю, таким я его вижу»); «*Женился генерал <...> на девице почти одного с ним возраста, не обладавшей ни красотой, ни образованием, за которую он взял всего только пятьдесят душ, – правда, и послуживших к основанию его дальнейшей фортуны*» [с. 41] – (объективно существующий факт); – «*Я года четыре в России не был, слишком; да и что я выехал: почти не в своем уме!*» [с. 50] – (субъективное восприятие).

Общее с *почти* значение имеют и другие частицы этой группы, но у каждой из них есть своя специфика. Так, части-

ца *чуть ли не* указывает на близкую вероятность признака [Стародумова, 2002, с. 141], при наличии сомнения в реальности этого признака [Ефремова, 2004, с. 751; Объяснительный словарь русского языка, 2002, с. 114, 394; Ожегов, Шведова, 1999, с. 186, 890]: «*О том, что будет Белокопская, князь услышал еще чуть ли не за три дня до вечера; о званом же вечере узнал только накануне*» [с. 545] (наблюдается явная гипотетичность, которая проявляется как отсутствие уверенности и преувеличение («чуть ли не за три дня» – значит «давно»). Ср.: «*Почти за три дня*» – без малого за три дня; «*чуть ли не за три дня*» – не уверен, что за три дня, но хочу сказать: давно); «*Генерал вышел, и князь так и не успел рассказать о своем деле, о котором начинал было чуть ли не в четвертый раз*» [с. 61]; – «*Да чуть ли еще не бранила вас, князь*» [с. 132].

Частица *чуть было не* имеет значение остановленного действия [Стародумова, 2002, с. 216]. Например: «*Лизавета Прокофьевна чуть было не прогнала ее на место, но <...> два новые гостя, громко говоря, вступили с улицы на террасу*» [с. 276].

Иногда в значении почти может употребляться слово *практически*. Например: – «*И вот, ей-богу же, генерал, хоть я ровно ничего не знаю практически <...> но так я и думал, что у нас непременно именно это и выйдет, как теперь вышло*» [с. 50] («ничего не знаю практически» можно заменить на «ничего не знаю почти»).

Лексема *почти* оценивается исследователями неоднозначно. Одни ставят ее в один ряд с наречиями [Кржижкова, 1974; Морковкин, 1997; Шимчук, Щур 1999 и др.], другие относят к частицам [Виноградов, 1947; Шведова, 1960]. Характер употребления данного слова позволяет не ставить его в один ряд с наречиями *очень, совсем, сильно* и подобными, которые указывают на степень наличного признака, в то время как словом *почти* выражается стремление к новому качеству, близость к его проявлению, то есть семантика слова *почти* показывает, что «признак не проявляется в полной мере, но очень близок к осуществлению/неосуществлению» [Словарь служебных слов русского языка, 2001, с. 82–83]. Как отмечает Е. А. Стародумова, степень величины признака в этом случае осмысливается как величина отрицательная, недостаточная для перехода в новый, называемый признак. «Семантические компоненты значения этой лексемы, в котором объективный смысл совме-

щается с субъективной оценкой, следующие: а) признак не достигает полного проявления; б) он близок к осуществлению; **прагматические** – его недостижение, недостаточность для перехода: а) несущественно; б) существенно для субъекта оценки» [Стародумова, 2002, с. 207]. Например:

а) **недостижение несущественно**: «Кроме всех потрясений этого дня, он всю прошедшую ночь провел в вагоне и уже почти двое суток не спал» [с. 188] (частица показывает, что кто-то не спал уже почти двое суток, то есть времени, когда он спал, было мало. Субъективный смысл, вносимый словом *почти*, таков: для говорящего важно сообщить, что некто не спал двое суток. Было время, когда он спал, но этого было мало, этим можно пренебречь);

б) **недостижение существенно**: «Он ожидал князя; едва зашел, тотчас же отложил газету и начал было горячее и многословное объяснение, в котором, впрочем, князь почти ничего не понял, потому что генерал был уже почти что готов» [с. 153] («акцентируется внимание на “недостижении”, которое для говорящего существенно и потому сопровождается объяснением» [Стародумова, 2002, с. 207]).

Данная частица нередко употребляется в сугубо разговорном варианте *почти что*: – О, вы угадали опять <...> ведь действительно почти ошибаюсь, то есть почти что не родственница <...> [с. 32]; – Так вы еще и родственник? – восторженно уже почти совсем испуганный лакей. – И это почти что нет [с. 44].

Сочетаемость лексемы *почти* не имеет ограничений морфологического и синтаксического характера. В то же время она ограничена семантически: *почти* сочетается только со словами, которые обозначают предельное проявление признака или которые могут выразить такое проявление в определенном контексте. К таким словам относятся: а) **местоимения**, обозначающие полный охват предметов, признаков (*почти все, почти каждый, почти всякий*), и отрицательные слова (*почти никто, почти никогда*): «Дети тотчас же узнали и почти все перебивали у ней в этот день навестить ее <...> [с. 100]; В конце концов два месяца после выезда князя почти всякий слух о нем в Петербурге затих окончательно <...> [с. 209]; В каждой гневливой выходке <...> почти каждый раз <...> проглядывало столько еще чего-то детского <...> что не было возможности иногда, глядя на нее, не засмеяться... [с. 273]; Старшая была музыкантиша <...> но об

этом почти никто не знал <...> [с. 42]; Эта сухая материя особенно понравилась генеральше, которой почти никогда не удавалось говорить о своей родословной <...>» [с. 80]; б) **глаголы**, обозначающие действие, достигшее предела, результата (*почти помирился, почти столкнулась, почти умирала, почти молчала* и др.): «В последний год я даже почти помирился с Тибо и пастором [с. 101]; Но только он вступил в столовую <...> с ним в дверях почти столкнулась выходившая Аглая [с. 107]; Мать в то же время уж очень больна была и почти умирала» [с. 96]; в) **качественные прилагательные** (за исключением: *высокий, низкий, дорогой, дешевый* и др.): – Через них, уверяю вас, она умерла почти счастливая [с. 100]; – Ах, друг мой <...> это почти доброе дело [с. 77]; г) **существительные**, выражающие качественную характеристику или оценку: «Частые припадки его болезни сделали из него совсем почти идиота <...> [с. 52]; Новый, нестерпимый прилив стыда, почти отчаяния, приковал его на месте... [с. 258]; – О, они не повторяются так часто, и притом он почти как ребенок, впрочем образованный» [с. 77].

Среди своеобразных оттенков значения лексемы *почти*, зафиксированных в тексте романа, можно выделить следующие: 1. Объективно существующий факт действительности только отмечается, а не представлен дословно: оттеняется, поскольку не столь важен (актуален): «Сам же генерал почти совсем успел отрезвиться, но зато чуть не одурел от всех вынесенных им впечатлений в этот безобразный и ни на что не похожий день из всей его жизни» [с. 186] (важно не показать недостижение предела, а подчеркнуть, что действие наступило быстро: важно не то, что «успел отрезвиться не совсем», а то, что «успел отрезвиться быстро»); «Один только Лебедев был из числа наиболее ободренных и убежденных и выступал почти рядом с Рогожиным, постигая, что в самом деле значит миллион четыреста тысяч чистыми деньгами и сто тысяч теперь, сейчас же в руках...» [с. 186] («почти рядом» следует понимать как «очень близко». Значение недостижения несущественно, можно считать, что рядом – преувеличена собственная роль). 2. Одна признаковая характеристика оттеняет другую: «Все три девицы Епанчины были барышни здоровые, цветущие, рослые, с удивительными плечами, с мощною грудью, с сильными, почти как у мужчин, руками, и конечно вследствие своей силы и здоровья, любили иногда хорошо покушать, чего вовсе не желали скрывать» [с. 62].

Как отмечает Е. А. Стародумова, «основная функция этого слова – коммуникативно-прагматическая, ему не свойственны коммуникативно-синтаксические и конструктивно-синтаксические функции» [Стародумова, 2002, с. 213].

«В функционально-семантическом отношении слово *почти* стоит ближе всего к выражению «без малого», употребляемому в качестве указателя на стремление приблизиться к некоторой фиксированной величине. В этом значении *почти* сближается с отрицательными частицами *чуть не*, *едва не*: *чуть не* крикнул = *почти* крикнул, *едва не* побежал = *почти* побежал, что свидетельствует о принадлежности слова *почти* к функционально-семантическому микрополю малых величин» [Ховалкина, 1994, с. 91], недостаточных для перехода в новое качество (*чуть*, *чуть-чуть*, *едва*, *едва-едва*, *едва не* и др.).

Сочетания *чуть не*, *едва не* имеют статус слова-частицы [Шведова, 1960; Штайн, 1978]: они едины, идиоматичны, их значения не могут быть представлены как простая сумма смыслов «отрицание + минимальная степень» [Стародумова, 2002, с. 213]. Например: – *Что в нем есть и хорошие качества <...> я первый заявил об этом, чуть не подарив этому индивиду дружбу мою* [с. 516].

По наблюдениям Е. А. Стародумовой, семантика *чуть не*, *едва не* определяется следующим образом: говорящий характеризует действие, которое могло произойти, но не произошло, как нежелательное или неконтролируемое. Среди основных компонентов значения исследователь выделяет следующие: **семантические**: 1) действие было близко к осуществлению; 2) действие не произошло; и **прагматические**: 1) действие оценивают как нежелательное и 2) неконтролируемое [Стародумова, 2002, с. 214]. Например: «*Только что выговорил это князь, Ганя вдруг так вздрогнул, что князь чуть не вскрикнул* [с. 62]; *Мари чуть с ума не сошла от такого внезапного счастья...* [с. 98]; – *Вот это я люблю! Нет, вот это лучше всего!* – выкрикивал он конвульсивно, *чуть не задыхаясь <...>* [с. 244]; – *Нет-с, они не то чтобы нигилисты, – шагнул вперед Лебедев, который тоже чуть не трясся от волнения, – это другие-с, особенные, мой племянник говорил, что они дальше нигилистов ушли-с* [с. 282]; *Тот схватил ее руки, крепко сжал, так что Аделаида чуть не вскрикнула <...> и поцеловал три раза*» [с. 367] (во всех контекстах указана причина нежелательного действия: «чуть не вскрикнул», потому что вдруг вздрогнул Ганя; «чуть с ума

не сошла» от счастья, «чуть не задыхался», потому что конвульсивно выкрикивал).

Из частиц *чуть не*, *едва не*, *чуть ли не*, *едва ли не*, *чуть было не* наиболее употребительны в романе «Идиот» частицы с элементом «чуть»: *чуть не*, *чуть ли не*, *чуть было не*. Это можно объяснить тем, «что составная часть слова *чуть* ярче, чем *едва* выражает минимальную степень» и как результат – сокращение дистанции «между действием и возможностью его осуществления» [Стародумова, 2002, с. 215].

В романе Ф. М. Достоевского «Идиот» частица *чуть не* контактирует главным образом с формой прошедшего времени совершенного вида (*чуть не выпучил глаза, чуть не стали, чуть не загоняли, чуть не одурел* и т. д.): – *Да... как же это? – удивился до столбняка и чуть не выпучил глаза чиновник <...>* [с. 34]; – *Да-с, памятна мне и княгиня! Молодость! Из-за нее мы с князем, друзья с детства, чуть не стали взаимными убийцами* [с. 122]; *Бедного Платона чуть не загоняли; известно – муж; поручился, что букет достанет, и – что же?* [с. 179].

В то же время довольно часто встречаются примеры использования частицы *чуть не* с глаголами несовершенного вида (*чуть не совали, чуть не плакал* и др.): «Очевидно, князя представляли как что-то редкое <...> *чуть не совали* к Настасье Филипповне... [с. 132]; <...> *старичок учитель, мало понимавший в чем дело, чуть не плакал и буквально дрожал от страха <...>*» [с.184].

Вполне естественны сочетания этих частиц с формами причастий и деепричастий: «*Настасья Филипповна <...> поглядела на Фердыщенко; тот мигом трусил и примолк, чуть не похолодев от испуга: слишком далеко уж зашел* [с. 174]; – *А вам кто велел дела понимать? Вот и учитесь у умных людей! – отрезала ему чуть не торжествующая Дарья Алексеевна <...>*» [с. 181].

В романе «Идиот» встречаются примеры, в которых частица *чуть не* сочетается с именными частями речи. В этом случае «они обозначают непосредственное приближение к называемому признаку (*почти, совсем почти*)» [Шведова, 1960, с. 147]: – *Едем! – заревел Рогожин, чуть не в исступлении от радости, – ей вы... кругом... вина! Ух!..* [с. 197].

По мнению Е. А. Стародумовой, «основная функция частицы *чуть не* коммуникативно-прагматическая: формирование маркируемого компонента, который обозначает определенный

факт действительности. Текстовых смысловых отношений она не выражает, но оценка действия, создаваемая частицей, предопределяется типичным контекстом» [Стародумова, 200, с. 216]. Что касается частицы *чуть было не*, то ее следует рассматривать как производное на основе *чуть не*, поскольку значение этой частицы формируется из суммы смыслов частицы *чуть не* и частицы *было*. Таким образом, оно имеет значение действия неосуществленного, остановленного: «Он даже *чуть было не* спросил Ипполита, давно ли он в университете [с. 314]; Лизавета Прокофьевна *чуть было не* прогнала ее на место, но в ту самую минуту <...> два новые гостя, громко говоря, вступили с улицы на террасу» [с. 276].

Введение элемента *ли* в частицу *чуть не* приводит к преобразованию значения в гипотетическое, которое проявляется при: 1) указании на близкую вероятность; 2) отсутствии уверенности, сомнениях: – Ну хорошо, хорошо, – перебила вдруг она <...> *чуть ли не* в испуге, даже наклонилась к нему... [с. 456]; Но хоть дело было и кончено, а князь остался озабочен *чуть ли не* более прежнего [с. 514].

По мнению Е. А. Стародумовой, семантика частицы *чуть ли не* может быть представлена следующими модификациями: 1. Основное значение представлено совокупностью трех прагматических компонентов: а) субъект оценки считает, что признак близок к проявлению; б) подчеркивает, что это высшая степень проявления; в) не решается говорить об этом категорически. Например: «Нина Александровна, видя искренние слезы его, проговорила ему, наконец, безо всякого упрека и *чуть ли* даже не с лаской: “Ну бог с вами, ну не плачьте, ну бог вас простит!”» [с. 553]. 2. Преувеличение признака. Говорящий оценивает факт как значительный по различным параметрам (размер, протяженность и т. д.) и несколько преувеличивает его: «Он был как-то рассеян, что-то очень рассеян, *чуть ли не* встревожен, даже становился как-то странен <...>» [с. 33] (значимым является не объективный смысл «не встревожен», а смысл – встревожен в достаточной степени). Данный случай более характерен для *чуть ли не*, так как за счет элемента «чуть» достигается значение очень близкой возможности проявления признака [Стародумова, 2002, с. 217–218]: «Из молодых людей рассчитывали *чуть ли не* на одного Евгения Павловича; он должен был явиться, сопровождая Белоконскую» [с. 545].

В некоторых случаях значение преувеличения признака может передаваться сочетанием *чуть не*, где оно восприни-

мается как неполный вариант *чуть ли не*: «Генерал посмотрел на меня решительно свысока и *чуть не* с насмешкой» [с. 517] = *чуть ли не* с насмешкой.

Из всех возможных сочетаний частиц с непредикативными компонентами в тексте романа наблюдаются сочетания частиц с обстоятельствами времени, места: «О том, что будет Белоконская, князь услышал еще *чуть ли не* за три дня до вечера; о званом же вечере узнал только накануне» [с. 545].

Частицы со значением неполного проявления признака могут употребляться в высказываниях, относящихся к разным типам речи. Среди основных признаков этих типов речи называют: а) повествование – «цепь предикатов, прямой, стилистически нейтральный порядок слов»; б) описание – «однотипно построенные синтаксические единства с параллельной организацией фраз, с объективным прямым порядком слов»; в) рассуждение – «формулы логизированной речи – фразы причинно-следственные, условные, уступительные, изъяснительные и т. п.» [Иванчикова, 1979, с. 118, 139, 162]. Так, «использование частиц в повествовании создает экспрессивно-эмоциональную окрашенность, характерную для повествования рассказчика» [Нечаева, 1974, с. 143]: «Было уже поздно, почти половина третьего, и Епанчина князь не застал дома [с. 248]; В голосе Гани слышалась уже та степень раздражения, в которой человек почти сам рад этому раздражению, предается ему безо всякого удержу и *чуть не* с возрастающим наслаждением, до чего бы это не довело» [с. 127].

Использование частиц со значением неполного проявления признака ярко проявляется в портретных зарисовках (описаниях) писателя: «Обладатель плаща с капюшоном был молодой человек, тоже лет двадцати шести <...> с легонькою, востренькою, почти совершенно белою бородкой [с. 30]; Она была очень похожа на мать, даже одета была почти так же, как мать, от полного нежелания наряжаться [с. 117]; Эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, *чуть не* впалых щек и горевших глаз; странная красота!» [с. 107] (с помощью таких слов формируется впечатление от рисуемого персонажа).

В текстах, представляющих рассуждение, отмечены «практически беспредельные возможности языка модально-экспрессивного варьирования» [Иванчикова, 1979, с. 161], в котором участвуют частицы *почти*, *чуть не*: «Изобретатели и гении почти всегда <...> считались в обществе не более

как дураками, – это уж самое рутинное замечание, слишком всем известное [с. 349]; И почему Аглая три дня в истерике, почему с сестрами *чуть не* перессорилась, даже с Александрой, у которой всегда целовала руки, как у матери – так уважала? [с. 355]; С молодым человеком про секреты дочери говорить, да еще... да еще про такие секреты, которые *чуть не* самого его касаются!» [с. 355].

Частицы данной группы регулярно употребляются и в высказываниях оценочного характера. Например: – <...> Билеты-то я продал, деньги взял <...> да на все пару подвесок и выбрал, по одному бриллиантику в каждой, эдак *почти* как по ореху будут... [с. 37]; – <...> Денег же у меня в настоящую минуту *почти* ни копейки нет [с. 39]; – Это <...> А хороша она, князь, хороша? – Чрезвычайно! <...> *почти* как Настасья Филипповна, хотя лицо совсем другое!.. [с. 104].

Для данных частиц характерно употребление в рядах со значением градации или уточнения. С помощью частиц говорящий показывает, что выделяемый ими компонент обозначает что-то необычное, неожиданное и поэтому превосходит в каком-либо отношении содержание предыдущего компонента. Например: – <...> Совершенный ребенок, и даже такой жалкий; припадки у него какие-то болезненные; он сейчас из Швейцарии, только что из вагона, одет странно, как-то по-немецкому, и вдобавок ни копейки, буквально; *чуть не* плачет [с. 77]; Он был как-то рассеян, что-то очень рассеян, *чуть ли не* встревожен, даже становился как-то странен <...> [с. 33]; Ганя так обрадовался, что *почти* примирительно, *почти* нежно смотрел на мать [с. 126]; В одном из вагонов <...> очутились <...> два пассажира – оба люди молодые, оба *почти* налегке <...> Один из них <...> курчавый и *почти* черноволосый... [с. 29]; Но великолепное убранство <...> *почти ли даже не* страха [с. 186].

Привлечение союзов, вводных слов с противительным значением, частиц других групп связывается с решением актуальных задач, направленных на: активизацию внимания читателя; выражение реакции слушающего; подчеркивания значимых фрагментов текста; усиления воздействия и др.: – <...> Все куплю! <...> Настасья Филипповна! Не прогоните, скажите слово: венчается вы с ним или нет? <...> – Совсем нет, что с вами? <...> – Нет? Нет!! – вскричал Рогожин, приходя *чуть не* в исступление от радости, – так

нет же?! А мне сказали они... Ах! [с. 141] (акцентирующая функция частицы *чуть не* указывает на «нарушенное ожидание»: думал, что венчается, а...; думал о плохом, а получается хорошее); Каково же ей было, прямо и без приготовления, услышать, что этот последний в роде князь Мышкин, о котором она уже что-то слышала, не больше как жалкий идиот и почти что нищий и принимает подаяние на бедность [с. 76] (частица *почти что* увеличивает смысловую весомость высказывания, в котором акцентирующая функция вскрывает «нарушенное ожидание»: последний в роде, князь – и вдруг: жалкий идиот, почти что нищий, принимает подаяние на бедность; думала хорошее, а тут... Частица *почти что* делает акцент на «несовпадение с общепринятыми нормами поведения»: есть определенные правила приличия, которые следует соблюдать. Нарушение этих правил влечет за собой негативную реакцию: – Что бишь! – начала она, брюзгливо и досадливо припоминая, – ну, что там! <...> Генеральша спрашивала нетерпеливо, быстро, резко, не сводя глаз с князя... [с. 79]).

Разнообразные повторы частиц создают интонационную атмосферу эмоционального подъема, нагнетание экспрессии: «Он ожидал князя <...> впрочем, князь *почти* ничего не понял, потому что генерал был уже *почти что* готов [с. 153]; Сам же он почти совсем успел отрезвиться, но зато *чуть не* одурел <...> водясь с Киндерами и Бискупами, которые тоже *чуть* с ума не сошли [с. 186]; <...> она уже слышала, что <...> устраивается какими-то повесами шаривари, с музыкой и *чуть ли не* со стихами <...> все это *чуть ли не* одобрется <...>» [с. 615].

Акцентирующая функция служит для выражения различных отношений, которые выходят за пределы акцентируемого слова, и распространяется на целую ситуацию или ее часть. Например: «Мать, первая, приняла ее со злобой <...> первая ее и выдала на позор: когда в деревне слышали, что Мари воротилась, то все побежали смотреть Мари, и *чуть не* вся деревня сбежалась в избу к старухе <...>» [с. 96] (акцентирующая функция частицы *чуть не* «вскрывает» нарушение состояния жителей деревни, связанное с нестандартностью, нетипичностью произошедшего с Мари применительно к общепринятым нормам: нарушение определенных норм, правил приводит к негативной реакции: «Все кругом смотрели на нее, как на гадину; старики осуждали и брани-

ли, молодые даже смеялись, женщины бранили ее, осуждали, смотрели с презрением таким, как на паука какого [с. 96]); <...> и хотя генералу довольно часто, **чуть не** ежедневно, в известный час, приходилось принимать <...> очень разнобразных гостей <...> посредничество секретаря для доклада было необходимо» [с. 43] (по мнению говорящего, генерал – фигура известная, имеющая определенный авторитет и влияние); «Только что выговорил это князь, Ганя вдруг так вздрогнул, что князь **чуть не** вскрикнул» [с. 62] (частица указывает на внутреннее состояние, которое свойственно впечатлительным людям); – Князь ведь за границей выучился глядеть. – Не знаю; я там только здоровье поправлял; не знаю, научился ли глядеть. Я, впрочем, **почти** все время был очень счастлив. – Счастлив! Вы умеете быть счастливым? – вскричала Аглая, – так как же вы говорите, что не научились глядеть? [с. 83] (несовпадение с типичными чертами князя, неожиданность сказанного для субъекта восприятия, акцентирование этого качества); – А хороша она (Аглая), князь, хороша? – Чрезвычайно! <...> **почти** как Настасья Филипповна <...> [с. 104] (частица участвует в вводе дополнительных сведений о другом участнике [Настасье Филипповне], известность (красота) которого не уступает известности (красоте) [Аглаи]); – Да... как же это? – удивился до столбняка и **чуть не** выпучил глаза чиновник, у которого все лицо тотчас же стало складываться во что-то благоговейное и подобострастное, даже испуганное [с. 34] (в данном случае важна информация о говорящем; частица служит выразителем внутреннего состояния чиновника, который настроен «благоговейно», «чинопочтительно», «чинопреклоненно» по отношению к тому, о ком упоминают); «Ганя так обрадовался, что **почти** примирительно, **почти** нежно смотрел на мать» [с. 126] (подчеркивается степень проявления эмоционального состояния).

Для частиц данной группы характерно употребление в ряду однородных членов, экспликация разного рода логико-смысловых отношений (сопоставления, противопоставления, отрицания, ограничения и др.): Например: «<...> Бурдовский разбудил меня в седьмом часу на дежурство, **почти** даже в шесть <...> [с. 465]; В таком уж он (князь) был настроении и **даже** **чуть ли не** ощущал в эту минуту к кому-то и за что-то самой горячей и чувствительной благодарности, – может быть, даже к Ивану Петровичу, а **чуть ли не** ко

всем гостям вообще [с. 563]; Все три девицы Епанчины были барышни здоровые, цветущие, рослые, с удивительными плечами, с мощною грудью, с сильными, **почти** как у мужчины, руками <...>» [с. 62] (воспринимается как прототипное, нечто не совсем соответствующее: **барышням** – здоровые, цветущие, рослые, с удивительными плечами, мощной грудью... не приученные к тяжелому труду – да; **небарышням** – сильные, как у мужчины, руки, поскольку приходится много работать – нет); – Да-с, памятна мне и княгиня! Молодость! Из-за нее мы с князем, **друзья с детства**, **чуть не** стали взаимными **убийцами** [с. 122] (воспринимается как аномалия: друзья с детства – и чуть не стали врагами); – Надули Фердыщенко! <...> – А вам кто велел дела не понимать? Вот и учитесь у умных людей! – отрезала ему **чуть не** торжествующая (так могло показаться – «кажимость») Дарья Алексеевна... [с. 181]; Оказалось, что особенные сведения о Рогожине мог сообщить Птицын, который бился с ним по его делам **чуть не** до девяти часов вечера [с. 152]; Тот изумился, начал было говорить; но вдруг оказалось, **почти** с первого слова, что надобно изменить слог, диапазон голоса... [с. 67] – **ограничение**; Аглая Ивановна **почти** так же хороша, как Настасья Филипповна [с. 114]; Генерал Епанчин беспокоился про себя **чуть не** пуще всех [с. 164] – **сопоставление**; – Гм! Хе! В Петербурге-то прежде жилали? <...> – В Петербурге? **Совсем почти нет...** [с. 46] – **отрицание** и др.

Так же, как и для лексемы *даже*, можно сформулировать важнейшие типы значений исследуемых слов в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: 1) акцентирование актуальных логико-смысловых отношений; 2) усиление (привнесение дополнительных оттенков смысла, подчеркивание коммуникативно значимых элементов речи); 3) оценка; 4) нарушения состояния субъекта, обусловленные: а) неожиданностью; б) нетипичностью; в) неуправляемостью; г) внезапностью «выходов» из глубин; 5) несовпадения с: а) общепринятыми канонами (нормами, взглядами, оценками и т. д.); б) типичными чертами (людей, предметов, событий и т. д.).

Участвуя в реализации акцентирующей функции, частицы, выражающие неполное проявление признака, играют важную роль в выражении скрытых (субъективных) и явных (объективных) смыслов, способствуют актуализации коммуникативных намерений автора.

Частицы *как-то, что-то, какой-то, какой-нибудь, эдакий* и др.

В романе «Идиот» обращают на себя внимание «классификаторы неопределенности» *как-то, что-то, какой-то, какой-нибудь* и др., исключительно широко привлекаемые Ф. М. Достоевским для реализации акцентирующей функции (указания, уточнения, выделения и т. п.), решения творческого замысла, коммуникативной целеустановки. Их семантическая специфика обусловлена в первую очередь принадлежностью к классу местоименных слов, которые предназначены для того, чтобы указывать на отношения говорящего к тому, о чем он говорит (актуализировать смыслы: оценочные, эмоциональные, экспрессивные, положительные, отрицательные и др.).

Обобщая данные словарей [см.: СОШ, 1999; БТСРЯ, 2001; СО, 2006 и др.], можно выделить несколько типов употребления местоименного слова *какой-то*: а) употребляется при затруднении точно определить качество, свойство чего-либо; означает: неизвестно, неясно какой: «*К чаю подали деревенские замороженные сливки, которые каким-то способом унесут оттаивать*» (Салтыков-Щедрин); б) обозначает неопределенность предположений о качестве или свойстве чего-либо: – *Какой-то вечер сегодня будет?* (разг.); *А что-то теперь старичок-генерал жив ли еще* [с. 26]; в) приближающийся к какому-либо количеству, не превышающий какое-либо количество: «*В какие-то две-три минуты узкая улица была запружена молчавшими от волнения людьми*» (Первенцев); г) употребляется при примерном приравнивании к свойствам, качествам чего-либо: – *Это не дождь, а ливень какой-то* (разг.); д) употребляется при назывании каких-либо свойств предмета, лица, вызывающих удивление, недоумение, досаду говорящего: – *Один – кровопиец, другой – блаженный какой-то* (Салтыков-Щедрин).

Все отмеченные употребления этого слова представлены как местоименные. Однако в употреблениях в, г, д содержится та или иная степень оценки, позволяющая рассматривать их как партикульные, поскольку в этих типах употребления нет обязательной для местоимения указательной функции.

Неместоименная семантика слова *какой-то* была отмечена многими исследователями, указавшими на эмоциональную оценку признака или объекта этого слова [Николаева, 1985; Смирнов, 1985; Ермакова, 1986; Кручинина, 1988; Шведова, Белоусова, 1995; Стародумова, 2002; Бирюкова, 2007 и др.].

Оценочное значение содержится и в других лексемах: *какой-нибудь* (выражение отрицательной оценки объекта, пренебрежение, указание на незначительность и приблизительность количества); *как-то* (выражение значения неопределенности, неясности признака); *такой* (служит для привлечения внимания к выделяемому объекту); *что-то* (выражает неуверенность, сомнение, необъясненность); *эдакий* и *этакий* (средство введения особой, необычной характеристики) и др.

Переход слов местоименной семантики в частицы, по мнению Н. А. Прокуровской, связан, с одной стороны, с абстрактностью их лексического значения, в результате чего они быстро опустошаются в процессе частого употребления, с другой стороны – особенностью устной речи и прежде всего интонацией, которая подчиняет их себе, превращает в свою лексическую опору, способствует приобретению ими новых функций – модальных, эмоциональных, субъективно-оценочных в различных комбинациях [Прокуровская, 1983, с. 156].

Рассмотрим употребление местоименных частиц, участвующих в реализации акцентирующей функции, в романе Ф. М. Достоевского «Идиот».

1. Местоименные частицы в сочетании с существительными:

а) говорящий употребляет местоименные частицы с абстрактными существительными, значения которых предопределяют функционирование данных частиц в качестве средства субъективной оценки. Например: – *У нас, видите ли, здесь теперь все секреты. Все секреты! Так требуется, этикет какой-то, глупо* [с. 108]; – *Сама знаю, что не такая, и с фокусами, да с какими? <...> Пусть это какие-то фокусы, но она все-таки смеялась же над тобой!* [с. 148]; *Таким образом, я исповедь приготовил, так сказать, как бы какой-нибудь «фенезерф под слезами», с тем, чтобы этими же слезами дорогу <...>* [с. 335] (в этих случаях можно отметить смысловую близость с предложениями, включающими сравнительные частицы *вроде, просто, будто бы, как бы* и др. Ср.: ... этикет *какой-то* – этикет *просто*; ... *какие-то* фокусы – *будто бы* фокусы; ... *какой-нибудь* «фенезерф...» – *вроде* «фенезерф»); – *Лизавета Прокофьевна становилась с каждым годом все капризнее и нетерпеливее, стала даже какая-то чудака* – (как бы *чудака*)... [с. 62];

б) предложения, в которых местоименные слова *какой-то, какой-нибудь* сочетаются с существительным, обозначающим

отрезок времени, расстояния и т. п., и с сочетанием таких существительных с количественным числительным. Например: «*Какой-нибудь из “несчастных”, убивший каких-нибудь двенадцать душ, заколовший шесть штук детей, единственно для своего удовольствия*» [с. 136]; – *Разве только тысчоночка какая-нибудь поиспортилась, а остальные все целы*» [с. 201] («...эти предложения можно сравнить с предложениями, включающими выделительно-ограничительные частицы *всего-навсего, лишь, только*» [Смирнов, 1985, с. 91]. Например: ... *убивший всего-навсего двенадцать душ; ...тысчоночка лишь поиспортилась*);

в) предложения, в которых местоименные частицы сочетаются с именем собственным: «<...> *не в статейке какой-нибудь журнальной заявляют о себе, а уж прямо на деле-с; не о бессмысленности, например, какого-нибудь там Пушкина дело идет* <...>» [с. 282–283]; – <...> *И кого же взялся защищать <...> Зайдлера какого-то, жида <...>*» [с. 218];

г) предложения, в которых местоименное слово употреблено с существительным для сравнения предмета, известного говорящему, с чем-либо, также допускают аналогичное сравнение, например: «*Это, собственно, некоторое последствие нигилизма, но не прямым путем, а понаслышке и косвенно, и не в статейке какой-нибудь журнальной заявляют о себе, а уж прямо на деле-с; не о бессмысленности, например, какого-нибудь там Пушкина дело идет, и не насчет, например, необходимости распада на части России; нет-с, а теперь уже считается прямо за право <...>*» [с. 282–283] (ср.: ...и не в статейке просто <...> а уж прямо <...>; ... не о бессмысленности, например, *будто бы там Пушкина...*);

д) предложения, в которых местоименные частицы употребляются с существительными – оценочными словами: «<...> или князь так *какой-нибудь потаскун* и искренно пришел на бедность просить, или князь *просто дурачок* и амбиции не имеет <...>» [с. 44]; *Прежде всего уж то, что этот князишка – большой идиот, второе – дурак, ни света не знает, ни места в свете не имеет, кому его покажешь, куда приткнешь? Демократ какой-то неопозволительный, даже и чинишка-то нет...* [с. 528]; – *Ну, дурак, какой-нибудь и он, и его подвиги!*» [с. 275].

2. Местоименные частицы в различных сочетаниях прилагательных (причастий) с существительными (абстрактными; в оценочных высказываниях; для сравнения предмета, известного говорящему, с чем-либо, выражения контраста и др.):

Например: – *Не знаю, как вам сказать <...> только мне показалось, что в нем много страсти, и даже какой-то большой страсти* [с. 57] (слово *какой-то*, формально подчиненное существительному, определяет в смысловом отношении прилагательное *больной*, осложняя его семантику отношением некоторой неопределенности со стороны говорящего. Лишив существительное определения *какой-то*, мы тем самым лишаем и прилагательное смыслового выделения (действия акцентирующей функции) и семантической осложненности. Изъятие же прилагательного *больной* изменяет «ориентацию» слова *какой-то* и смысл всего предложения; ср.: ...*в нем много страсти и даже какой-то страсти* – неопределенность; ... *в нем страсти и даже какой-то большой страсти* – оценочность); – *Ну да; не нравится мне этот ваш Фердыщенко: сальный шут какой-то* [с. 60]; *Демократ какой-то непозволительный*, даже и чинишка-то нет... [с. 528]; *Живет она где-то в какой-то Матросской улице, в небольшом, неуклюжем домике, у Дарьи Алексеевны, а экипаж ее чуть не первый в Павловске* [с. 331].

В предложениях подобного типа местоименные частицы указывают на отношения говорящего к признаку (например, говорящий обнаруживает неясность состояния, в котором находится его герой, или говорящий не может объяснить те или иные факты действительности, где он выступает как сторонний наблюдатель, или говорящий намекает на отрицательное отношение к объекту оценки и др.). Употребление данных лексем говорит о желании выделить (акцентирующая функция) и оценить (аксиологическая функция) этот признак.

Местоименное слово *эдакий (этакий)* употребляется в оценочном значении, являясь средством введения особенной, необычной характеристики (часто метафорической): – *Этакая сила!* – вскричала вдруг Аглая, жадно всматриваясь в портрет из-за плеча сестры [с. 107]; – *Такая красота – сила <...> с такою красотой можно мир перевернуть!* [с. 108]; – *А ты и впрямь думала <...> эдакого-то младенца сгубить? Да это Афанасию Ивановичу в ту пору; это он младенца любил!* [с. 196] (говорящий намекает на сходство объекта оценки с другим объектом; причем сходство подается как неожиданное и с оттенком иронии); – *Это ведь страсть-с; этакие известия – признак очень дурной-с; этаких гостеприимцев и принимать даже у себя страшно, я и подумал: не слишком ли для нас с вами будет эдакой гостеприимен?* [с. 265]; *Этакие насмешки на нас, на Епанчиных!* [с. 354].

К языковым средствам, используемым автором романа «Идиот» для создания эффекта неопределенности, выражения отношения к объекту оценки, следует отнести и местоименные частицы *как-то*, *что-то*, частота употребления которых у Достоевского существенно превышает их частотность для среднего художественного текста. Например: «Он был **как-то** рассеян <...> становился **как-то** странен <...> [с. 33]; Только улыбка его <...> была **что-то** уж слишком тонка; зубы представлялись при этом **что-то** уж слишком жемчужно-ровно; взгляд <...> был **что-то** уж слишком пристален и испытующ [с. 48]; С тех пор он **как-то** особенно полюбил эту глухую степную свою деревенку, заезжал каждое лето...» [с. 66].

Проявление неопределенности является кардинальным свойством идиостиля писателя, постоянно требующим своего выражения, участия в этом акцентирующей функции. Для реализации этой внутренней потребности Ф. М. Достоевский, используя стандартные показатели неопределенности, «идет на недоговоренность, неоткровенность автора с читателем, оставляя того в неведении, на что был сделан намек» [Караулов, 1997, с. 246].

Неопределенность обозначений, выражающаяся в непрестанном употреблении местоименных слов (*как-то*, *что-то*, *какой-то*, *какой-нибудь* и др.), создает атмосферу таинственных полунамеков, неясного ожидания, неопределенного состояния, трудно уловимую и трудно определимую. Например (авторское обращение к читателю, описание портрета, одежды и др.): «Компания Рогожина была почти в том же самом составе, как и давеча утром; прибавился только **какой-то** беспутный старикашка, в свое время бывший редактором **какой-то** забулдыжной обличительной газетки... [с. 185] (на значение неопределенности накладывается оценочное – пренебрежение, уничижение, ирония); Это был еще довольно молодой человек, лет под тридцать, скромно, но изящно одетый, с приятными, но **как-то** слишком уж солидными манерами (несовпадение с типичными чертами: молодой – солидные манеры) [с. 117]; <...> по многим признакам стало заметно в семье, что она **как-то** особенно возбуждена, даже взволнована. Стала **как-то** странно заговаривать с дочерьми и все о таких необыкновенных предметах... (нарушение состояния, связанное с нетипичностью действий, поступков) [с. 207]; Рассказывалось, правда, о **каком-то** князьке и дурачке <...>, получившем вдруг огромное наследство...» (говоря-

щий намекает на отрицательное отношение к объекту оценки; нарушение состояния, связанное с неожиданностью полученных результатов, резким нарушением предыдущего состояния) [с. 205]. С помощью местоименных частиц Ф. М. Достоевский пытается решить важные задачи: раскрыть определенный подход к уже известному объекту описания, сконструировать новое представление о нем, осуществить критический анализ или обзор полученных знаний в целях его осмысления, интерпретации и оценки. Корректирующую, уточняющую, оценивающую, активизирующую функции выполняют данные лексемы.

Осознавая необходимость выразить мысли не столько для себя, сколько для читателя, убедить его в правомерности излагаемого, сделать единомышленником, Достоевский вместе с тем не берет на себя функцию «всевидающего ока», не «давит своим авторитетом». Он предлагает читателю самому заполнить «невозделанные участки». Такая тональность как раз и достигается использованием специальных средств (оценочной лексики, модально-оценочных конструкций разных типов, частиц, слов-интенсивов и др.), сигнализирующих о том, что признаковое слово (или сочетание слов) употреблено в каком-то особом, пока еще трудно уловимом смысле и эта «особенность» многозначительна, открыта.

Частица *вот*

Основное значение частицы *вот*, участвующей в реализации акцентирующей функции, неизменно квалифицируется как указательное (указание на находящееся в непосредственной близости, происходящее перед глазами (или как бы перед глазами); указание на предмет, событие, ситуацию, существующие в данном месте в данное время). Например: – Да **вот** они, – отвечала отворившая дверь кухарка <...> [с. 216]; – Ну **вот**, погляди на нее, Иван Федорыч, **вот** она вся теперь! – сказала Лизавета Прокофьевна [с. 537]; – **Вот**, дескать, видите эту голову, так **вот** этою собственно своею головой я за него поручусь, и не только голову, но даже в огонь. **Вот** как я, говорю, за тебя ручаться готов! [с. 472].

Разнообразные употребления частицы *вот* объединяются чисто прагматической особенностью – привлечение внимания адресата к какому-либо предмету, ситуации, оценке. Употребляя частицу *вот*, субъект речи как бы сигнализирует: «обратите внимание, это важно» [Стародумова, 2002, с. 123]. Например: «А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а **вот** что **вот** знаешь наверно, что **вот** через час

<...> **вот** сейчас – душа из тела вылетит, и что человеком уж больше не будешь <...> [с. 47] (частица указывает на происходящее (как бы) перед глазами); *Крест и голова – вот картина, лицо священника, палача* <...> **Вот** какая картина (уточнение – подчеркнутая квалификация актуализации, экспликация разного рода логико-смысловых отношений, выражающих исчерпывающе, подчеркнуто) [с. 93]; – **Вот** кто была причиной смерти этой почтенной женщины <...> **вот** она <...> отмечена перстом Божиим; **вот** она босая и в лохмотьях, – пример тем, которые теряют добродетель (усиление значения последующего слова, выражения в целом) [с. 97]; – **Вот** меня считают за идиота, а я все-таки умный, а они не догадываются... (акцентирование сопоставления) [с. 102]; – *Я действительно хотела рассказать свой анекдот, ну, вот и рассказала; не хорош разве?* (указывает на неожиданный результат; оттенок разочарования, горечи) [с. 182]; – <...> *видишь ты вот этого букетника, вот этого monsieur аих satelias, вот он сидит да смеется на нас...* (выделение последующего слова (выражения)) [с. 190]; – *Доложить я обязан, и к вам выйдет секретарь, кроме если вы...* **Вот то-то вот и есть, что кроме...** (для усиления подтверждения слов; оттенок иронический) [с. 43]; – *А почерк превосходный. Вот в этом у меня, пожалуй, и талант...* (активизация оценки упомянутого ранее факта) [с. 53]; – *Отыскиваю бумажник теперь же, сейчас же, а не завтра; вот, вынимаю его в ваших глазах; вот он; вот и деньги все налицо; вот, возьмите...*» (указание на последовательную смену действий, событий) [с. 513].

В тексте романа широко употребительны составные частицы с компонентом *вот*. Например: – *Да вот не знаю, каким образом и генеральша Епанчина очутилась тоже из княжон Мышкиных, тоже последняя в своем роде...* [с. 33]; – *Да вот сидел бы там, так вам бы всего и не объяснил...* [с. 45]; – *Да вот он и сам!* [с. 78]; – *А вот как-то ты теперь Семену Парфенычу отчет отдавать будешь?* [с. 37]; – *А вот и приехали!* [с. 38]; – *Ну вот, я вам говорю, верьте не верьте...* [с. 46] (обязательные сопутствующие элементы утрачивают в составе комплекса свои исконные функции (*а* – усилительная, побудительная частица; *да* – утвердительная частица) и употребляются для выделения, подчеркивания ядра, на которое падает основное ударение.

Местоположение обязательного сопутствующего элемента в структуре комплекса может быть как препозитивным, так

и постпозитивным: *и вот, а вот, да вот, но вот, ну вот, уж вот* и др. – *вот и, вот бы, вот уж, вот еще* и др. Например: – *И вот, ей-богу, же, генерал* <...> *так я и думал, что у нас непременно именно это и выйдет, как теперь вышло* [с. 50]; – **Вот** и проэкзаменовали! [с. 103]; – *А вот мы увидим!* [с. 115]; – *Да вот и отворяют* [с. 156]; – **Вот** еще нашелся! [с. 191].

Эти же частицы «могут соединять части сложного предложения и выступать как “союзные частицы” (“*Это я только, говорит, предуготовляю тебя, а вот я с тобой еще на ночь попрощаться зайду*” [с. 38]), которые способны выполнять роль дейктических слов-жестов, а также являться актуализаторами ремы, реализуя таким путем свое дейктическое значение. Рема, вводимая составными частицами с компонентом *вот*, эквивалентна такому высказыванию, которое обладает характеризующим значением и соотносится с ситуацией» [Лютц, 1992, с. 11].

Семантика составных частиц с компонентом *вот* во многом обусловлена значением самой частицы *вот*, являющейся ядром. В семантике этой частицы переплетаются и взаимодействуют разнообразные элементы значения, связанные с синтаксической семантикой предложения. Значения, закрепленные за частицей *вот* в разных ситуациях, весьма разнообразны (указание, уточнение, ограничение, усиление, экспрессивные оттенки).

По словам И. В. Лютц, составные частицы (*вот хоть, вот только, вот только что, а вот только* и др.) подчеркивают ограничительность, исключительность, обособленность, внося при этом оттенок субъективной модальности (*вот* – сопутствующий компонент): «*При этом, может быть, даже и усмехнется, – и вот и только всего-то* [с. 429]; – **Вот только** думаю немного, что я вам помешал, и это меня беспокоит» [с. 51]. «Результирующие или подтверждающие значения передают составные частицы *вот то-то, вот то-то и, вот так-то* и др.» [Лютц, 1992, с. 14]. Например: – <...> *Доложить я обязан, и к вам выйдет секретарь, кроме если вы...* **Вот то-то вот и есть, что кроме...** [с. 43]; – **Вот так-то лучше!** [с. 443]; – *Ну что же, что же ты с нами-то делаешь, жестокая ты девочка после того, вот что!* [с. 337].

Важнейшими типами значений слова *вот* в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» являются: 1) **усиление**: а) **собственно усиление**: «*Это вот его кабинет и был* [с. 232]; **Вот,**

должно быть, и дом» [с. 225]; б) усиление уточнения: – **Вот** эти все здесь картины <...> дрянь, говорит, а **вот** эта – **вот** картина, над дверью, тоже за два целковых купленная, не дрянь [с. 241–242]; – Я **вот** уже третий день здесь лежу, и чего наглаголся! <...> представьте себе, что он **вот** этого ангела, **вот** эту девушку <...> подозревает, у ней каждую ночь милых друзей ищет! [с. 221]; 2) нарушения состояния субъекта, связанные с: а) нестандартностью, нетипичностью действий, поступков и др.: – И **вот**, видишь, до чего ты теперь дошел! <...> Значит, все-таки не пропил своих благородных чувств, когда так подействовало! А жену измучил [с. 271]; б) резким нарушением предыдущего состояния: – Так где же он теперь-то? – Да здесь <...> очутился вдруг здесь, в поле собственного моего сюртука. **Вот**, извольте сами посмотреть, оцупайте-с [с. 512]; Он прежде так не лгал, уверяю вас; прежде он был только слишком восторженный человек, и – **вот** во что это разрешилось! [с. 151]; <...> Аглая держала себя везде так прекрасно, так ровно, так умно <...> так приветлива была целый месяц к матери <...> И **вот**... И **вот** только что показался этот скверный князишка <...> все в доме вверх дном пошло! [с. 354]; – Надули Фердыщенко! **Вот** так надули! Нет, **вот** это уж так надули! [с. 181]; в) неожиданностью полученных результатов: – А **вот** что, батюшка <...> мы **вот** все заметили, сидим здесь и хвалимся пред ним, а **вот** он сегодня письмо получил от одного из них <...> Он прощения в письме у него просит, хоть и по своему манеру... [с. 362]; г) нарушенными ожиданиями: – Так... **вот** вы как, однако, странно, – проговорил он, – и вправду, вы серьезно отвечали мне князь? [с. 360]; – Заруби же. Я тебя как провидение ждала <...> **Но вот** зачем я с таким нетерпением ждала тебя: я все еще верю, что сам бог тебя мне как друга и как родного брата прислал... [с. 343]; 3) несовпадения с: а) типичными чертами (людей, предметов, событий и т. п.): «Там был один больной <...> по-моему, он был не помешанный, он только ужасно страдал, – **вот** и вся его болезнь была [с. 95]; Я захожу и думаю: “**Вот** меня считают за идиота, а я все-таки умный, а они не догадываются...” [с. 102]; – Мне ваша сестра очень понравилась. – Как она в рожу-то Ганьке плюнула. Смелая Варька! <...> Да **вот** она и сама, легка на помине <...> – А тебе тут нечего <...> ступай к отцу. Надо-едает он вам, князь? – Совсем нет, напротив. – Ну, старшая, пошла! **Вот** это-то в ней и скверно» [с. 147]; б) обще-

принятыми нормами: – **Вот** появляется пьяный и на ногах не стоит... [с. 159]; – Это для тебя отступиться-то? <...> Князь-то замуж берет, а ты безобразничать явился! – И я беру! Сейчас беру, сию минуту! Все отдам... <...> Слышишь, князь <...> **вот** как твою невесту мужик торгует [с. 195]; – <...> **Вот** так-то вы все: или с бесчестными, или с честными женщинами знаться – один выбор! [с. 197].

Между отмеченными типами значений (которые этим не ограничиваются) наблюдаются регулярные коммуникативные связи, свидетельствующие об их синкретизме.

В реализации акцентирующей функции участвуют и другие частицы (*ведь*, *-то*, *же* и др.), которые «служат для выделения тех или иных слов и словесных единств, особо значимых» в данном контексте. Так, «характерным для частицы *ведь* является употребление ее в паре с усилительной постпозитивной частицей *же*. Эти неударяемые взаимодействующие частицы “окружают” обычно предмет, который непременно при этом акцентируется, на него падает ударение, а фразы <...> содержат настойчивое утверждение чего-либо, убедительное обоснование, подкрепление какой-либо мысли или факта» [Иванчикова, 1979, с. 188–189]. Например: – Я *ведь* знаю же, господа, что меня многие считают идиотом, и Чебаров <...> думал очень легко меня обмануть <...> [с. 300]; – И где у вас сердце было тогда <...>! *Ведь* вы видели же ее лицо в ту минуту <...> [с. 605]; – Но *ведь* должны же вы были понять, до какой степени серьезно и сильно та девушка... к вам относилась [с. 603].

Частице *-то*, как известно, свойственна большая степень подвижности и свободы своего функционирования. При этом она может «акцентировать любое слово (и даже предлог, ср.: «А какие муки у вас на том свете, *кроме-то* квадриллиона? <...> ») [Иванчикова, 1979, с. 190]. Например: «А что, не занят ли у него в конце концов, после исповеди-то денег? [с. 306]; – Что такое, генерал? <...> Да полно форсить-то! Что я в театре-то французском <...> после пяти-то лет невинности <...> Да неужто ты меня в свою семью ввести хотел? Меня-то, рогожинскую! Князь-то что сказал давеча? <...> Да по всему-то в придачу, кроме позора-то, ненавистную жену ввести в дом! [с. 188–189] И где у вас сердце было тогда, ваше “христианское”-то сердце!» [с. 605].

Таким образом, в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» частицы, выполняя конкретные («тактические») задачи (уточ-

нить, активизировать, выделить, ограничить и др.), вместе с тем реализуют глобальную («стратегическую») интенцию автора – выразительно представить разнообразные стилистические возможности выражения определенного стилистического задания и тем самым достичь взаимопонимания с читателем, коммуникативного успеха.

3.3. Экспрессивная функция частиц

3.3.1. Соотношение экспрессивного и эмоционального

Вопрос, связанный с понятием экспрессии, достаточно сложный, поскольку выходит за рамки аффективного фактора в языке, при котором выявляются существенные проблемы с определением его составляющих. С одной стороны, аффективное трактуется как выражение отношения говорящего, следовательно (учитывая первоначальное значение слова «экспрессия» как «выражение»), аффективное приравнивается к экспрессивному [Балли, 1955]. С другой стороны, встречается понимание экспрессивного как эмоционального (ср.: «Так называемая **эмотивная**, или **экспрессивная**, функция... имеет своей целью прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит» [Якобсон, 1975, с. 198]). «Поскольку аффективное часто приравнивают к эмоциональному, образуется ряд сложно соотнесенных между собой понятий, таких, как: аффективное, экспрессивное, эмоциональное, оценочное, образное, стилистически окрашенное и т. п., поэтому внести ясность в этот вопрос очень сложно» [Харченко, 1976, с. 18]. А если принять во внимание тот факт, что «на синтаксическом уровне к экспрессивным относят и модальные значения (ведь и экспрессию, и модальность часто определяют как выражение отношения говорящего к высказываемой информации), то проблема определения термина «экспрессивный» становится почти неразрешимой» [Акимова, 1990, с. 82].

Разграничение экспрессивного и эмоционального (так как именно эти аспекты чаще всего воспринимаются нерасчлененно) было проведено Е. М. Галкиной-Федорук, которая отметила, что одно возможно без другого: «...выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессия в языке не всегда

эмоциональна» [Галкина-Федорук, 1958, с. 121]. Отсюда следует, что понятие экспрессивного шире понятия эмоционального. Вместе с тем многие ученые оценивают отношения эмоционального и экспрессивного как независимые [см.: Гаспилене, 1972; Шаховский, 1975; Харченко, 1976; Сквородников, 1981; Скребнев, 1985; Девкин, 1986 и др.]: «Эмоциональное значение связывается с нерасчлененной чувственной реакцией, в то время как экспрессивное связывается с вещественным значением; это усилительные оттенки, наслаивающиеся на основные» [Шаховский, 1975, с. 10]. Определяя сущность экспрессии, обычно отмечают ее воздействующую (волеятативную) функцию: «...в аффективном факторе различаются две цели: выражение субъективного мира говорящего (чувства, настроения и др.) и использование языковых средств для воздействия на адресата» [Балли, 1955, с. 64].

Самым существенным в различении эмоционального и экспрессивного представляется, с одной стороны, непроизвольность, непреднамеренность эмоций, так как она связана с чувствами, и, с другой стороны, заданность экспрессии как средства воздействия, когда говорящий (пишущий) осознает преднамеренность использования определенных языковых средств (что предполагает наличие этих средств в языке в готовом виде). Отсюда **экспрессивность** – это свойство языковых единиц, независимое от сферы их употребления (что весьма спорно, и соотношение стилистической окрашенности и экспрессии понимается либо не равнозначно, либо почти идентично).

Разграничение эмоционального и экспрессивного на синтаксическом уровне также задача не из легких, поскольку чисто **эмоциональное** выражение (если понимать под эмоциональностью выражение чувств и настроений), присутствует прежде всего в устной форме языка (как менее контролируемой говорящим), а **экспрессивное** связывается преимущественно с письменной формой языка (вторичной, находящейся под большим воздействием устной), поскольку синтаксических средств для преднамеренного воздействия на слушающего в устной речи меньше, чем в письменной. В художественном тексте «формы устной речи (которые вливаются в письменную речь и сами включают в себя ее элементы) резко преобразуются» [Полищук, Сиротинина, 1979, с. 17], поэтому «элементы экспрессии следует искать в тех формах письменной речи, которые могут иметь установку на преднамеренное воздействие» [Мукаржовский, 1975, с. 16].

В разработке вопроса синтаксической экспрессии выделяются два направления. Одно из них связано с именем В. В. Виноградова, который выдвинул понятие субъективно-экспрессивных форм синтаксиса как средств экспрессивной изобразительности, поскольку считал (противопоставляя субъектные формы объектным), что субъектные формы, содержащие экспрессивное начало, более всего представлены на уровне предложения, объектные же формы – на уровне синтагм, под которыми понимаются «простейшие синтаксические единицы, семантически и интонационно ограниченные и обладающие более или менее замкнутыми формами словосочетания» [Виноградов, 1980, с. 226]. Идеи Виноградова, «трактующего экспрессивное в синтаксисе как специальный прием письменной речи, положили начало оригинальному художественному приему, свойственному “новой” прозе и выраженному на формально-синтаксическом уровне» [Акимова, 1990, с. 86].

Второе направление связывает экспрессивное с понятием субъективной модальности, которая рассматривается многими современными исследователями как выражение отношения сообщаемого к действительности (объективная) или говорящего к сообщаемому (субъективная). Наиболее полно экспрессивно-модальные значения представлены Н. Ю. Шведовой, рассматривавшей синтаксические построения разговорного синтаксиса типа: **«Ехать так ехать»**; **«Что ему до меня»**; **«Вот так лужа!»** и др. [Шведова, 1960]. Подобные конструкции являются одной из форм создания субъективно-модальных значений, широкий круг которых, как отмечает Н. Ю. Шведова в «Русской грамматике», почти всегда экспрессивно окрашен [Русская грамматика, 1980. Т. 2].

Теория синтаксической экспрессии получила дальнейшее продолжение в работах отечественных лингвистов, где были поставлены общие вопросы экспрессивного синтаксиса (тогда и появился термин «экспрессивный синтаксис») и даны описания отдельных его проявлений [см.: Рогова, 1978; Ванников, 1979; Забурдяева, 1979; Романов, 1986 и др.]. Одной из ведущих является мысль о том, что специальные синтаксические конструкции, порожденные именно письменной речью, базируются на той синтаксической основе, которую можно назвать синтаксической расчлененностью – некоторое отступление от принципов синтагматической прозы, связанное с разрывом синтаксических связей как в словосочетании, так и в предложении (широко), специальное дробление одного предложения

на два и более высказывания (узко) [Акимова, 1990, с. 87]. Экспрессивность на синтаксическом уровне рассматривается в соответствии с так называемыми фразеосхемами [Шмелев, 1976; Русская грамматика, 1980] и многими типами регулярных реализаций основных структур [Шведова, 1960].

А. Ф. Прияткина отмечает, что «существует понятие и об особой сфере “экспрессивного синтаксиса”, к которому относятся различные приемы построения текста – речевые преобразования языковых структур: сегментация, парцелляция, эллипсис. Именно этого типа синтаксические явления (иногда они интерпретируются в терминах процесса как “новый” синтаксис и рассматриваются в аспекте развития языка [Иванчикова, 1966; Мигирин, 1971]) объединяют в понятие “экспрессивные конструкции” авторы многих работ [Сквородников, 1981; Акимова, 1982 и др.], посвященных речевому синтаксису, функциональной стилистике, грамматике текста, а также анализу живых тенденций в синтаксической системе русского литературного языка» [Прияткина, 2007, с. 302]. Несмотря на широкое употребление, понятие экспрессивной конструкции еще не выработано и не имеет общепринятого определения.

Экспрессивные конструкции образуют открытый ряд, включающий такие явления, как: парцелляция, сегментация, повторы, вопросно-ответные конструкции в монологической речи, вставные конструкции, особые случаи словорасположения, эллипсис, антиэллипсис, усечение (недовороченность) и др.: – *<...> а случись пожар, так, пожалуй, и первейший джентльмен и первейшая дама выпрыгнет из окошка* [с. 586] (употребление форм условно-гипотетического наклонения, конструирующих экспрессивную фразу); – *Но я к тому, что покойный Николай Андреевич Павлицев был такой превосходный человек!* [с. 562] (эллиптическое построение); *«Помню: грусть во мне была нестерпимая; мне даже хотелось плакать; я все удивлялся и беспокоился: ужасно на меня подействовало, что все это чужое; это я понял. Чужое меня убивало* (рассказчик в процессе говорения «вдогонку» к уже сказанному добавляет что-то новое, как бы только что пришедшее ему на ум) [с. 81]; *Поступив к Епанчину, он <...> сказал себе: “Коли подличать, так уж подличать до конца, лишь бы выиграть”, и – почти никогда не подличал до конца* [с. 487]; *<...> “внезапная идея” его вдруг подтвердилась и оправдалась, и – он опять верил своему демону»* [с. 256]

(сегментированные конструкции служат «для актуализации различных объектов – описания, повествования, обобщения, оценки, мыслительной, мнемонической деятельности, ощущения, «узнавания», «выяснения», создания стилистически значимых экспрессивных конструкций письменного литературного языка» [Иванчикова, 1979, с. 77–78]; *Я бух ему в ноги!* [с. 186]; – *Да, ты и это говорил!* [с. 594]; *Он (социализм) тоже, как и брат его атеизм, вышел из отчаяния, в противоположность католичество в смысле нравственном, чтобы заменить собой потерянную нравственную власть религии, чтобы утолить жажду духовную возжаждавшего человечества и спасти его не Христом, а тоже насилием! Это тоже свобода чрез насилие, это тоже объединение чрез меч и кровь! <...> Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали!*» [с. 566] (фразы с интонационно-выраженным восклицанием, сопровождающие экспрессивно-исповедальное повествование).

При помощи экспрессивных конструкций, которые словно разрывают предложение и выходят в текст: а) передается высокая степень интенсивности чувств героя; б) сопровождается его исповедальное повествование; в) достигается особая форма передачи информации (экономная, яркая и т. п.); г) повышаются коммуникативные и функциональные возможности всей конструкции; д) усиливается авторское начало; е) обогащается синтаксическая система в целом, так как в нее входят новые структуры; ж) распространяется экспрессия как бы на весь микротекст и др.

3.3.2. Экспрессивность частиц

«Иллюзия» экспрессивности высказываний «создается, прежде всего, такими лежащими «на поверхности» средствами, как частицы, вмещающиеся в разные участки текста» [Иванчикова, 1979, с. 71]. Многие из этих участков текста «обязаны своей экспрессивностью частицам <...> или интонации <...>» [Прияткина, 2007, с. 302].

Фразы, в которых экспрессивная функция (восклицательность) выражается частицами, междометиями, местоимениями и сочетанием этих элементов восклицательности: – *Из-за границы, что ль? – Да, из Швейцарии. – Фью! Эк ведь вас!* [с. 30]; *Вечная память покойнику, а чуть тогда меня до*

смерти не убил! Верите ли, князь, вот ей-богу! [с. 35]; – *Эво-на! Да мало ли Настасий Филипповн! И какая ты наглая, я тебе скажу, тварь! Ну, вот так и знал, что какая-нибудь вот такая тварь так тотчас же и повиснет!* [с. 36]; – *Я еще про себя подумал <...> она не захочет входить, – куды! <...> думал сначала на квартиру к учительше везти, – куды!* [с. 631]; *О, да, я виноват!* [с. 607]; – *Этого я не ожидала <...> вот он какой человек!* [с. 576]; – *Ах, как вы прекрасны можете быть, Аглая!* [с. 547]; – *А вот все-таки умирать!* [с. 542]; – *Еще бы сказал: «да!»* [с. 482]; – *Настасья Филипповна <...> что смотреть-то на них! И неужели ты с этим отправиться хочешь, хошь и за сто бы тысяч! Правда, сто тысяч – вишь ведь! А ты сто тысяч-то возьми, а его прогони, вот как с ними надо делать; эх, я бы на твоём месте их всех <...> что в самом-то деле!* [с. 189]; – *Каково! Нет, каков эгоизм с его-то стороны! Какова утонченность или, лучше сказать, какова в то же время воловья грубость их эгоизма, которого они все-таки никак не могут заметить в себе!* [с. 543].

Вопросительно-восклицательные фразы, выражающие возбужденность душевного состояния героя: – *Это меня-то бесстыжею называют!* [с. 143]; – *Да вечно, что ли, ты мне дорогу переступить будешь!* [с. 143]; *А вам и не стыдно! Разве вы такая, какую теперь представлялись. Да может ли это быть!* [с. 144]; – *И неужели ты с таким отправиться хочешь, хошь и за сто бы тысяч!* [с. 189]; – *Как какие надежды! <...> уж не думаете ли вы, что Аглая <...> этого быть не может!* [с. 398].

Текст романа богато и многообразно акцентируется, называется экспрессивно насыщенным благодаря обилию в нем различных по формам повторов и градационных сочетаний, включающих в себя повторяющиеся частицы. Например: «*Он был как-то рассеян, что-то очень рассеян, чуть ли не встревожен, даже становился как-то странен: иной раз слушал и не слушал, глядел и не глядел, смеялся и подчас сам не знал и не понимал, чему смеялся*» [с. 33]; – *Встречаются даже странные случаи <...> иной честный человек готов решиться даже на низкое дело; бывает даже и так, что иной не только честен, но даже и добр <...> содержит и питает <...> даже чужих, не только своих <...> не утешительна мысль <...> даже, напротив, она-то и раздражает его: “Вот, дескать, на что ухлопал я всю мою жизнь, вот что связало*

меня по рукам и по ногам, **вот** что помешало мне открыть порохи!» [с. 486]; – Но позвольте <...> я читала... **точно такую же историю! Но решительно точно такую же!** <...> **точно так же** была вырвана сигара, **точно так же** была выкинута в окно болонка, наконец, **точно так же** и кончилось <...> [с. 138]; – **Ведь так, Ганька подлец! Ведь уж взяла бы три тысячи! Вот они, вот!** [с. 141]; – **Вот это так королева!** <...> **вот это так по-нашему!** [с. 201]; Я как будто знал <...> **как будто предчувствовал** <...> не хотел я ехать сюда! [с. 240]; – А, впрочем, **какой** иногда тут, во всем этом, хаос, **какой** сумбур, **какое** безобразие! И **какой же**, однако, гадкий и вседозволенный прыщик этот давешний племянник Лебедева! <...> А **какое** симпатичное, **какое** милое лицо <...> **какое** невинное, **какое** почти детское выражение и **какой** почти детский смех! [с. 253]; <...> **только** не кривляйся <...> **только** не растеряй, снеси, **хоть** и без почтительности, но **только** с уговором <...> до порога **только** и допущу, а **принять** сегодня тебя не намерена. Дочь Веру присылай **хоть** сейчас <...>» [с. 281].

В качестве экспрессивно-смыслового выделения определенных речевых отрезков в рассказе героя, в его умозаключениях используются интонационная сегментация фразы (или ее части), а также ретардация (замедление, пауза, разрыв), вследствие чего возникает «кажимость» звучания живого голоса с его осмысленным и гибким интонационным рисунком. Например: – **Ни брат подлец, ни мать ни денег, ни уведомления – ничего не прислали!** <...> [с. 34]; <...> **ничего** не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль: **«Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, – какая бесконечность!»** [с. 88]; **Не знаешь ты ее характера; она <...> к студенту какому-нибудь умирать с голоду, на чердак, с удовольствием бы побежала, – вот ее мечта!** <...> **Уж одно то, что она семью из-за него перемутит, – вот что ей теперь любо** <...> [с. 493]; <...> **«коли подличать, так уж подличать до конца, лишь бы выиграть»**, и – **почти** никогда не подличал до конца... [с. 487]; – О, что вам стоит сказать это! В этом слове я испрашиваю **только** призрак вашего участия и сожаления ко мне, – и **только, только!** И **ничего** больше, **ничего!** [с. 111].

Выявленные приемы аффективного синтаксиса – восклицания, возгласы, повторы, градационные усиления, интонационная сегментация фразы, а также разнообразные комби-

нации этих приемов, в которых так или иначе задействованы частицы для реализации экспрессивной функции, – как бы наслаиваются на разговорную основу, формируя экспрессивно-разговорный монолитный фундамент. Ср.: «**Кто** почвы под собой не имеет, тот и бога не имеет». Это не мое выражение. Это выражение одного купца из старообрядцев, с которым я встретился, когда ездил. Он, правда, не так выразился, он сказал: “Кто от родной земли отказался, тот и от бога своего отказался”. **Ведь подумать только**, что у нас образованнейшие люди в хлыстовщину даже пускались... Да и чем, впрочем, в таком случае хлыстовщина хуже, чем нигилизм, иезуитизм, атеизм? **Даже**, может, и поглубже, еще! Но **вот** до чего доходила тоска! <...> Откройте жаждущим и воспаленным Колумбовым спутникам берег “Нового Света”, откройте русскому человеку русский “Свет”, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое от него в земле! Покажите ему в будущем обновление всего человеческого и воскресение его, может быть, одною **только** русскою мыслью, русским богом и Христом, и увидите, какой исполним могучий и правдивый, мудрый и кроткий вырастет пред изумленным миром, изумленным и испуганным, потому что они ждут от нас одного **лишь** меча, меча и насилия, потому что они представить себе нас не могут, судя по себе, без варварства. И это до сих пор, и это чем дальше, тем больше! И <...>» [с. 567–568] (стихия разговорности вторгается в «книжный» тип речи).

Психологические фрагменты текста романа у Достоевского экспрессивны, динамичны. «Неспокойный характер действий и поступков создается не столько собственно значениями слов, сколько экспрессивными по своим функциям и музыкальными во своему характеру построениями. В этих фрагментах текста (как правило, насыщенных частицами) передаются самые разнообразные психические движения и состояния, которые охватывают героя под влиянием происходящего вокруг него или под воздействием своих собственных воспоминаний, мыслей, воображения: страх, боязнь, испуг, ужас, злость, гнев, отвращение, удивление, укор и т. п.» [Иванчикова, 1979, с. 119]. Например: «**Но минуточку спустя он вдруг быстро и беспокойно стал озиаться кругом... Неужели он забыл о возможной встрече, когда отправлялись на вокзал? Правда, когда он шел в вокзал, то, кажется, и не знал совсем, что идет сюда, – в таком он был состоянии.**

Если бы он умел или мог быть внимательным, то он еще четверть часа назад мог бы заметить, что Аглая изредка и тоже как бы с беспокойством мельком оглядывается, тоже точно ищет чего-то кругом себя. Теперь, когда беспокойство его стало сильно заметно, возросло волнение и беспокойство Аглаи, и лишь только он оглядывался назад, почти тотчас же оглядывалась и она [с. 371]; “И как смели, как смели <...> написать про эту тварь, что она с Аглаей в сношениях? <...> Как смели подумать только об этом? Да я бы умерла со стыда, если бы поверила **хоть** капельку или Аглае это письмо показала! **Этакие** насмешки на нас, на Епанчиных! **Ах**, зачем не переехали на Елагин; я **ведь** говорила, что на Елагин! <...> во всем Иван Федорыч виноват! Это над ним эта тварь эту штуку выкинула <...> чтобы в дураки его выставить, **точно** так, как прежде <...> когда еще он ей жемчуги возил... А в конце концов **все-таки** мы замешаны, **все-таки** дочери ваши замешаны, Иван Федорыч <...> Не прощу же, не прощу же я этому князишке, никогда не прощу! И почему Аглая три дня в истерике, почему с сестрами **чуть** не перессорилась, **даже** с Александрой, у которой всегда целовала руки, как у матери – так уважала? <...> Почему <...> она письмо от князя **даже** сестрам не показала? И почему... зачем, зачем я к нему, как угорелая кошка, теперь прибежала и сама же его сюда притащила? Господи, с ума я сошла <...> про секреты дочери говорить, да еще... да еще про такие секреты, которые **чуть** не самого его касаются! Господи, хорошо еще, что он идиот и... и... друг дома! Господи, что я плету! <...> И почему она теперь его не шпигует? Обещала шпиговать и **вот** не шпигует! **Вон, вон**, во все глаза на него смотрит <...> сама же не велела ему приходить... <...> проклятый этот болтун Евгений Павлыч, всем разговором один завладел! **Ишь** разливается <...> **Я** бы сейчас про все узнала, **только** бы речь навести...” [с. 354–355].

С помощью частиц создаются «интонационные каскады» (спады и подъемы) – средства реализации экспрессивной функции. Например: «Чрезвычайное, неотразимое желание, **почти** соблазн, вдруг оцепенили всю его волю [с. 188]; Он был **как-то** рассеян; **что-то** очень рассеян, **чуть** ли не встревожен, **даже** становился **как-то** странен... [с. 33]; – И **какая** ты наглая, я тебе скажу, тварь! **Ну вот** так и знал, что **какая-нибудь** **вот** **этакая** тварь так тотчас же и повиснет! [с. 36]; – Ого! ...**да** **ведь** это пропись! **Да** и пропись-то

редкая! **Посмотри-ка**, Ганя, **каков** талант! [с. 58]; Лизавета Прокофьевна становилась с каждым годом все капризнее и нетерпеливее, стала **даже** **какая-то** чудачка <...> [с. 62]; – Совершенный ребенок, и **даже** такой жалкий; **припадки** у него **какие-то** болезненные; он сейчас из Швейцарии, **только** **что** из вагона, одет странно, **как-то** по-немецки, и **вдобавок** ни копейки, **буквально**; и **чуть** не плачет» [с. 77].

Такие экспрессивные фразы, обладающие разнообразным звучанием, порой занимают в тексте произведения целые абзацы, в которых вступают во взаимодействие с другими фразами, включающими ряды перечислений, повторов, обособление, нагромождение единиц и т. д., формируя новые ритмико-интонационные рисунки. Например: «Князь снял свой оловянный крест, Парфен свой золотой, и поменялись <...> прежняя горькая и **почти** насмешливая улыбка все еще **как** бы не оставляла лица его названного брата <...> Молча взял наконец Рогожин руку князя и некоторое время стоял, **как** бы не решаясь на что-то <...> [с. 246]; Он увидел **только** несчастного человека <...> Этот несчастный человек **даже** и не скрывался теперь <...> он стоял, **почти** не скрываясь. Скорей **даже** он, князь, скрывался, а не Рогожин <...> [с. 257]; **Ведь** он же сам хотел давеча взять его за руку <...> **Ведь** он сам же хотел завтра идти к нему и сказать, что он был у нее? **Ведь** отрекся же он сам от своего демона, идя еще туда <...> [с. 257]; – **Как** бы все ищет чего-то, **как** бы потеряла что-то. О предстоящем же браке **даже** мысль омерзела и за обидное принимает. О нем же самом как об апельсиновой корке помышляет <...> **даже** говорить запрещает, а видятся **разве** **только** **что** по необходимости <...> [с. 225]; **Как-то** тотчас и вдруг ему показалось, что все эти люди **как будто** так и родились <...> он сам **как будто** давно уже был их преданным другом <...> Обаяние изящных манер, простоты и кажущегося чистосердечия было **почти** волшебное [с. 554]; – А там уж известно-с, **чуть** не прибила-с; то есть **чуть-чуть-с**, так что **даже**, можно считать, **почти** **что** и прибила-с. А письмо мне шваркнула. **Правда**, хотела было у себя удержать... но раздумала и шваркнула... Обиделась **даже**... [с. 551]; <...> тогдашние люди <...> **совсем** **точно** и не те люди были... право, **точно** порода другая... Тогда люди были **как-то** об одной идее, а теперь нервнее, развитее, чувствительнее, **как-то** о двух, о трех идеях зараз [с. 543]; – Целый день <...> недоволен-с; то радостен и вакхичен **даже** до льстиво-

сти, то чувствителен **даже** до слез, а то вдруг рассердится, да так, что я **даже** и струшу-с, ей-богу-с; я, князь, **все-таки** человек не военный-с» [с. 513].

Экспрессивной тональностью выделяются в повествовательных частях романа Ф. М. Достоевского «Идиот» фрагменты, передающие охватившее героя состояние рассеянности, несобранности, смятения чувств, которое возникло в процессе действий, поступков – неуправляемых, неожиданных «выхлопов» и которому как бы подыгрывают тоже неосознаваемые, бесцельные, сменяющие одно другое состояния: например, ходьба, блуждания по городу. Например: «Несколько времени князь бродил без цели. Город ему был мало знаком <...> Уединение скоро стало ему невыносимо <...> Он взял билет в Павловск и с нетерпением спешил уехать <...> Почти уже садясь в вагон, он вдруг бросил **только что** взятый билет на пол и вышел обратно из вокзала, смущенный и задумчивый. Несколько времени спустя, на улице, он вдруг **как бы** что-то припомнил, **как бы** что-то внезапно сообразил, очень странное, что-то уже долго его беспокоившее. Ему вдруг пришлось сознательно поймать себя на одном занятии, уже давно продолжавшемся, но которого он все не замечал до самой этой минуты; **вот** уже несколько часов, **еще даже** в “Весех”, кажется **даже** и до “Весов”, он, нет-нет, и вдруг начинал **как бы** искать чего-то кругом себя, и забудет, **даже** надолго, на полчаса, и вдруг опять оглянется с беспокойством и ищет кругом» [с. 249].

Под «иллюзией сухости», неизобразительности, неэкспрессивности повествовательных контекстов информативного типа скрывается необъятная сила экспрессии, контрастно взаимодействующая с другими элементами повествования, поэтому ее легче «почувствовать», нежели определить. Например: «Изобретатели и гении **почти** всегда при начале своего поприща (а очень часто и в конце) считались в обществе не более **как дураками**, – это **уж** самое рутинное замечание, слишком всем известное. Если, например, в продолжение десятков лет все тащили свои деньги в ломбард и натащили туда миллиарды по четыре процента, то, **уж** разумеется, когда ломбарда не стало и все остались при собственной инициативе, то большая часть этих миллионов должна была непременно погибнуть в акционерной горячке и в руках мошенников, – и это **даже** приличием и благонаравием требовалось. **Именно** благонаравием; если благонаравная робость и приличный недостаток оригинальности состав-

ляли у нас до сих пор <...> неотъемлемое качество человека дельного и порядочного, то **уж** слишком непорядочно и **даже** неприлично было **бы** так слишком вдруг измениться. Какая, например, мать <...> не испугается и не заболит от страха, если ее сын или дочь чуть-чуть выйдут из рельсов: “**Нет, уж лучше пусть будет счастлив и проживет в довольстве и без оригинальности**” <...> А наши няньки, закачивая детей, спокон веку причитывают и припевают: “**Будешь в золоте ходить, генеральский чин носить!**” Итак, **даже** у наших нянек чин генерала считался за предел русского счастья <...> Кто мог у нас не сделаться, наконец, генералом и не скопить известную сумму в ломбарде? Таким образом, русский человек, **почти** безо всяких усилий, достигал, наконец, звания человека дельного и практического. В сущности, не сделаться генералом мог у нас **один только** человек оригинальный, другими словами, **беспокойный**» [с. 350] (в данном отрывке, извлеченном из контекста информативного типа, обилие перечисляемых синтагм передает сатирически-негативное отношение к обуржуазившемуся Петербургу; все фразы охвачены одной общей волнообразной мелодией, передающей гармоническую цельность передаваемого содержания и отношения самого автора; экспрессивность направлена на специальное подчеркивание определенных свойств, качеств, детализацию сатирической обрисовки и др.).

Примечательно, на наш взгляд, экспрессивно-изобразительное наполнение следующего фрагмента, в котором динамическое описание предстоящей грозы обрамлено фразами, повествующими о переживаниях героя, его действиях, что придает отрывку особую тональность, экспрессию, смысловую и композиционную завершенность: «Сад был пуст; что-то мрачное заволокло на мгновение заходящее солнце. Было душно; похоже было на отдаленное предвещание грозы. В теперешнем его созерцательном состоянии была для него какая-то приманка. Он прилеплялся воспоминаниями и умом к каждому внешнему предмету, и ему это нравилось: ему **все** хотелось что-то забыть, настоящее, насущное, но при первом взгляде кругом себя он тотчас же опять узнавал свою мрачную мысль, мысль, от которой ему так хотелось отвязаться. Он **было** вспомнил, что давеча говорил с половым в трактире за обедом об одном недавнем чрезвычайно странном убийстве, наделавшем шуму и разговоров. Но только что он вспомнил об этом, с ним вдруг опять случилось что-то особенное.

Чрезвычайное, неотразимое желание, почти соблазн, вдруг оцепенили всю его волю. Он встал со скамьи и пошел из сада прямо на Петербургскую сторону. Давеча, на набережной Невы, он попросил какого-то прохожего, чтобы показал ему через Неву Петербургскую сторону. Ему показали; но тогда он не пошел туда. Да и во всяком случае нечего было сегодня ходить; он знал это. Адрес он давно имел; он легко мог отыскать дом родственницы Лебедева; но он знал **почти** наверно, что не застанет ее дома. “Непременно уехала в Павловск, иначе бы Коля оставил что-нибудь в “Весех”, по условию”. Итак, если он шел теперь, то, **уж**, конечно, не за тем, чтоб ее видеть. Другое мрачное, мучительное любопытство соблазняло его. Одна новая, внезапная идея пришла ему в голову...

Но для него **уж** слишком было довольно того, что он пошел и знал куда идет: минутой спустя он опять уже шел **почти** не замечая своей дороги. Обдумывать дальше “внезапную свою идею” ему тотчас же стало ужасно противно и **почти** невозможно. Он с мучительно напрягаемым вниманием всматривался во все, что попадалось ему на глаза, смотрел на небо, на Неву. Он заговорил **было** со встретившимся маленьким ребенком. Может быть, и эпилептическое состояние его все более и более усиливалось. Гроза, кажется, действительно надвигалась, хотя и медленно. Начинался уже отдаленный гром. Становилось очень душно...» [с. 251–252].

Впечатляет музыкальный характер отрывка. Все фразы, участвующие в «составлении» этой словесной картины, охвачены единым интонационным рисунком, волнообразной мелодией, «каскадной» экспрессией, гармонической сочетаемостью. Частицы, создавая «каскадный» фон, «максимально отвечают за удачу мелодии», «несут особую “нотную” нагрузку».

Основной составляющей **портретных зарисовок**, включающих в себя элементы изобразительно-экспрессивного синтаксиса, являются «описательные синтаксические построения с именными или глагольными (в формах описательного имперфекта) предикатами типа: “Это был человек... лет., ... роста., с проседью...”; “Лицо его было...”; “Глаза его смотрели смело...”; “Одет он был...” и т. п.» [Иванчикова, 1979, с. 150]. Например: «Новый господин был высокого роста, лет пятидесяти пяти или **даже** поболее, довольно тучный, с багрово-красным, мясистым и обрюзглым лицом, обрамленным густыми седыми бакенбардами в усах, с большими, довольно выпученными глазами. Фигура была бы довольно осанистая, если бы

не было в ней чего-то опустившегося, износившегося, **даже** запачканного. Одет он был в старенький сюртучок, **чуть не** с продавшимися локтями; белье тоже было засаленное, – по домашнему» [с. 121].

Портретным зарисовкам романа присущ такой выразительный потенциал взаимодействия языковых средств в тексте, который обеспечивает передачу (наряду с предметно-логическим содержанием) экспрессивной информации (специальное подчеркивание, выделение индивидуальных особенностей, детализация обрисовки каких-либо моментов, нюансировка каких-то свойств, качеств и др.), где частицы несут «особую функциональную нагрузку» (Арутюнова), участвуют в создании стилистического эффекта (комического, иронического, юмористического; обманутого (напряженного, подтверждающего) ожидания; сопереживания и др.), актуализируют определенные свойства, значения, создают резонанс постепенного насыщения, нагнетания и т. д. Например: «Варвара Ардалионовна была девица лет двадцати трех, среднего роста, довольно худощавая, с лицом не то чтобы очень красивым, но заключавшим в себе тайну нравиться без красоты и до страсти привлекать к себе. Она была очень похожа на мать, **даже** одета была **почти** так же, как мать, от полного нежелания наряжаться. Взгляд ее серых глаз подчас мог быть очень весел и ласков, если **бы** не бывал всего чаще серьезен и задумчив, иногда **слишком даже**, особенно в последнее время. Твердость и решимость виднелись и в ее лице, но предчувствовалось, что твердость эта **даже** могла быть энергичнее и предприимчивее, чем у матери. Варвара Ардалионовна была довольно вспыльчива, и братец иногда **даже** побаивался этой вспыльчивости [с. 117]; Правда, это лицо человека **только что** снятого со креста <...> **еще не** успело заостенеть <...> **даже** проглядывает страдание, как **будто бы** еще и теперь и ощущаемое <...> но зато лицо не пощажено нисколько <...> так и должен быть труд человека, кто **бы** он **ни** был <...> это лицо страшно разбито ударами, вспухшее, глаза открыты, зрачки скопились <...> Когда смотришь на этот труп измученного человека, то рождается один <...> вопрос: если такой **точно** труп <...> (**точно** такой) видели все ученики его <...> женщины <...> Таким образом могли они поверить, смотря на такой труп, что этот мученик воскреснет?» [с. 432–433].

Как отмечает Е. А. Иванчикова, «синтаксис **портретных зарисовок** романа, несущий ту или иную оценку изображаемой

личности с позиции “зрителя”, экспрессивен» [Иванчикова, 1979, с. 154]. В реализации экспрессивной функции также участвуют частицы, оживляя портрет, наполняя его различными характеристиками: таинственными, неопределенными, непостижимыми, зловещими и т. д. Например: «*Ему как бы хотелось разгадать что-то, скрывавшееся в этом лице и поразившее его давеча. Давешнее впечатление почти не оставляло его, и теперь он спешил как бы что-то вновь проверить. Это необыкновенное по своей красоте и еще по чему-то лицо сильнее еще поразило его теперь. Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали, как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти черты. Эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота! Князь смотрел с минуту, потом <...> приблизил портрет к губам и поцеловал его <...>*» [с. 107] (повторы, восклицания, инверсивная фраза «*Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть были в этом лице <...>*», интонационное нагнетание и др. передают волнение созерцающего портрет героя); «*Это был очень красивый молодой человек <...> Только улыбка его <...> была что-то уж слишком тонка; зубы выставлялись при этом что-то уж слишком жемчужно-ровно; взгляд <...> был что-то уж слишком пристален и испытующ*» [с. 48] (нарочитым повтором слов (частиц *что-то уж* с наречием *слишком*), оборотов создаются оттенки иронически-осуждающего отношения к изображаемым персонажам, разоблачаются их неискренность, стремление скрыть свою сущность за «маской»).

Контексты рассуждающего типа в романе Достоевского наделяются дополнительной экспрессивностью, в реализации которой участвуют частицы, интонация, восклицания, возгласы, фразы с сегментацией, с добавлениями, заминками, повторами и т. д. Темп речи – стремительно-быстрый, прерывистый, интонация неровная, с резкими «выпадами». Например: «*<...> католичество римское даже хуже самого атеизма, таково мое мнение! Да, таково мое мнение! Атеизм только проповедует нуль, – а католизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует, клянусь вам, уверяю вас! Это мое личное и дав-*

нишнее убеждение, и оно меня самого измучило... Римский католизм верует, что без всемирной государственной власти церковь не устоит на земле, и кричит: “Non possunt”. По моему, римский католизм даже и не вера, а решительно продолжение Западной Римской империи, и в нем все подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор все так и идет, только к мечу прибавил ложь, пронырство, обман <...> все променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?! Как же было не выйти от них атеизму? <...> могли ли они веровать себе сами? <...> У нас не веруют еще только сословия исключительные <...> корень потерявшие; а там, в Европе, уже страшные массы самого народа начинают не веровать, – прежде от тьмы и от лжи, а теперь уже из фанатизма, из ненависти к церкви и ко христианству [с. 565]; Я увидел людей изящных, простодушных, умных <...> почти таких же добрых и сердечных, каких я встретил там, почти не хуже. Судите же, как радостно я был удивлен! <...> в свете все манера <...> но ведь я сам теперь вижу <...> это где-нибудь, а только не у нас. Неужели же вы все теперь иезуиты и обманщики? Я слышал как давеча рассказывал князь N: разве это не простодушный, не вдохновенный юмор, разве это не истинное добродушие? Разве такие слова могут выходить из уст человека... мертвого <...> Разве мертвецы могли бы обойтись со мной, как вы обошлись? Разве это не материал... для будущего, для надежд. Разве такие люди могут не понять и отстать? [с. 573]; Я хочу все объяснить, все, все, все! О да! Вы думаете я утопист? Идеолог? О нет, у меня <...> простые мысли... вы не верите? Вы улыбаетесь? <...> давеча я шел сюда и думал: “<...> С какого слова надо начать, чтоб они хоть что-нибудь поняли?” Как я боялся <...> мог ли я бояться, не стыдно ли было бояться? Что в том, что на одного передового такая бездна отсталых и недобрых? В том-то и радость моя <...> что вовсе не бездна, а живой материал! Нечего смущаться и тем, что мы смешны, не правда ли? Ведь это действительно так, мы смешны, легкомысленны <...> мы ведь все таковы <...> Ведь вы вот не оскорбляетесь же тем, что я в глаза говорю вам, что вы смешны? А коли так, то разве вы не материал? Знаете, по-моему, быть смешным даже иногда хорошо, да и лучше: скорее простить можно друг другу, скорее и смириться; не все же понимать сразу, не прямо же начинать с совершенства!» [с. 574].

В данных отрывках неупорядоченно и неподготовленно следуют друг за другом побудительные выкрики, фразы объясняющего характера, внезапные вопросы, эллиптические и оборванные фразы; характерны оговорки, вставки, экспрессивные повторы, самоперебивы, символизирующие максимальное проявление признака, беспокойство и озабоченность говорящего (темп речи ускоренный, быстрый, интонация неровная, беспокойная, с частыми и резкими «всплесками», паузами, переменой настроения).

В контекстах рассуждающего типа часто встречается частица *единственно*, органично включенная в разнообразные по форме структуры с причинным, целевым, условным значениями, подчеркивая исключительность данного факта, явления, действия и т. д., внося в них оттенок выделительности, экспрессии: «...Нине Александровне вряд ли он сообщил какое-нибудь свое наблюдение, *единственно* для того только, чтобы “разорвать ей сердце” [с. 505]; – Вот что <...> все это известие *единственно* одно вдохновение его превосходительства... <...> он и лжет *единственно* потому, что не может сдержатъ умиления [с. 475]; – Я готов теперь пощадить его, но *единственно* из уважения к вам, Варвара Ардалионовна» [с. 501].

Достаточно активно в текстах рассуждающего характера употребляются у Достоевского экспрессивные по своей форме конструкции с включением синтаксического сигнала, представляющего собой сочетание союза *потому что* во «вторичном» (разъяснительном) значении с частицами: – <...> Умирая (*потому что* я все-таки умру, хоть и потолстел, как вы уверяете) <...> уйду в рай несравненно спокойнее <...> [с. 501–502]; – И добро бы ты с голоду умирал, а ты ведь жалованье, говорят, хорошее получаешь! Да ко всему-то в придачу, кроме позора-то, ненавистную жену ввести в дом (*потому что* ведь ты меня ненавидишь, я это знаю!) [с. 189]; – Ах, боже мой! <...> так и должно было быть, *потому что* я... <...> *потому что* ведь, ей-богу, он был великодушнейший человек, не правда ли, не правда ли?» [с. 562].

Приведенные фрагменты романа Ф. М. Достоевского «Идиот» показывают, что для них «характерна во многих случаях не только создаваемая синтаксическими средствами тонкая и разнообразная нюансировка смысловых оттенков рассуждающей речи, но и ее эмоционально-экспрессивная окрашенность, также исходящая из внутренней формы синтаксических построений». В то же время в реализации экспрессивной функции

в текстах рассуждающего типа «активно и разнообразно действуют специальные средства, организующие экспрессивное звучание речи, создающие столь характерный для писательской манеры Достоевского напряженно-взволнованный тон» [Иванчикова, 1979, с. 188], нагнетающие атмосферу «признаковой нагруженностью» (тайнственной, неуправляемой, зловещей, непостижимой и др.), акцентирующие, выделяющие, уточняющие, оценивающие и др. словесно и синтаксически выраженные значения.

Для экспрессивного выделения слов или словесных единств, особо значимых в определенном фрагменте рассуждения, используются распространенные в разговорной речи акцентирующие частицы (*ведь, даже, именно, то, хоть* и др.), к употреблению которых Достоевский обращался довольно часто. Например: – Я *ведь* знаю же <...> Чебаров <...> думал очень легко меня обмануть, и *именно* рассчитывал на мои чувства к Павлищеву [с. 300]; – Позвольте <...> у меня, может быть, *только* восьмая или десятая доля <...> Шнейдер получал по шестьсот рублей в год, да и *всего только* первые три года <...> на меня далеко еще меньше десяти тысяч всего истрачено <...> я никак не мог предлагать господину Бурдовскому более, *даже* если б я его ужасно любил <...> *именно* потому, что я отдавал ему долг, а не посылал ему подаяние. <...> потому что не мог же он сам, без обмана, согласиться на такую низость <...> Да что же вы, наконец, опять выходите из себя, господа! *Ведь*, наконец, мы совершенно не будем понимать друг друга! *Ведь* вышло же на мое! [с. 300]; – Я *ведь* боюсь *лишь* за Аглаю Ивановну; Рогожин <...> убьет Аглаю Ивановну; *хоть* она теперь и не ваша; а *все-таки* *ведь* вам тяжело будет, не правда ли? [с. 613]; ...князь согласился свободно; *даже* как-то рассеянно и *вроде* того, как если бы попросили у него какую-нибудь довольно обыкновенную вещь. Таких странных фактов пред нами очень много, но они не только не разъясняют, а <...> *даже* затемняют истолкование дела... [с. 599].

В тексте романа наблюдается заметное пристрастие Достоевского к употреблению в диалогах экспрессивно-разговорной формулы с участием частицы *-то*: «то-то и есть, что...», выражающей «подчеркнуто отрицательное отношение к предшествующему утверждению (или предположению), подчеркнутое возражение, несогласие, предполагающее аргументацию в пользу противоположного взгляда. Эта формула начи-

няет собой соответствующее высказывание: заключенная в ней экспрессия окрашивает весь данный отрезок рассуждения» [Иванчикова, 1979, с. 193–194]. Например: – *Как под тул? <...> как же вы в этом самом главном месте просмотрели? – То-то и есть что смотрел-с!* [с. 511]; – *Не в насмешку? Не в насмешку? – То-то и есть, что нет; тем-то и странно* [с. 493]; – *А удалось? – спросила Настасья Филипповна. – То-то и есть что нет, вышло скверно <...>* [с. 170].

В реализации экспрессивной функции активно участвуют частицы, входящие в «пласт экспрессивных языковых единиц, широко употребляемых в разговорной речи, – коммуникем» [Меликян, 1998, с. 75] (*Еще бы! Ишь ты! Вот еще! А как же! Как бы не так!* и др.), выступающих в качестве одного из наиболее ярких средств вербализации коммуникативного смысла (нерасчлененно выражающие смысловое, непредметное содержание), служащих выражению реакции на различного рода факты объективной действительности и концентрирующих большую экспрессивную силу. Например: – *Князь Мышкин? Лев Николаевич? Не знаю-с. <...> – О, еще бы! <...>* [с. 33]; – *Мне ваш брат не очень нравится. – Ну еще бы! Вам-то, после... <...>* [с. 146]; – *Ну вот, вздор какой! – Не генерала же, наконец, хе-хе-хе? – Что за дичь! – почти сердито проговорил князь <...> – Еще бы не дичь! <...>* [с. 471]; – *Что же, кричит? – Куды! В одно мгновение* [с. 46]; – ... *Князь Мышкин? – Точно так-с* [с. 121]; – *Вот еще нашелся! <...> а ведь впрямь от доброго сердца, я его знаю. Благотелья нашла!* [с. 191]; – *Все прежнее? – Какое тут прежнее!* [с. 490]; – *Ты не могла узнать? – трепетал как в истерике Ганя. – Да где уж тут!* [с. 492]; – *Мне кажется <...> от... скуки... – Именно, именно так...* [с. 566]; – *Да, мои кости... – То-то. А то ведь можно ошибиться* [с. 441].

Частицы, входящие в такие экспрессивные пласты, как считает В. Ю. Меликян, участвуют в выражении следующих значений: 1. **Значения, относящиеся к категории объективной модальности:** а) определяемые по характеру коммуникативной целеустановки – утверждение (в противоположность вопросительному и побудительному); б) определяемые по признаку утвердительное/отрицательное. 2. **Значения, относящиеся к категории субъективной модальности:** а) определяемые по разной степени уверенности говорящего в достоверности формирующейся у него мысли о действительности; б) определяемые по характеру отношения говорящего к предмету

и ответу речи [Меликян, 1998, с. 75]. Основное содержание таких экспрессивных единиц сводится к утверждению или отрицанию, согласию или несогласию, побуждению, негативному оцениванию (в сочетании с иронией), общей экспрессивно-модальной оценке предшествующего высказывания, ситуации или собеседника, то есть они служат для экспрессивного выражения отношения говорящего к окружающей действительности, его чувств и воли. Основным назначением частиц, входящих в такие «комплексы», является выражение большого содержания меньшими средствами (эмоциональными, экспрессивными, оценочными и др.). Они функционируют в диалоге, в ответных репликах диалогической речи, в монологической речи при подтверждении уже высказанного или самовыражении, неся на себе весь максимум нагрузки текста.

Употребление частиц в различных фрагментах текста романа свидетельствует о том, что Достоевский свободно вводит разговорную экспрессию с ее богатыми возможностями интонационных и смысловых усиления. Так, частицей *вот*, вводящей «определенную» часть высказывания и выполняющей роль коррелята, выделяется рема: – *Не знаешь ты ее характера; она <...> к студенту какому-нибудь умирать с голоду, на чердак, с удовольствием бы побежала, – вот ее мечта!* [с. 493]; – *Она все это мне сама так прямо в лицо и говорила. Тебя сгубить и опозорить боится, а за меня, значит, ничего, можно выйти, – вот* каково она меня почитает, это тоже заметь! [с. 240]; – *Но оказывается, что и быть не может, а если быть не может, то для чего она хочет тут расстроить? Вот, вот задача!* [с. 340] (случай двойной сегментации – с двумя актуализированными ремами).

Широко представлены в романе случаи экспрессивного выделения ремы сочетанием частицы *вот* с местоименным словом: «*Положите сперва меня в гроб и закопайте в землю, тогда выдавайте дочь*», *вот что я Ивану Федоровичу сегодня отчеканила* [с. 344]; – *Вот когда объявляют приговор, снаряжают, вяжут, на эшафот взводят, вот тут ужасно!* [с. 46]; – *Вот как голову кладешь под самый нож и слышишь, как он склизнет над головой; вот эти-то четверть секунды всего страшнее* [с. 47]; – *Может быть, и есть такой человек, которому <...> сказали: “Ступай, тебя прощают!”. Вот этакой человек, может быть, мог бы рассказать»* [с. 47].

Примечательны по своей форме относящиеся также к экспрессивно окрашенному разговорному синтаксису построе-

ния, включающие частицы, с актуализацией ремы – соотносимых с диалогическим вопросом-ответным единством. Например: «А между тем <...> явились, например, кредиторы покойного купца, по документам спорным, ничтожным, а иные <...> и вовсе без документов, – и **что же?** Князь **почти** всех удовлетворил [с. 209]; Бедного Платона чуть не загнали; известно – муж; поручился, что букет достанет, и – **что же?** Накануне перехватила Мытищева <...> [с. 179]. Вот он долго сходил с Рогожиным <...> “братски” сходились, – а знает ли он Рогожина? А впрочем <...> **что же я?** <...> разве он убил эти существа <...>» [с. 253].

По характеру экспрессивности и функционированию с рассмотренными построениями сближаются сегментированные по форме конструкции, в которых частицы активно участвуют в реализации экспрессивной функции (Не правда ли? Так ли? Ведь так? и др.) Например: – ...Хоть она теперь и не ваша, а все-таки ведь вам тяжело будет, **не правда ли?** [с. 613]; – Но я думаю <...> искренность ведь стоит жеста, **так ли? Так ли?** [с. 574]; – <...> у нас и сословия-то высшего никогда не бывало <...> а теперь уж и совсем исчезло, **ведь так, ведь так?** [с. 573]; Стал высматривать любопытнее, – как бы перочинным ножиком кто прорезал; **невероятно почти-с?** [с. 513].

Сочетания *до того, что...; и так, что...; и до того, что...* и др., с помощью которых примыкает вводимый в построение сегмент, информируют о высокой степени проявления чего-либо, о чем говорится в основной части высказывания; частица, следующая за союзом *что*, придает данному участку текста соответствующее звучание, выполняя присущую ей роль смыслового выделения, подчеркивания, указания и др. Например: «Тот месяц в провинции <...> произвел на него действие ужасное, **до того, что** князь отгонял иногда **даже** воспоминание об этом еще недавнем времени [с. 372]; К стыду своему князь был **до того** рассеян, **что** в самом начале **даже** ничего и не слышал... [с. 380]; <...> в действительном существовании этого “важного дела” <...> он не усомнился ни на одну минуту, но совсем почти не думал об этом важном деле теперь, **до того, что** **даже** не чувствовал ни малейшего побуждения думать о нем [с. 386]; Ганя вдруг **так** вздрогнул, **что** князь **чуть** не вскрикнул [с. 62]; <...> по уходе Епанчиных к нему вышел Ипполит, **до того** усталый и изнуренный, **что**, выйдя и ни слова не говоря, **как бы** без

памяти, **буквально** упал в кресле и мгновенно погрузился в нестерпимый кашель [с. 582]; Сначала, дескать, князь **почти** его своею доверенностью <...> но потом <...> отогнал его от себя со срамом и **даже до такой** обидной степени, **что** в последний раз с грубостью **будто бы** отклонил “невинный вопрос о ближайших переменах в доме” [с. 549]; Но ему ясно было, что отец **до того** уже вздорит <...> и **до того** вдруг переменялся, **что как будто** совсем стал не тот человек, как прежде [с. 496]; <...> он благодаря некоторым убеждениям своим **до того** был настроен Чебаровым и окружающею его компаниею, **что** начал дело **почти совсем** и не из интереса, а **почти как** служение истине, прогрессу и человечеству [с. 307]; Ганя **так** обрадовался, **что почти** примирительно, **почти** нежно посмотрел на мать [с. 126]; <...> если только найдена пропорция, то **этаким** шрифтом ни с чем не сравним, **так даже, что** можно влюбиться в него» [с. 59].

Местоименно-союзные сочетания акцентированно детализируют разные смысловые отрезки уже «свершившегося» высказывания, частицы придают данному участку интонационные «толчки» (усиление, каскады и др.). Разные типы повторов (отдельных слов, словесных комплексов, частиц и др.) играют важную роль в экспрессивном оснащении романа. Концентрация в одном микро- или макротексте повторений – это своеобразный способ: а) выделения экспрессивных доминант определенных фрагментов; б) создания образного строя произведения; в) выражения интонационного нагнетания; г) усиления эмоционального состояния и т. п.

Частицы очень часто используются в качестве повторов (в том числе в риторическом вопросе и риторическом восклицании). Насыщенные частицами контексты отличаются «особой ударностью, динамизмом, тенденцией к компрессии, развернутой системой акцентуации» (Николина). Например: – А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а **вот что, вот** знаешь наверно, что **вот** через час <...> **вот** сейчас <...> **Вот** как голову кладешь под самый нож <...> **вот** это четверть секунды всего страшнее [с. 47]; Только улыбка его, при всей ее любезности, была **что-то уж слишком** тонка; зубы выставлялись при этом **что-то уж слишком** жемчужно-ровно; взгляд <...> был **что-то уж слишком** пристален и испытующ [с. 48]; Рогожин не поворачивал к нему головы и **как бы** даже и забыл о нем. Князь смотрел <...> и опять **как бы** вдруг отнялись его ноги <...> он прилег на по-

душку, как бы совсем уже в бессилии и в отчаянии... [с. 634]; – Я еще про себя подумал дорогой, что она не захочет потихоньку входить – **куды!** <...> я думал сначала на квартиру к учительше везти, – **куды!** [с. 630–631]; Трудно было поверить, что **будто бы** Иван Федорович <...> соблазнился сам Настасьей Филипповной, – но так **будто бы**, до такой **будто бы** степени, что этот каприз почти походил на страсть [с. 76]; – И философия ваша **точно** такая же, как у Евлампии <...> дешевизна; **только** чтоб было дешевле прожить, **только** о копейках и говорит <...> **Так точно** и ваша огромная жизнь в тюрьме... [с. 87]; Он хорошо помнил, что сделал **именно** эти три распоряжения и **именно** так рассчитал [с. 88]; – **Какие** они на это жестокие! **Какие** у них тяжелые на это понятия! [с. 96]; – Но позвольте <...> я читала <...> **точно** такую же историю! Но решительно **точно** такую же! <...> **точно** так же была вырвана сигара, **точно** так же была выкинута в окно болонка, – наконец, **точно** так же и кончилось <...> [с. 158]; Представлялся и еще один неразрешенный вопрос, и **до того** капитальный, **что** князь **даже** думать о нем боялся, **даже** допустить его не мог и не смел... [с. 162]; – <...> **разве** это не простодушный, не вдохновенный юмор, **разве** это не истинное добродушие? **Разве** такие слова могут выходить из уст человека... мертвого <...>? **Разве** мертвецы могли бы обойтись со мной, как вы обошлись? **Разве** это не материал <...>? **Разве** такие люди могут не понять и отстать? [с. 573]; <...> история нашего героя, и особенно последнее приключение этой истории, обращаются в странный, весьма увеселительный, **почти** невероятный и в то же время **почти** наглядный анекдот, распространяющийся <...> **почти** по всему городу и даже по окрестностям его. **Почти** <...> все принялись рассказывать одну и ту же историю, на тысячу разных вариаций... [с. 597]; В таком уж он был настроении и даже **чуть ли не** ощущал <...> чувствительной благодарности <...> **чуть ли не** ко всем гостям вообще [с. 562–563]; <...> ему **как-то** в глаза бросилось, что <...> Лебедев <...> стал **как-то** вдруг чрезвычайно сален <...> даже бушевал <...> он **как-то** очень странно заговорил, бия себя в грудь, и в чем-то винулся... [с. 548]; – И вообразите, как меня допекает ваш Ганечка <...> **Каково!** Он думает, что это мне утешение, ха-ха! <...> **Каково!** Нет, **каков** эгоизм с его-то стороны! **Какова** утонченность <...> **какова** в то же время воловья грубость их эгоизма, которую

они все-таки никак не могут заметить в себе!.. [с. 543]; – И добро бы ты с голоду умирал, а ты **ведь** жалованье, говорят, хорошее получаешь! Да ко всему-то в придачу, кроме позора-то, ненавистную жену ввести в дом! (Потому что **ведь** ты меня ненавидишь, я это знаю!) [с. 189]; – Чем **жить-то** будешь, коли уж так влюблен, что рогожинскую берешь, за себя-то, за князя-то! [с. 191].

Повторяемость частиц, организующих различные участки рассуждающей речи, придает им композиционную цельность, которая проявляется в настойчивом «проталкивании» на протяжении всего высказывания в сознание слушателя (читателя) определенной мысли, того или иного положения: «**Ведь** если господин Бурдовский окажется теперь не “сын Павлищева”, то **ведь** в таком случае требование господина Бурдовского выходит прямое мошенническое <...>, но **ведь** в том-то и дело, что его обманули, потому-то я и настаиваю, чтоб его оправдать; потому-то я и говорю, что он достоин сожаления <...> иначе **ведь** он тоже выйдет по этому делу мошенником. Да **ведь** я уже сам убежден, что он ничего не понимает! <...> Я это понимаю; я могу очень сочувствовать, потому что я сам **почти** такой же, мне позволительно говорить! И, наконец, я все-таки <...> я все-таки не изменяю своего решения и готов возратить десять тысяч <...> Я **ведь** хотел же до господина Бурдовского эти десять тысяч на школу употребить <...> но **ведь** теперь это все равно будет <...> потому что господин Бурдовский, если и не “сын Павлищева”: то **ведь** почти как “сын Павлищева”; потому что **ведь** его самого так злобно обманули; он сам искренно считал себя сыном Павлищева!» [с. 301].

Естественно, что приведенными выше иллюстрациями повторов частиц отмечены лишь некоторые способы применения в тексте романа этого приема, «являющегося одним из органичных свойств писательской манеры Ф. М. Достоевского: этот прием, концентрированно вмещающий в себе возможность организации прогрессивного развертывания мысли с одновременным интонационно-ритмическим и смысловым подчеркиванием ее существенных элементов, допускающий разнообразные “внутренние” модификации и легко взаимодействующий с другими приемами синтаксической экспрессии, охватывающей собою разные по объему контексты, – весьма эффективен по своей способности придавать “убеждающему высказыванию” “аффективную” окраску» [Иванчикова, 1979, с. 226].

Как показывают наблюдения, роль «экспресsem», то есть экспрессивных элементов, выполняют самые различные языковые единицы, арсенал которых в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» чрезвычайно богат. Каждое экспрессивное средство входит в систему образных средств и является органическим элементом структуры целого текста или какой-то значительной его части.

Особое место среди языковых единиц, участвующих в реализации экспрессивной функции, принадлежит частицам, обеспечивающим воздействующий резонанс высказываний, подчеркивающим аргументирующие линии определенного фрагмента текста, расширяющим диапазон экспрессивных импульсов и т. п. Пристрастие писателя к использованию экспрессивных по своей форме построений, а также специализированных форм синтаксической экспрессии, разговорных по своей природе («формулы быстроты» при выражении отношений основания-следствия [Иванчикова, 1979, с. 232], участие частиц, расчлененных конструкций, повторов, конструкций, организованных по принципу диалогического вопроса-ответного единства и т. д.) – характерная черта текста романа Достоевского, который: а) прекрасно понимает, что экспрессия – это выразительные оттенки, наслаивающиеся на основное содержание речи, активизация изобразительной силы сказанного или написанного с целью повышения воздействующего, убеждающего начала речи; б) апеллирует к слушателю, приглашая его к «независимому расследованию», сопереживанию, «аффективному выхлопу».

Творческое применение Ф. М. Достоевским частиц для реализации экспрессивной функции, как правило, связано с отражением весьма разнообразных авторских намерений и служит для активизации читательского восприятия. Говоря об экспрессивной функции частиц, следует учитывать специфику художественного текста, в котором присутствуют разного рода лирические отступления, даются оценки повествуемым событиям, сами персонажи импульсивны, аффективны, действия и поступки их часто неуправляемы, непостижимы. В соответствии с этим Достоевский использует различные языковые средства, стилистические приемы, обуславливающие воздействующий эффект, в ряду которых одно из первых мест занимают частицы.

3.4. Эмотивная (эмоциональная) функция частиц

Эмотивная функция проявляется в богатстве и активности форм эмоционально и экспрессивно окрашенной лексики и фразеологии, лексико-синтаксических структур, междометий и междометных фраз, фраз-повторов, эмоционально и экспрессивно окрашенных синтаксических конструкций с частицами и т. д.

Эмотивная функция, поддерживаемая ударением и интонацией, призвана отразить в речи эмоции, чувства, настроить на определенный лад, «завести» читателя, «донести» определенное настроение, будь то настроение автора или персонажа, поэтому в художественном произведении каждый из героев имеет свой собственный голос. Она проявляется в том случае, если в высказывании прямо выражено субъективное отношение к тому, о чем говорится, то есть главная цель такого сообщения – эмоционально реализоваться. Частицы достаточно регулярно употребляются в высказываниях такого типа, участвуя в реализации эмотивной функции. Например: – *Вы ли, вы ли это, Настасья Филипповна! <...> вы, такая деликатная, с такими тонкими мыслями и вот! Какой язык! Какой слог!* [с. 190]; – *А! Так вот как! <...> так мои записки в окно швырять! А! <...>* [с. 113]; – *Ай да последний в роде князь Мышкин!* [с. 193]; – *А, вот он, Иуда!* [с. 139].

Частицы активно и разнообразно употребляются в экспрессивных высказываниях, выражающих различные эмоции – положительные и отрицательные:

Вот жизнь! (восхищение) – **Вот** жизнь! (огорчение, недоумение: вчера еще было так, а сегодня уже...); **Ну и** жизнь же! (удивление, восхищение): – **Ну и** жизнь же! (отвращение); **Жизнь-то** какая! (восторг, восхищение) – **Жизнь-то** какая! (досада, огорчение, негодование, отвращение, грусть); **Что за** жизнь! (восторг, восхищение) – **Что за** жизнь! (огорчение, досада, возмущение); **Как/будто** это жизнь! (восхищение, удивление) – **Как/будто** это жизнь! (огорчение, досада, поскольку все не так); **Просто** жизнь! (радость, восхищение) – **Просто** жизнь! (уничтожение, ехидство); **Все-таки** жизнь! (радость, восхищение) – **Все-таки** жизнь! (досада, огорчение, поскольку обратный результат).

Общее эмоциональное значение высказываний (восхищение, радость, удивление, отвращение, негодование, грусть,

огорчение и др.) выражается не только с помощью восклицательной интонации, но и с помощью частиц, которые вносят добавочные значения, участвуя тем самым в реализации стилистического эффекта, коммуникативной целеустановки. Без соответствующих частиц эти добавочные значения исчезают. Ср.: «**Вот** жизнь! – жизнь (!); **Что** за жизнь! – жизнь (!) и т. д. Одна и та же частица может выражать (или усиливать) как положительные, так и отрицательные эмоции. Покажем это на примерах частиц, которые участвуют в реализации эмоциональной функции: *вот, ведь, же, -то, что за, какой, э*к и др.

Частица *вот*

В реализации эмотивной функции частица *вот* может употребляться как самостоятельно, так и в сочетании с другими частицами (а также в высказываниях типа: **Вот дела! Вот так штука! Вот уж не думал! Вот бы нам! Вот как! Вот так и знал! Вот убил бы! Вот тебе раз! Вот еще новости! Вот даже как! Вот это да! Вот чуть ли не явление Христа! Вот даже как! Вот как бы деньги! Вот оно что!** и т. д.), сохраняя при этом практически всегда свое базовое значение указательности. Вместе с тем наличие частицы *вот* говорит об эмоциональном отношении говорящего к содержанию высказывания (с помощью частицы может выражаться удивление, восхищение, радость, исступление, возмущение, негодование, ярость, пренебрежение, сожаление, угроза, уничижение, отвращение, недоумение, ехидство и др.). Например: – *Эге, да ты вот что!* <...> – *тьфу, черт, да ведь он и впрямь* знает (удивление) [с. 36]; – <...> **А вот и приехали!** (радость) [с. 38]; – *Как <...>!* **Разве вы уж знаете и Настасью Филипповну?** <...> **Вот еще новости!** (удивление, недовольство, встревоженность) [с. 55]; – **А! Так вот как!** <...> *так мои записки в окно швырять! А! Она в торги не вступает, – так я вступлю! И увидим!* (неизмеримая злоба, бешенство, угроза) [с. 113]; *Варя дернула раз, другой, изо всей силы, но не выдержала и вдруг, вне себя, плюнула брату в лицо. – Вот так девушка!* (восхищение) [с. 143]; – *Да <...> да зачем он деньги берет, вот беда!* (недоумение, сожаление) [с. 146]; – *Настасья Филипповна <...> я вас буду всю жизнь уважать <...> – Вот так добрый человек!* (умиление, восхищение) [с. 196]; – **Вот это так королева!** <...> **вот это так по-нашему!** (восхищение, восторженность) [с. 201]; *Так бы тебя взял и отравил чем-нибудь! Вот так* (злоба, ненависть) [с. 233]; ... *А, вот эта улица! Вот, должно быть, и дом <...>!*

(радость) [с. 255]; – *Винovat или нет? – Столько же, сколько и вы <...> – Так вот ты как!* (изумление) [с. 341]; – *Я еще вчера знал <...> – Знали! Вот это новость!* (изумление) [с. 583]; **Вот что значит обслуживать молодым <...>!** (разочарование) [с. 584]; – *Я должен заметить <...> вторую половину <...> мне не приписывать-с... – Вот он о чем хлопочет!* (негодование) [с. 316]; – *Господи! Да видно ли где-нибудь это! Он не придет, когда нарочно для него же и... о боже! Вот удовольствие иметь дело с таким... Бестолковым человеком, как вы!* (возмущение, ярость) [с. 547].

В высказываниях эмоционально-экспрессивного характера удаление частицы может привести к изменению содержания сообщения. Например: «*Варя дернула раз, другой, изо всей силы, но не выдержала и вдруг, вне себя, плюнула брату в лицо. – [Вот так] девушка!*» [с. 143]; – *Тут, главное, довести до конца – вся задача! Птицын семнадцати лет на улице спал, перочинными ножичками торговал и с копейки начал; теперь у него шестьдесят тысяч, да только после какой гимнастики! Вот эту-то я всю гимнастику и перескочу <...> чрез пятнадцать лет скажут: “[Вот] Иволгин, король Иудейский”*» [с. 152].

Пропуск частицы, как правило, приводит к тому, что изменяется интонация, существенно понижается уровень экспрессии, уменьшается эмоционально-воздействующая сила высказывания, ослабляются скрытые смыслы и т. д. Так, если из высказывания убрать [*вот так*], исчезнет акцентуация на эмоции-восхищении, восторженной удивленности и появится слово-обращение с эмоционально неясным смыслом и невнятной интонацией (*девушка!* – окрик? угроза? испуг? укор? огорчение? и др.). Удаление частицы *вот* в последнем высказывании выдвигает на первый план бытийное содержание, уровень экспрессии существенно понижается, исчезает акцент на эмоции-восторге, восхищении, уменьшается воздействующая сила высказывания, эмоциональный эффект.

Т. В. Маркелова отмечает, что «в подобных случаях частицы по морфологическому статусу приближаются к междометиям» [Маркелова, 1995, с. 90]: *ну и, ай да, ох и* и др. (*девушка! Иволгин, король Иудейский!*).

В некоторых экспрессивных высказываниях пропуск частицы возможен, однако при этом уровень эмоциональности существенно понижается, скрытые смыслы ослабляются. Например: – *А вас кто велел дела не понимать? [Вот и] учи-*

тесь у умных людей! [с. 181]; – Он прежде так не лгал <...> и – **[вот]** во что это разрешилось! [с. 151]; – **[Вот]** они все так! – сказал Ганя, усмехаясь, – и неужели же они думают, что я этого сам не знаю! [с. 148]; – Задача самая простая, самый дурной поступок из всей своей жизни рассказать, – это ужасно легко, господа! **[Вот]** вы увидите! [с. 170]; – **[Вот]** так-то вы все: или с бесчестными, или с честными женщинами знаться – один выбор! [с. 197].

Таким образом, частица *вот*, участвуя в реализации эмоциональной функции, выполняет в высказывании важные семантико-прагматические функции, формирующие скрытые смыслы, повышающие экспрессию и воздействующий эффект эмоционально-экспрессивных высказываний (восхищение, удивление, разочарование, недоумение, горечь, злорадство и др.), приобретая при этом морфологический статус междометной частицы. Для других частиц в основном характерны те же особенности, что и для частицы *вот*. Однако некоторые нюансы в реализации мотивной функции заставляют нас обратить на них особое внимание.

Частица *ведь*

Частица *ведь* используется в высказываниях с экспрессивной окраской для выражения сильных эмоций (положительных и отрицательных): негодования, возмущения, восторга, торжествования и т. д. Например: – Ну чего ему, скажите, пожалуйста! <...> **ведь** я тебе ни копейки не дам, хоть ты тут вверх ногами предо мной ходи! <...> Вишь! **Да ведь** не дам, хошь целую неделю пляши! (злость, раздражение, негодование) [с. 34]; – Чрез Настасью Филипповну? – подобострастно промолвил чиновник <...> – **Да ведь** не знаешь! (ярость) [с. 36]; – Нет? Нет! <...> Они говорят, что вы помолвились с Ганькой! С ним-то? <...> Да я его всего за сто рублей куплю <...> он накануне свадьбы бежит, а невесту всю мне оставит. **Ведь** так, Ганька, подлец! **Ведь** уж взял бы три тысячи! (исступление, негодование, уничтожение) [с. 141]; – Ну, довольно, полно, молись за кого хочешь, черт с тобой, раскричался! <...> – **Ведь** он у нас преначитанный, вы, князь, не знали? <...> (насмешка) [с. 222]; – И какое право имели вы! <...> **Но ведь** это уж невыносимо! (возмущение) [с. 298–299]; – Довольно <...>! <...> А точно того и не знает, что этот идиот завтра же к ним опять потащится свою дружбу и капиталы им предлагать! **Ведь** пойдешь! <...> – Поиду <...> – Слышали! Так **ведь** на это-то ты и рассчитываешь

<...> **ведь** уж деньги теперь у тебя все равно что в кармане лежат <...> я вас насквозь вижу... всю игру вашу вижу! (негодование) [с. 310]; – Захотела быть честною, так в прачки бы шла <...> – Аглая, остановитесь! **Ведь** это несправедливо <...> (укоризна) [с. 593]; – **Ведь** это мерзости! <...> И что у вас за повадка так... странно поступать? **Ведь** вы... просто шпион! (ярость, негодование) [с. 551–552]; Так пожертвуйте собой <...>! Вы **ведь** такой великий благотворитель <...> **Да ведь** вы же ее и любите! (исступление) [с. 461]; «Гм, спокойна, как дура, и **ведь** уж совершенно «мокрая курица», растолкать нельзя, а грустит, совсем иной раз грустно смотрит! <...> (досада, возмущение, негодование) [с. 353]; – **Но ведь** это удивительная психологическая черта! (изумление) <...> **Ведь** это даже стыдно! (осуждение, досада) [с. 410]; – Ого! <...> **да ведь** это пропись! (удивление, восхищение) [с. 58]; – Что же вы <...> женитесь с какого-то страху? <...> Даже и не любя, может быть? – О нет, я люблю ее всей душой! **Ведь** это... дитя <...> совсем дитя! (умиление) [с. 607]; – Я вас не благодарю, я только... люблюсь вами <...> **Ведь** это вы <...> **ведь** это вы студента Подкумова и чиновника Швабрина <...> от ссылки спасли <...> **Ведь** это я про вас слышал <...> вы погоревшим мужикам <...> даром дали лесу обстроиться <...> **Ведь** я теперь с такими же князьями <...> сижу, **ведь** так <...> О, **ведь** так много о вас пишут и говорят! (умиление, восхищение) [с. 572–573]; **Но ведь** это такое самовольное и фантастическое создание, что и рассказать нельзя! (восхищение) [с. 382]; <...> Аглая держала себя везде так прекрасно, так ровно <...> **но ведь** это к ней так идет! (восхищение) [с. 354]; И какой экипаж, белые кони, **ведь** это шик, **ведь** это именно то, что называется по-французски шик! (восхищение) [с. 340].

В основе вышеуказанных и следующих фрагментов текста лежит яркий эмоциональный характер: «неупорядоченно и неподготовленно следуют друг за другом частицы, побудительные выкрики, фразы объясняющего типа, внезапные вопросы, эллиптические или оборванные фразы, “выливаются” восклицания; характерны оговорки, вставки, экспрессивные повторы, самоперебивы» [Иванчикова, 1979, с. 247], символизирующие эмоциональную неуравновешенность. Речь быстрая, торопливая, беспокойная, окрашенная самыми разнообразными оттенками. Частица *ведь*, участвуя в создании особого эмоционального фона, помогает «оживить» процесс гово-

рения, передать «эмоциональный мир» говорящего и слушающего, отреагировать «отзывчиво» на изображение этого мира: – *Я хочу все объяснить, все, все, все! О да! Вы думаете, я утопист? Идеолог? О нет, у меня, ей-богу, все такие простые мысли... Вы не верите? <...> Нечего слушаться и тем, что мы смешны, не правда ли? **Ведь** это действительно так, мы смешны, легкомысленны, с дурными привычками, скучаем, глядеть не умеем, понимать не умеем, мы **ведь** все таковы, все, и вы, и я, и они! **Ведь** вы вот не оскорбляетесь же тем, что я в глаза говорю вам, что вы смешны?* [с. 575] – восторженно-откровенная речь; – *Довольно <...> того и не знает, что этот идиот завтра же к ним опять потащится свою дружбу и капиталы им предлагать! **Ведь** пойдешь? <...> Так **ведь** на это ты и рассчитываешь <...> **ведь** уж деньги теперь у тебя все равно что в кармане лежат <...> Экая мораль: да **ведь** коли от тебя никакой благодарности не будет, так **ведь** и князь может сказать тебе в ответ, что он к Павлицеву не чувствует никакой благодарности <...> А **ведь** ты только на эту благодарность его к Павлицеву и рассчитывал: **ведь** не у тебя же он взаймы деньги брал <...> Да **ведь** коли бесчеловечным общество признаешь, стало быть, признаешь, что <...> от этого общества больно <...> Чего усмехаетесь: что я себя осрамила с вами? Да **ведь** уж осрамила, уж нечего больше делать!* [с. 311] – фамильярно-торопливая речь.

Способность частицы *ведь* к выражению интенсивности признака отражается на ее стремлении повысить эмоциональность и экспрессивность высказывания. Особенно ярко это проявляется в контекстах с местоименными словами, междометиями, различными интенсификаторами: – *Да **ведь** это лучше же, Ганя <...>* [с. 126]. – ***Ведь** это мерзости!* [с. 551] – *О, я **ведь** не потому* сказал, чтоб я... сомневался <...> [с. 562]; – *Не из одного **ведь** тщеславия, не все **ведь** от одних* скверных, тщеславных чувств происходят русские атеисты и русские иезуиты, а и из боли духовной, и жажды духовной <...> [с. 567]; – ***Ведь** это вы <...> **Ведь** это я про вас слышал <...>* [с. 572]; – *Да-с, точно **ведь** и не тот самый человек лежит, во гробе-то, которого мы еще так недавно к себе председателем посадили <...>* [с. 609]; – *<...> Но человек, который знает наверно, что ему остается десять минут, и говорит там, – **ведь** это гордо! **Ведь** это высшая независимость собственного достоинства, **ведь** это значит браво-вать прямо...* [с. 465].

Частица *ведь* актуализирует самые разнообразные эмоциональные значения, важнейшими из которых являются: а) значение неприятия, граничащее с негодованием, злостью, яростью, унижением, насмешкой: – *Ну чего ему <...> **ведь** я тебе ни копейки не дам, хоть ты тут вверх ногами предомной ходи! <...> **ведь** не дам, хошь целую неделю пляши!* [с. 34]; – ***Ведь** он у нас преначитанный, вы, князь, не знали?* [с. 222]; б) значение неприятия, граничащее с отвращением: «***Ведь** это мерзости!*» [с. 551]; в) значение осуждения, граничащее с досадой, разочарованием: «*Гм, спокойна, как дура, и **ведь** уж совершенно “мокрая курица”, растолкать нельзя <...>!*» [с. 553]; – *И где у вас сердце было тогда <...> **Ведь** вы видели же ее лицо в ту минуту <...>* [с. 605]; г) значение неуверенности, граничащее с удивлением, изумлением, недоумением: – *Мои записки <...> Я слышал по ночам стоны этого «великана в несчастье», он не мог совеститься стонать и плакать пред ребенком, хотя я уже и понимал, что причина его страданий – молчание императора Александра. – Да, **ведь** он писал письма... с предложениями о мире <...>!* [с. 520]; д) значение сожаления, граничащее с возрастанием эмоционального напряжения: – *Я еду завтра <...> Я не буду... В последний **ведь** раз я тебя вижу, в последний! Теперь уж совсем **ведь** в последний раз!* [с. 481]; е) значение удивления (действием, поступками, мыслями, желаниями и др.) объекта, граничащее с недоумением, иронией, удивлением, нервным напряжением: – *Князь <...> Кто же другой-с? <...> **ведь** немение другого на кого помыслить <...> **ведь** это <...> улика против господина Фердыщенко, уже третья улика! <...> **Ведь** не господина же Бурдовского мне заподозрить, хе-хе-хе!* [с. 471]; – *Петр Матвеевич Бахмутов! <...> но **ведь** от него-то почти все и зависит!* [с. 426]; ж) значение одобрения, граничащее с восхищением, восторгом, радостью, умилением: «*И какой экипаж <...> **ведь** это шик, **ведь** это именно то, что называется по-французски шик!*» [с. 340]; – *О нет, я люблю ее всей душой! **Ведь** это ... дитя <...> совсем дитя!*» [с. 607]; з) значение осуществленного ожидания, граничащее со снятием эмоционального напряжения, радостью: – *Б-ба! Да **ведь** вот он!* [с. 374].

Таким образом, частица *ведь*, чутко реагируя на самые разнообразные эмоциональные нюансы, изображаемые миры, влияя вместе с другими средствами на содержательную сторону высказывания скрытыми смыслами огорчения, сожаления,

ния, радости, восхищения, удивления и т. п., эмоциональными всплесками, повышает эмоциогенность той или иной речевой ситуации.

Частица *же*

Участвуя в реализации эмотивной функции, частица *же* (*ж*) (совместно с другими средствами: лексическими, синтаксическими, интонационными) создает условия для выражения полноты, исчерпаемости признака (положительного или отрицательного), проявления скрытых смыслов осуждения/одобрения (огорчения, сожаления, недовольства, обиды, удивления, восхищения, восторга и др.). Например: – <...> *Вот вы увидите, вот он сейчас начнет, и прекрасно начнет* <...> *Вот-вот* <...> *начал же* (радость, восторженность от своей правоты) [с. 81]; – <...> *мне она обещала, что сегодня у себя вечером скажет последнее слово* <...> *Так смотри же, знай* (предупреждение, скрытая угроза) [с. 54]; – *Дает же бог такие смерти людям, а нам таки нет!* (восхищение) [с. 543]; – *До семидесяти пяти тысяч добирается, что ли?* <...> *вы это хотели сказать? Не запирайтесь* <...> *Довольно! Надо ж и вам вздохнуть!* (укор, сожаление) [с. 182]; – *Как, я срамлю тебя, молокосос! Тебя? Я честь только сделать могу тебе, а не обесчестить тебя!* <...> – *Туда же о чести!* (ярость, злость) [с. 497]; – *Он говорил, что этот вот кривляка, твой-то хозяин... тому господину статью поправлял* <...> *Что ж ты молчишь* <...> – *Что же* <...> *я уж вижу, что он поправлял* (пренебрежение, безразличие) [с. 315]; – <...> *и не бывать ей за тобою, пока я на свете живу! Слышал?* <...> *Заруби же* (угроза) [с. 343]; – *Да он сейчас застрелится, что же вы! Посмотрите* <...> *ведь он сказал, что на восходе солнца застрелится, что же вы!* (возмущение, страх, испуг, негодование) [с. 441]; – *Князь* <...> *кто же другой-с?* <...> *не генерала же, наконец* <...> (ехидство, ирония, сомнение в названном субъекте) [с. 471].

Удаление частицы из высказываний в ряде случаев не приводит к изменению смысла (ослабевают только эмоциональность): – *Ну да, ум главное!* <...> *смешной /же/ ты человек, Гаврила Ардалионыч!* [с. 58]; – *Ну /же/, ну!* <...> *да ну /же/! О, господи* <...>! *Да ну /же/... Пентюх /же/ ты, князь после этого!* [с. 132].

Вместе с тем удаление частицы из высказывания может привести не только к ослаблению эмотивной функции, но и к изменению смысла. Например: – *Он говорил, что этот вот*

кривляка <...> *тому господину статью поправлял* <...> *Что же ты молчишь?* <...> – *Что /же/ я уж вижу, что он поправлял* (что же – ну и что; что из того; подумаешь и др. – Что? (не понял сначала); что я уж вижу (это я сам вижу) и др.) [с. 315].

Частица *же* (*ж*) контактирует со многими словами: глаголами (служит для подчеркнутого побуждения, привлечения внимания, угрозы и др.: *Заруби же!*; *Смотри же!*); существительными (с оценочным значением: *Пентюх же ты...*), прилагательными, наречиями и местоименными словами, участвующими в выражении эмоций вместе с интонацией и др.: «*Сами же вы меня за угадчика считаете...; Смешной же ты...; Да как же это; Туда же о чести!*») и др.

Таким образом, частица *же*, придавая отдельному слову или высказыванию большую выразительность или убедительность, увеличивает их смысловую и эмоциональную весомость, побуждает собеседника к ответу, разъяснению.

Близкими к частице *же* чертами обладает и частица *-то*.

Частица *-то*

Выполняемая частицей *-то* эмотивная функция как бы накладывается на исконную функцию выделения содержания того слова, к которому частица относится. Она актуализирует разные эмоциональные значения, важнейшими из которых являются:

а) значение осуждения, граничащее с досадой, разочарованием, негодованием и др.: – *Хе! Денег что, должно быть, даром переплатили, а мы-то им здесь верим* <...> [с. 31]; – *Два слова* <...> *не болтайте* <...> *Хоть сегодня-то, по крайней мере, удержитесь* [с. 119]; – <...> *Они говорят, что вы по-молвились с Ганькой! С ним-то?* [с. 141]; – *Ну, старшая, пошла! Вот это-то в ней и скверно* [с. 147]; – <...> *А заметили вы, что она сама ужасно неловка и давеча в иные секунды конфузилась? Право. Вот такие-то и любят властвовать* [с. 153]; – *Что ты на стены-то лезешь* <...> [с. 572]; – <...> *И целые-то пять лет я так форсила! Нет, уж лучше на улицу, где мне и следует быть!* [с. 190]; – *Ну, что ты наделал теперь!* <...> *Сраму-то, сраму-то!* [с. 499];

б) значение удивления действием (поступками, мыслями, желаниями, оценкой и др.) объекта, граничащее с недоумением: – *Ну вот теперь с шубой идет! Шубу-то зачем несешь? Ха-ха-ха! Да ты сумасшедший, что-ли?* [с. 128]; – *Чем жить-то будешь, коли уж так влюблен, что рогожинскую берешь, за себя-то, за князя-то?..* – *Я вас честную беру* <...> – *Это*

я-то честная? [с. 191]; «Вот их десять тысяч, а их никого не казнят, а меня-то казнят!» [с. 92];

в) значение восхищения, восторга, одобрения: – Ого! <...> да ведь это пропись! Да и пропись-то редкая! Посмотри-ка, Ганя, каков талант! [с. 58]; – Как она в рожу-то Ганьке плюнула. Смелая, Варька! [с. 147];

г) значение сомнения в названном признаке, граничащее с изумлением, удивлением, утверждением противоположного значения: – Да неужели же ни одного между вами не найдется, чтобы эту бесстыжую отсюда вывести! <...> – Это меня-то бесстыжею называют <...> а я-то как дура приехала их к себе на вечер звать! [с. 143]; – И что в них, в умных-то? Все ростовщики, все сплошь до единого! [с. 161];

д) значение осуществленного ожидания, граничащее со снятием эмоционального напряжения: – А-а-а! Вот и развязка! Наконец-то! [с. 183]; – Наконец-то удалось войти [с. 129] и др.

В высказываниях, находящихся в зоне действия эмотивной функции, частица *-то* выступает в роли интенсификатора, акцентирующего отступление признака от некоторой нормы. Исключить частицу из таких высказываний без изменения содержания возможно, но только в устной речи, где будет компенсация интонацией, а в письменной – нельзя («это меня/-то/ бесстыжею называют! И что в них, в умных/-то/!»).

В ряде случаев удалить частицу без изменения содержания высказывания не представляется возможным, поскольку она – элемент синтаксической конструкции (получается, что удаление невозможно, если частица входит в состав устойчивых сочетаний): – Чего вы с ума [-то] сошли [с. 526]; – Наконец, ее отрепья стали уж совсем лохмотьями, так что стыдно было показаться в деревне <...> Вот тут [-то] (в деревне (?), в этом месте, здесь (?), в этом случае, при этих обстоятельствах, усиление признака (?)), особенно дети <...> стали дразнить ее и даже грязью в нее кидали [с. 96]; – Не тут [-то] было-с... [с. 288]; – Стало быть, все-таки ночевал же сегодня? – ночевал [-то] он ночевал... [с. 623]; – Ну вздор! – крикнула Варя <...> – пьяная история, больше ничего. И кто это выдумал? Лебедев, князь... сами [-то] они хороши; ума палата <...> [с. 492].

Частица *что за*

Частица *что за* выражает различные эмоциональные значения: восхищение, возмущение, осуждение, ярость и др. На-

пример: «–О, я бесчестен! <...> какими же глазами буду я смотреть теперь всю жизнь на этого человека! О, что за день! (негодование, сожаление, уничижение) [с. 257]; **Что за милый он человек, Аглая!** (восхищение) [с. 367]; – <...> Ведь не господина же Бурдовского мне заподозрить, *хе-хе-хе!* – Ну вот, вздор какой! – Не генерала же, наконец, *хе-хе-хе?* – **Что за дичь!** (возмущение, гнев) [с. 471].

В структурах фразеологизированного типа с помощью сочетания *что за* выражаются сильные эмоции: **Что за прелесть!** **Что за чудо!** (восхищение, изумление, радость, восторг), **Что за вздор!** **Что за чушь!** **Что за бред!** **Что за дичь!** **Что за комедия!** (гнев, возмущение, отвращение, неприязнь). Эта «восклицательно-вопросительная» частица [Виноградов, 1947, с. 529] является конструирующим элементом значительного количества фразеологизированных оборотов: *что за беда, что за важность, что за вопрос, что за нужда, что за черт, что за печаль* и др., значения которых свидетельствуют об эмоциональных «ресурсах» (удивления, изумления, пренебрежения, исключения и др.).

Частица *какой*

Отнесение частицы *какой* к разряду эмоциональных предполагает, что эмотивная функция, актуализация различных эмоциональных значений каких-то фрагментов текста является для этой частицы основной, а следовательно, постоянной. Например: – Ну, нет <...> и *какой, право у тебя склад мыслей!* (осуждение) [с. 53]; – Вы решительно хотите заинтересовать нас <...> и *какая торжественность!* (ехидство) [с. 94]; **Какие они на это жестокие!** **Какие у них тяжелые на это понятия!** (изумление, сожаление) [с. 96]; – <...> **Какой язык!** **Какой слог!** (восхищение) [с. 190]; – <...> **Фу, какая мерзость!** (отвращение) [с. 198]; – И *какое право имели вы!* (ярость, исступление, возмущение) [с. 298]; – Ах, *какой же вы, князь, стали!* (укоризна, осуждение, недовольство) [с. 329]; – А у вас разве были изумруды? – **Какие у меня изумруды!** (отрицание, несогласие, досада, раздражение) [с. 333]; – Ах, *какой вздор!* (негодование, возмущение) [с. 379]; – Да вот <...> был так взбешен, что хотел уже к вам завтра прислать за объяснениями. – Полноте, *какой вздор!* (отрицание, категорическое несогласие, возмущение, связанные с таким описанием) [с. 393]; – **Какие они негодяи!** (ярость, исступление) [с. 443]; – Все *прежнее?* – *какое тут прежнее!* (досада, отрицание, раздражение по поводу сказанного) [с. 490];

– <...> уж вам-то особенно стыдно <...> да еще на вашем месте. – <...> **Какое такое мое место, сударыня! Я вас очень уважаю, вас именно, лично, но...** (возмущение, удивление, несогласие по поводу высказанной «скрытой» оценки) [с. 497]; – <...> **какая наивность наглости!** (уничтожение, пренебрежение, ярость) [с. 495].

Таким образом, с помощью лексемы *какой*: а) передается эмоциональное отношение к описываемой ситуации; б) выражаются самые сильные эмоции (гнев, ярость, восхищение, восторг, бешенство и др.); в) актуализируются различные смыслы (осуждения/одобрения, похвалы/порицания; удивления, изумления, граничащие с недоумением, оценкой и др.; сомнения в названном признаке, граничащие с несогласием, протестом, утверждением противоположного мнения и т. д.) и др.

Исключить такую частицу из высказываний невозможно, поскольку эмоциональные, скрытые, но важные для общения смыслы исчезнут.

Являясь речевым средством выражения интенсификации эмоционального признака, повышая воздействующий стилистический эффект, частица *какой* приобретает статус усиленной, эмоциональной частицы, характеризующейся разным интонационным рисунком (приподнятый, восходящий, плавный, восходяще-нисходящий).

В реализации эмотивной функции участвуют и другие частицы (*как, ан, просто, прямо, ай да, разве, неужели, еще, куды, кабы* и др.), которые «в определенных синтаксических условиях, реализуя свое особое лексическое значение, актуализируют смысловую и эмоциональную выразительность высказывания в целом или его частей» [Ляпина, 1993, с. 82]. Например: – *Из-за границы, что ль?* – *Да, из Швейцарии.* – *Фью! Эк ведь вас!* (изумление) [с. 30]; – *Как вы смеее так обращаться ко мне?* (возмущение, негодование, высокомерие) [с. 593]; – *Тьфу тебя!* <...> *Вечная память покойнику, а чуть меня тогда до смерти не убил!* (восторженность, восторженное облегчение, почтение) [с. 35]; – *Да ведь не знаешь!* <...> – *Ан и знаю!* <...> *Ан, может, и знаю-с!* <...> *Ан та самая Настасья Филипповна и есть* <...> (несогласие, граничащее с радостью, утверждением противоположного) [с. 37]; – *Что же кричит?* – *Куды!* (отрицание, граничащее с сожалением, жалостью) [с. 46]; – *Я ведь не отказываюсь* <...> – *Еще*

бы ты-то отказывался! (досада, раздражение, негативная оценка, ирония) [с. 54]; – *Удивительное лицо!* <...> *Ах, кабы добра!* (желание, граничащее с восхищением) [с. 61]; – *Этакая сила!* (восхищение) [с. 107]; – *А вам и не стыдно!* *Разве вы такая, какую теперь представляетесь. Да может ли это быть!* (укоризна) [с. 144]; – *Каков урок!* (восхищение) [с. 147]; – *И неужели ты с такими отпавиться хочешь, хошь и за сто бы тысяч!* (изумление) [с. 189]; – *Да и куда тебе жениться, за тобой за самим еще няньку нужно!* (уничтожение, ирония) [с. 191]; – *Ай да последний в роде князь Мышкин!* (восторг, восхищение) [с. 193]; – *Экая мне беда какая* <...> *вот испугал-то!* (пренебрежение) [с. 235]; – *Без сомнения, это должно было его поразить* <...> – *Именно, именно! Он хотел привлечь бояр!* (восторженность) [с. 518]; – *То-то ты в отставку заблаговременно вышел, хитрец!* (ехидство, ирония) [с. 374]; – *Да <...> вас, стало быть, Настасья Филипповна тотчас же и пригласила к себе?* – *То-то и есть, что нет* (сожаление, горечь) [с. 160]; – *Поди считайся с ней после этого!* (разочарование, огорчение) [с. 503]; – *Но ведь вы меня подвергаете...* – *Чему? Невинный простофиля! Точно даже и не мужчина!* (гнев, пренебрежение, уничтожение) [с. 347].

Таким образом, в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» частицы являются активным выразителем скрытых (субъективных) и явных (объективных) смыслов эмоционального воздействия и актуализации их качества, участвуя тем самым в реализации эмотивной функции. Частицы помогают чутко уловить в различных фрагментах текста самые разнообразные эмоциональные всплески, «оттенки и повороты движений и настроений в момент “говoreния”»: спокойную рассудочность и незащищенную открытость, уверенную собранность и встревоженную растерянность, суетливую торопливость и умиротворенную поучительность, состояние иступления и мудрое “благолепие” и “неравнодушно” отозваться на изображение этого мира» [Иванчикова, 1979, с. 250].

Эмотивная функция частиц являет «те дополнительные к выражению основного номинативного, предметно-логического и грамматического значений свойства, которые ограничивают возможности употребления единицы определенными сферами и условиями общения и тем самым несут стилистическую информацию» [Кожина, 1977, с. 27].

3.5. Аксиологическая (оценочная) функция частиц

Аксиологическая функция проявляется в многообразии интонаций, богатстве и активности оценочно и эмоционально окрашенной лексики и фразеологии, субъективно-оценочных словообразований, системы субъективно-оценочных аффиксов и лексико-синтаксических структур, междометий и междометных фраз, фраз-повторов, оценочно и эмоционально окрашенных синтаксических конструкций с частицами и т. д. Эмоциональность и оценочность часто выражаются одними и теми же показателями. Тем не менее они различаются и могут быть описаны отдельно.

Под эмоциональностью понимается выражение душевного переживания, волнения (чувства и эмоции) говорящего, которая создается разными средствами (или комплексом средств): интонацией, различными графическими знаками и порядком слов, восклицательными и вопросительными предложениями, отдельными разрядами слов (например, междометиями и частицами), которые выражают «чистые» эмоции: радость, удивление, испуг, страх, горе, ужас, тоску и др. Обнаружить собственно эмоциональные слова (а также проявление эмотивной функции) достаточно сложно, поскольку очень часто на выражение тех или иных чувств, эмоций наслаивается оценка. В то же время оценочные слова (средства, участвующие в реализации аксиологической функции) обычно эмоциональны.

Частицы достаточно регулярно употребляются Достоевским в высказываниях оценочного характера, включаясь в реализацию аксиологической функции. Например:

а) положительная, позитивная, высокая оценка: – *Ого! да <...> вы, батюшка, не просто каллиграф, вы артист <...>* [с. 59]; *<...> эдакой шрифт ни с чем не сравним* [с. 59]; *Эта младшая была даже совсем красавица <...>* [с. 41]; *А ведь я хорошо говорю* [с. 46]; – *<...> Вот в этом у меня, пожалуй, и талант; в этом я просто каллиграф* [с. 53]; *Вот меня считают за идиота, а я все-таки умный <...>* [с. 102];

б) отрицательная, негативная, низкая оценка: – *Не знаю <...> только мне показалось, что в нем много страсти, и даже какой-то большой страсти* [с. 57]; – *Вероятно, одно только безобразие* [с. 55]; *<...> или князь так какой-нибудь потаскун <...> или князь просто дурачок <...>* [с. 44]; *Частые припадки его болезни сделали из него совсем почти*

идиота [с. 52]; – *Ну да; не нравится мне этот ваш Фердыщенко: сальный шут какой-то* [с. 60].

Оценочное значение высказывания создается в первую очередь знаменательными словами, частицы же с усилительным, вопросительным, указательным и другими значениями лишь включаются в создание оценочности, оказываясь при этом в зоне вечно «воюющих» за свое лидерство категорий экспрессивности, эмоциональности и оценочности, которым в современных лингвистических исследованиях придается не только традиционный стилистический, но и языковой статус [см., например: Шаховский, 1984; Телия, 1986; Арутюнова, 1988].

Среди высказываний с оценочным значением выделяются два типа: 1) коммуникативной целью является именно оценка (оценочность затушевывает другие значения) и 2) оценка только окрашивает основное содержание (эмоциональности, бытийности, отрицательности и др.). Например: *Вот он умный!* (коммуникативной целью является выражение оценочности); *Вот молодец!* (оценка окрашивает основное (эмоциональное – восхищение) содержание).

Частицы достаточно свободно включаются в стандартные типы оценочных высказываний, повышая стилистический эффект («порождение индивидуальных ассоциаций» [Скребнев, 1975, с. 27], «степень выражения эмоций, оценки действий, состояний и т. п.» [Ярнатовская, 1982, с. 159], «реакцию получателя информации на использование в речи с определенными стилистическими целями языковых средств» [Болдырева, 1968, с. 442] и др.):

<i>Вот молодец! Какой молодец! Ну и молодец! А молодец же! Что за молодец! И ведь молодец!</i>	<i>Вот болван! Какой болван! Ну и болван! А болван же! Что за болван! И ведь болван!</i>
--	--

В данных примерах оценочность только окрашивает основное эмоциональное содержание (восхищение, удивление, восторг, радость (+), негодование, недоумение, огорчение (–) и др.), которое выражается не только с помощью восклицательной интонации, позитивным или негативным оценочным значением слов, но и с помощью элементов «с размытой семантикой, значениями неясными и неопределенными» [Николаева, 1985, с. 14]. По всей видимости, коммуникативное намерение (одобрение/неодобрение, похвала/порицание) «участвует в заполнении лексической “пустоты” и неясности значения ча-

стицы. Без соответствующих частиц эти добавочные значения исчезают» [Маркелова, 1995, с. 88]: *Молодец!* – *Болван!*

Одна и та же частица может включаться в выражение как положительных (+), так и отрицательных (–) оценок. В то же время некоторые местоименные частицы (например, *какой-то*) демонстрируют в романе способность к усилению (или смягчению) только негативной оценки. Объяснение такого «тяготения» нам представляется следующим.

По наблюдениям Е. А. Стародумовой, у местоименной частицы *какой-то* есть два партикулярных значения, одно из которых – обозначение неясности, приблизительности выражения, другое – выражение отрицательного отношения к объекту оценки (путем намека или подчеркивания такого отношения) со стороны говорящего [Стародумова, 2002, с. 152–153], которая (оценка) сформирована двумя видами: 1) оценкой по отношению к норме (ситуативное и актантное несоответствие прескрипционной норме) и 2) оценкой совместимости с действительностью (недоопределенность в описании ситуаций, состояний и явлений, вызванная **сомнением** и **неуверенностью** в достоверности знания). Отмеченные семы (несоответствие, сомнение, неуверенность), на наш взгляд, уже снижают оценку, поэтому лексема *какой-то* несет «отрицательный заряд». Однако это вовсе не означает, что частица *какой-то* (или *какой-нибудь*) склонна только к негативной оценке (ср.: *Написал рассказ за каких-то (каких-нибудь) два дня* – указание на незначительность и приблизительность количества [+] – «быстро»). Одна и та же частица способна участвовать в выражении как отрицательных, так и положительных оценок.

Высказывания с частицами располагаются на концах шкалы оценок, что соответствует смыслам «вполне хорошо/плохо», «очень хорошо/плохо». В основе аксиологической функции частиц, поддерживаемой интонацией и ударением, словарным значением противопоставленности, ограничительности, указательности и т. д. (то есть другими стилистическими функциями: акцентирующей, воздействующей, эмотивной и др.), лежит намерение говорящего выразить те или иные «эмоциональные» оценки, вызвать у слушающего определенную реакцию (одобрение или неодобрение, согласие или несогласие и т. д.), повлиять на мотивы его поведения и др. Как отмечает Т. В. Маркелова, «семантические функции, вносимые частицей в высказывание, корректируются признаковым

характером оценочных высказываний, который в коммуникации всегда тяготеет к взаимодействию с окружающими высказываниями, связан с предупоминанием, противопоставлением и т. д. Чаще всего такая коррекция наблюдается в структуре диалогического единства, в разговорной речи» [Маркелова, 1995, с. 89]: – *А ты откуда узнал, что он два с половиной миллиона чистого капитала оставил? <...> ишь ведь! <...> и что только им от этого толку, что они прихвостнями тотчас же лезут? <...> Вишь! Да ведь не дам <...>* [с. 34].

Сочетания частиц: просторечной *ишь* – с функцией привлечения внимания к объекту оценки, недоумения по поводу собственной оценки, разговорной *ведь* – с функцией усиленного удивления, переходящего в изумление, нейтральной *только*, фокусирующей внимание на ограничительное подчеркивание, нейтральной *же*, повышающей смысл сказанного, – формируют скрытый смысл оценочного высказывания, «высказывание-тень» [Николаева, 1985, с. 15].

Из широкого круга оценочных конструкций можно выделить частицы, чаще всего включающиеся в создание оценочности: первообразные: *вот, ведь, же, -то, ни, только, неужели*, местоименного происхождения: *какой* (-то, -нибудь), *что за, эдакий*, наречного происхождения: *уж, просто* и др. Преобладание частиц с усилительным, указательным, вопросительным, выделительным и другими значениями «характеризует оценочный фрагмент языковой картины мира» [Маркелова, 1995, с. 89].

Покажем роль отдельных частиц в выражении оценки.

Частица *вот*

В оценочных конструкциях частица *вот* может употребляться не только самостоятельно, но и в сочетании с другими частицами, сохраняя при этом практически всегда свое базовое значение указательности, свидетельствующее об отношении элементов текста друг к другу. Вместе с тем наличие частицы *вот* в высказывании говорит об оценочном отношении говорящего к ситуации в целом или к объекту ситуации. Например:

1. Положительная оценка: – *А почерк превосходный. Вот в этом у меня, пожалуй, и талант <...>* [с. 53]; – *Вот это хорошо!* [с. 357]; – *Вот <...> знающий человек все здесь пересмотрел; дрянь, говорит, а вот эта <...> не дрянь* [с. 242]; – *Вот это лучше будет <...>* [с. 83].

2. Отрицательная оценка: – *<...> Вот мы и в дурах <...>* [с. 103]; – *Ну <...> Вот это-то в ней и скверно* [с. 147];

– **Вот** он, низкий и ехидный человек <...> [с. 158]; – <...> дальше такого мизера с человеческой душой вообразить невозможно. Ты знаешь ли, что такое слово «мизер»? Ну, так **вот** он самый мизер и есть [с. 222]; – Да <...> **вот** это так уж низость [с. 219]; <...> «Ты под венец со мной обещалась, в честную семьюходишь, а знаешь, ты теперь кто такая? Ты, говорю, **вот** какая!» [с. 234].

Усиление качества оценочного признака реализуется в высказываниях-штампах, стандартных выражениях (*Вот беда! Вот прекрасно! Вот это хорошо!* и др.): – Я бы Ганьке все простил, если бы он по любви; да зачем он деньги берет, **вот** беда! (–) [с. 146]; – Да вы его у нас, пожалуй, так захвалите! <...> Не бессердечный-то пожалуй, да плут, **вот** беда <...> (–) [с. 223]; – <...> нация ничего не признает из того, что сделано помещиками и семинаристами, ни теперь, ни после... – **Вот** это хорошо! (+) [с. 357].

В высказываниях оценочного характера частицу нельзя опустить, так как это может привести к изменению содержания. Ср.: – [**Вот**] в чем беда <...> вы хотите подождать, пока они разойдутся <...> [с. 393]; – [**Вот**] твоя мерзкая шляпенка, идем! [с. 347]; – [**Вот**] так девушка! [с. 143]; – Этого я не ожидала от тебя <...> но от тебя-то я таких слов не ожидала! Я думала другое от тебя будет. Я бы тех всех вчерашних прогнала, а его оставила, [**вот**] он какой человек! [с. 576]; – <...> «Ты под венец со мной обещалась, в честную семьюходишь, а знаешь, ты теперь кто такая? Ты, говорю, [**вот**] какая!» [с. 234].

В других же случаях в высказываниях с оценочными словами изъятие частицы в принципе возможно. «Для этого существует два основания: во-первых, позиция оценочного предиката, приписывающего признак положительному или отрицательного отношения к субъекту, не названному в высказывании, требующая указания, подчеркивания регулярности этой признаковости; во-вторых, необходимость качественного усиления, невозможная при употреблении оценочной лексики в позиции подлежащего» [Маркелова, 1995, с. 90]: – <...> [**Вот**] такая тварь так тотчас же и повиснет! [с. 36]; – А почерк превосходный. [**Вот**] в этом у меня, пожалуй, и талант (с. 53); – [**Вот**] мы и в дурах <...> [с. 103]; – [**Вот**] прекрасно! [с. 174]; – [**Вот**] <...> добрый человек! [с. 196]; – Я бы Ганьке все простил, если бы он по любви; да зачем он деньги берет, [**вот**] беда! [с. 146]; – Вот что <...> попробуй-

ка, скажи: [**вот**] красавица... ведь ты мертвый, отрекомендуйся мертвецом <...> [с. 321].

Включаясь в реализацию аксиологической функции, частица *вот* способствует передаче скрытой эмоциональности одобрения/неодобрения, похвалы/порицания. Например:

1. Положительная оценка; одобрение, похвала: – **Вот** это так королева! [с. 201] ([+], восторг, восхищение); – **Вот**, наконец, умное и благородное слово умного и благороднейшего человека! [с. 296] ([+], восхищение, умиление); – **Вот** <...> добрый человек! [с. 196] ([+], умиление, восхищение); – <...> **Вот** эти-то не струсят, ей-богу! [с. 385] ([+], восхищение, гордость, категоричность утверждения); – <...> а **вот** он сегодня письмо получил от одного из них, от самого главного, угреватого <...> [с. 362] ([+], чувство гордости, радости, восторженности).

2. Отрицательная оценка; неодобрение, порицание: – <...> **Вот** удовольствие иметь дело с таким... бестолковым человеком, как вы! [с. 547] ([–], негодование); – **Вот** он, низкий и ехидный человек <...>! [с. 158] ([–], возмущение, негодование); – **Вот** твоя мерзкая шляпенка, идем! [с. 347] ([–], ярость); – Ну **вот**, вздор какой! [с. 471] ([–], возмущение).

Таким образом, включаясь в реализацию аксиологической функции, частица *вот* в высказываниях с оценочным значением выполняет важные стилистические задачи, формирующие скрытые смыслы, порождающие индивидуальные ассоциации, актуализирующие указательность на оценочный признак конкретного объекта оценки и др.

Для других частиц в основном характерны те же тенденции, что и для частицы *вот*.

Частица *же*

Основная функция частицы *же* в высказываниях с оценочным значением – подчеркивание исчерпанности, полноты проявления оценочного признака. В большинстве случаев это создается контекстуальным окружением – лексическим наполнением, регулярностью употребления междометий и других частиц для актуализации смысла, интенсификации оценки, повтором и др. Включаясь в создание аксиологической функции, частица *же* актуализирует различные отношения к той или иной ситуации. Например:

1. Отрицательная оценка: – <...> Ну, бесстыдник же ты! [с. 190]; – Он сумасшедший? <...> Пьян, может быть? Не красива же твоя компания <...> [с. 269]; – Ну же, ну! <...>

да ну же! О, господи <...>! Да ну же... Пентюх же ты, князь, после этого [с. 132].

2. Положительная оценка: – Да ведь это лучше же <...> [с. 126]; – Ваш дядя <...> не бессердечный же человек <...> [с. 223]; <...> если я и виновен, то ведь не совершенно же [с. 177].

Включение частицы *же* в оценочное высказывание создает условия для выражения скрытых смыслов осуждения либо похвалы (одобрения/неодобрения) в зависимости от контекста и речевой ситуации. Контактируя с местоименными словами, участвующими вместе с интонацией в выражении оценки, частица *же* как бы «оттеняет» их определительно-оценочное значение: – Но какой же вы утонченный человек, Афанасий Иванович, так даже меня дивите! [с. 171] ([+], удивление, восхищение); – <...> Но какое же тонкое замечание ее насчет мундира-то <...> [с. 381] ([+], удивление, восхищение); – <...> О, какой же вы маленький ребенок, Лизавета Прокофьевна! [с. 346] ([+], умиление); И какой же, однако, гадкий и несговорливый прыщик этот давешний племянник Лебедева! [с. 253] ([–], отвращение, негодование); – <...> какими же глазами буду я смотреть теперь всю жизнь на этого человека! [с. 257] ([–], негодование, уничижение); – Ах, какой же вы, князь, стали! [с. 329] ([–], разочарование, досада).

Частица -то

Близкими к частице *же* чертами обладает и частица *-то*. Выполняемые ею в оценочных высказываниях функции (подчеркивание, выделение содержания того слова, к которому частица относится) как бы накладываются на основное содержание (оценочное, эмоциональное и др.), актуализируя: а) **оценочное содержание с помощью восклицательной интонации, позитивного или негативного оценочного значения слов:** – Да и как глупо-то было бы! [с. 198] ([–]); Через час выходит <...> сумрачная. «Я, говорит, пойду за тебя <...> и лучше-то <...>» [с. 236] ([+]); б) **создаваемое контекстом значение неодобрения:** – Ну что ты наделал <...> Сраму-то, сраму-то! [с. 499] ([–], осуждение, досада, уничижение); – Не с этим ли Павлицевым история вышла какая-то... странная <...> – <...> да-с, вот-с превосходнейшие-то люди наши и достойнейшие-то! [с. 563] ([–], осуждение); – <...> Демократ какой-то непозволительный, даже и чинишка-то нет <...> [с. 528] ([–], уничижение, пренебрежение); в) **значение удивления оценкой объекта, граничащее с недоумением:**

– Что такое <...> Во сто тысяч меня оценил! <...> – Настасья Филипповна, полно <...> уж коли тебе так тяжело от них стало, что смотреть-то на них! И неужели ты с таким отправиться хочешь, хошь и за сто бы тысяч! <...> А ты сто тысяч-то возьми, а его прогони <...> что в самом-то деле! [с. 188] ([–], изумление); г) **сомнение в названном признаке, утверждение противоположного значения:** – Да что ты орешь-то! <...> Это в этой-то пачке сто тысяч? <...> Да неужто же мне его загубить было? <...> Лучше теперь одуматься, чем потом <...> Этак-то лучше <...> не клянись <...> Да и глупо-то было бы! <...> [с. 198] ([+] > [–]).

Частица ведь

Частица *ведь* используется в высказываниях с оценочным значением для подчеркивания категоричности в оценке, утверждения оценки, усиления смысла сказанного, выражения сильных эмоций. Например: – И добро бы я сам был влюблен тогда? А то ведь простая шалость, из-за простого волокитства, не более [с. 180]; – Правда, Катя,пусти их всех тотчас же. – Неужто... всех-с <...>? Совсем ведь безобразные. Страсть! [с. 183]; – С ума сошла, с ума сошла! <...> – Не... не... связать ли <...> Сумасшедшая? Ведь сумасшедшая <...> [с. 199]; – Ну, довольно <...> раскричался! <...> Ведь он у нас преначитанный <...> [с. 222]; – Ардалион Александрыч <...> все мы грешны <...> Я ведь еще, может, сама тебя в пятьдесят раз грешнее <...> [с. 271]; – <...> Ведь тут что ни слово, то клевета <...> [с. 295].

При этом частица нередко сопровождается фразами-тенями, скрытыми смыслами одобрения/неодобрения, похвалы/порицания. Например:

1. [–], неодобрение, порицание: – А я, брат, продолжаю не постигать <...> Какое же тут бесчестье <...>! Неужели и то, что она с Тоцким была? Но ведь это такой уже вздор, при известных обстоятельствах особенно! [с. 54] ([–], возмущение); – Просил у вас отец денег? <...> Будет, не давай-те. А ведь был даже приличный человек <...> [с. 151] ([–], разочарование, сожаление); – Правда, Катя,пусти их всех тотчас же – Неужто... всех <...> Совсем ведь безобразные [с. 183] ([–], возмущение); – <...> Что такое, генерал? Неприлично, что ли? <...> так ведь это все дурь меня доехала! [с. 188] ([–], уничижение); – <...> Я бы замуж давно могла выйти, да не то что за Ганечку, да ведь очень уж тоже мерзко [с. 190] ([–]); – <...> Ну, какая я тебе жена после этого? <...>

я гулять хочу, я *ведь* уличная! [с. 197] ([–], показная бравада с оттенком сожаления, горечи, самобичевание); – Ну довольно <...> *раскричался!* <...> *Ведь он у нас преначитанный* <...> [с. 222] ([–], ирония); – <...> *Ведь тут что ни слово, то клевета* [с. 295] ([–], осуждение); Гм! Спокойна, как дура, и *ведь* уж совершенно «мокрая курица», растолкать нельзя, а грустит, совсем иной раз грустно смотрит! [с. 353] ([–], недоумение с раздражением); – *Ведь это даже стыдно!* [с. 410] ([–], осуждение).

2. [+], одобрение, похвала: – <...> *неужели я бросал сейчас жребий?* <...> *Но ведь это удивительная психологическая черта!* [с. 410] ([+], изумление с восторженностью); – *Вот они все так!* <...> *думают, что я... не знаю? Да ведь я гораздо больше их знаю* [с. 148] ([+], самовосхваление, восторженность); – <...> *говорю теперь, а сам думаю: «А ведь я хорошо говорю»* [с. 46] ([+], самовосхваление, гордость, восторженность); – Но <...> человек, который знает наверно, что ему остается десять минут, и говорит так, – *ведь это гордо! Ведь это высшая независимость собственного достоинства, ведь это бравировать прямо...* [с. 465] ([+], восхищение, восторженность); – Мне кажется <...> *ведь я ничего не нахожу дурного в том, что он так думал* <...> *это ведь очень хорошие чувства* <...>! [с. 452] ([+], восторженность); И какой экипаж <...> *ведь это шик* <...>! [с. 340] ([+], восхищение).

Частица *даже*

Частица *даже* в оценочных высказываниях может употребляться как самостоятельно, так и в сочетании с другими частицами, практически сохраняя во всех случаях свое базовое значение подчеркивания неожиданности, свидетельствующее об отношении элементов текста друг к другу: – *Не знаю, как вам сказать* <...> *только мне показалось, что в нем много страсти, и даже какой-то большой страсти* [с. 57]; *Лизавета Прокофьевна становилась с каждым годом все капризнее и нетерпеливее, стала даже какая-то чудачка...* [с. 62]; – <...> *Для вас же, князь, это даже больше, чем клад...* [с. 60]; *В последние два года* <...> *она становилась ужасно бледна и – странно – даже хорошела от этого* [с. 69]; – *Хорош, да уж простоват слишком* <...> – *Да, уж что-то слишком* <...> *так что даже и смешон немножко* [с. 104–105]; *Эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота!* [с. 107].

Включение частицы *даже* в оценочные высказывания свидетельствует о выполнении ею важных стратегических задач, формирующих скрытые смыслы-оценки, повышающих стилистический эффект, воздействующую силу оценочных высказываний и др. С участием частицы могут передаваться различные оценки (затушевывающие или окрашивающие основное содержание). Например:

1. [–], неодобрение, порицание: – <...> *католичество римское даже хуже самого атеизма, таково мое мнение!* [с. 564] ([–]); *Вы меня даже хорошим подлецом не удостоили счесть* [с. 152] ([–], негодование); – <...> *Все они теперь у меня такие, даже эта мокрая курица, Александра* <...> [с. 345] ([–], негодование, уничижение); – *Вот твоя мерзкая шляпенка, идем! Фасону даже не умел со вкусом выбрать!* [с. 347] ([–], негодование, возмущение, подчеркивание несуразности); – *Но ведь вы меня подвергаете...* – *Чему? Невинный простофиля! Точно даже и не мужчина!* [с. 347] ([–], негодование, ярость, уничижение); – *Ведь это даже стыдно!* [с. 410] ([–], осуждение).

2. [+], одобрение, похвала: – *Знаете, по-моему, быть смешным даже иногда хорошо, да и лучше* <...>! [с. 75] ([+]); – *Что превосходнейший человек, то вы правы* <...> *это был человек прекрасный!* <...> *Достойный даже* <...> *всякого уважения* <...> [с. 563] ([+], восхищение); *Это первое впечатление его было даже очаровательное* [с. 554] ([+]); – <...> *а между тем это был самый целомудренный человек* <...> *Это был даже замечательный ученый* <...> [с. 298] ([+], восхищение, подчеркивание исключительности); – *Да, может, здесь точно такой же есть?* – *Даже лучше, даже лучше* <...> [с. 264] ([+]); *Эта младшая была даже совсем красавица* <...> [с. 41] ([+], восхищение); – *Честнейшего* <...> *благороднейший князь* <...> *За это-то я и предан вам даже до обожания* <...>! [с. 513] ([+], умиление); Он <...> *даже кашляет втрое меньше* [с. 563] ([+], интенсификация, положительная динамика, радость).

Особое место среди частиц, включающихся в реализацию аксиологической функции, занимают частицы местоименного происхождения *какой*, *что* *за*, *каков*, которые акцентируют оценочное значение, участвуют в формировании скрытых смыслов как положительной, так и отрицательной оценок ([+], одобрение, похвала; [–], неодобрение, порицание).

1. [+], одобрение, похвала: – *А какие, однако же, вы храбрые...* [с. 89] ([+], восхищение); – <...> *В этом доме... какой великолепный подъезд!* [с. 162] ([+], восхищение); ...*А какое*

симпатичное, **какое** милое лицо <...> **Какое** невинное, **какое** почти детское выражение и **какой** почти детский смех! [с. 253] ([+], восхищение, умиление); – <...> **какая** милая девушка! [с. 269] ([+], восхищение); – **Экая** прелесть **какая**! [с. 278] ([+], восхищение); **Какая** славная... [с. 464] ([+], восхищение); <...> **какая** плотная, славная бумага... **И** **какой** славный у вас кабинет! [с. 53] ([+], восхищение); – **Каков** талант! [с. 58] ([+], восхищение); – Слава богу <...> Ганя сконфужен и очень задумчив. Да и есть о чем. **Каков** урок! [с. 147] ([+], злорадство, радость); – А сдержал-таки слово, **каков**! [с. 188] ([+], восторг); – <...> **Что** за милый он человек, Аглая! [с. 367] ([+], радость, умиление, восхищение).

2. [–], неодобрение, порицание: **Какая** грустная и несчастная мысль! [с. 94] ([–], горечь, сожаление); **Какие** они на это жестокие! **Какие** у них тяжелые на это понятия! [с. 96] ([–], горечь, сожаление); – Фу, **какая** скверная комната <...> [с. 119] ([–], презрение, отвращение); – Фу, **какой** он бледный!.. [с. 188] ([–], отвращение); – **Какого** “рыцаря” <...> Вздор какой-нибудь! **Какой** такой “рыцарь бедный” [с. 272] ([–], раздражение, негодование); – Ну <...> У вас пистолеты есть? – Нет, и не надо <...> – Ах, **какой** вздор! [с. 379] ([–], досада, возмущение); – **Какие** они все негодяи! [с. 443] ([–], ярость, иступление); – Все прежнее? – **Какое** тут прежнее! [с. 490] ([–], досада, раздражение); – Ипполит-то <...> **какой** он сплетник, **какой** у него нос, чтоб отыскать чутьем все дурное <...> [с. 494] ([–], уничижение, пренебрежение, отвращение, ярость); – <...> Фу, **какая** мерзость! [с. 198] ([–], отвращение); Гм... Рогожин видит во всем другие причины, страстные причины! **И** **какая** безумная ревность! [с. 255] ([–], удивление, осуждение); О, я бесчестен <...> О, **что** за день! О боже, **какой** кошмар! [с. 257] ([–], удивление, негодование, сожаление, горечь); – <...> как меня допекает ваш Ганечка; он выдумал <...> что трое-четверо умрут, пожалуй, раньше меня! **Каково**! Говорит <...> с моей стороны был один только эгоизм! **Каково**! Нет, **каков** эгоизм с его стороны! **Какова** утонченность <...> **какова** <...> воловья грубость их эгоизма <...>! [с. 542–543] ([–], возмущение, изумление); – **Что** за вздор! [с. 90] ([–], раздражение, злость); О, **что** за день! [с. 257] ([–], удивление, недоумение, сожаление, горечь); – **Что** за дичь!» [с. 471] ([–], раздражение, злость).

В романе «Идиот» Ф. М. Достоевского местоименные слова выполняют различные коммуникативные задания, обусловленные целеустановкой автора (персонажей романа). Например:

1. – Вы ли, вы ли это, Настасья Филипповна! <...> вы такая деликатная, с такими тонкими мыслями и вот! **Какой** язык! **Какой** слог! 2. – О боже, **какая** бестолковая нелепость!

Сравнивая примеры, легко можно обнаружить неоднородность семантических функций и морфологического статуса местоименных слов. В первом случае местоименное слово соотносится с оценочным прилагательным: *прекрасный, ужасный*. Выражение коммуникативной цели одобрения (+) и неодобрения (–) и скрытые смыслы (восхищения, возмущения, восторга, негодования и др.) свидетельствуют о семантическом сдвиге местоименного слова (вопросительного по природе) в сторону определительного разряда. С помощью местоименного слова говорящий акцентирует внимание получателя информации на основе того или иного отношения (положительного или отрицательного), при этом тон высказывания несколько приподнят.

Во втором случае местоименное слово соотносится с частицами (ср.: «О, боже, **какая** (вот, ведь, ну и, просто и др.) бестолковая нелепость!») и является средством выражения интенсификации оценочного признака, усиления воздействующего эффекта: похвалы, порицания, благодарности, выговора, укора и др. Местоименное слово акцентируется, добавляется иронический тон, интонация приобретает акутовый (восходяще-нисходящий) характер.

Таким образом, включение частиц *какой, что* за и др. в создание оценочности способствует усилению качества оценки (признака), возводя его в высокую степень (на шкале оценок от «крайних точек» до «ближе к центру»).

**Частицы почти (почти что),
чуть не (чуть было не, чуть ли не)**

Включаясь в реализацию аксиологической функции, частицы *почти (почти что), чуть не (чуть ли не, чуть было не)*, *практически* и другие в основном сохраняют свое базовое значение – указание на недостижение чего-либо (признака, оценки). В оценочных высказываниях романа они обладают семантической функцией неисчерпанности, неполноты положительного или отрицательного оценочного признака (уровня, степени и т. д.). Например: «*Частые припадки его болезни сделали из него совсем почти идиота* [с. 52] (оценка – уровень, степень (–) глупый, плохой); *Каково же ей было, прямо и без приготовления, услышать, что этот последний в роде князь Мышкин <...> не больше как жалкий идиот и поч-*

ти что нищий и принимает подаяние на бедность [с. 76] (оценка – уровень, степень (–) плохо, низко, неожиданно); – *Вы меня удивляете <...> Какие припадки! – О, они не повторяются так часто, и притом он почти как ребенок, впрочем образованный* [с. 77] (оценка – уровень, степень сравнения (– +), контраст: маленький, безобидный, простой (глупый, слабый и т. д.), но образованный); – *Ах, друг мой <...> я имел в виду обласкать его и ввести к нам, потому что это почти доброе дело* [с. 77] (оценка – уровень, степень участия, одобрения (+) хорошо); – *А хороша она (Аглая), князь, хороша? – Чрезвычайно! <...> почти как Настасья Филипповна, хотя лицо совсем другое!* [с. 105] (оценка – уровень, степень сравнения (+) красива, хороша); – *Денег же у меня в настоящую минуту почти ни копейки нет* [с. 39] (оценка – уровень, степень (–) мало, недостаточно, плохо); *Все три девицы Епанчины были барышни здоровые, цветущие, рослые, с удивительными плечами, с мощной грудью, с сильными, почти как у мужчины, руками...* [с. 62] (оценка – уровень, степень несоответствия (– +), контраст: **барышни** (слабые, нежные, избалованные, ухоженные, мягкотелые, к работе не приспособлены) – **«небарышни»** (мощная грудь (не большая!), сильные руки, к работе приспособлены); *Одет он был в старенький сюртучок, чуть не с продравшимися локтями, белье тоже было засаленное, – по-домашнему* [с. 121] (оценка – уровень, степень состояния, квалификация (–) неопрятно, нехорошо, неодобрительно); – *Спасибо, князь <...> меня все торговали, а замуж никто еще не сватал из порядочных людей. Слышали, Афанасий Иванович? Как вам покажется все, что князь говорил? Ведь почти что неприлично...* [с. 196] (оценка – уровень, степень соответствия общепринятым нормам (–) нехорошо, неодобрительно, недопустимо); *Какое почти детский смех!* [с. 253] (оценка – уровень, степень сравнения (+) красивое, доброе, хорошо, просто, естественно, восхитительно); – *Да чем же я виноват? <...> да сколько б я вас не уверял, что князь почти уже здоров, вы бы не захотели поверить...* [с. 269] (оценка – уровень, степень соответствия норме (+) нормально, хорошо, достаточно); – *<...> я тогда был почти идиотом <...>* [с. 298] (оценка – уровень, степень соответствия норме (–) плохо, не совсем нормально); *<...> Князь покраснел еще чуть не вдвое более...* [с. 342] (оценка – уровень, степень состояния (–) не очень нормально, нехорошо); – *Да ведь чуть было не женился? – Чуть было*

не женился... [с. 343] (оценка – квалификация деяния (–) плохо, нехорошо, опрометчиво, ошибочно); *<...> в ней очень много самолюбия и чуть ли даже не раздавленного тщеславия* [с. 489] (оценка – уровень, степень квалификации (–) плохо, неодобрительно, нехорошо); *По целым часам она поднимала князя на смех и обращала его чуть не в шуту* [с. 540] (оценка – уровень, степень состояния унижения (–) нехорошо, плохо, нетипично, неодобрительно).

Частицы участвуют в выражении скрытых смыслов осуждения либо одобрения в зависимости от контекста и речевой ситуации. Удалить частицу из высказывания без изменения смысла невозможно. Во всех случаях частицы, указывая недостижение, «недотягивание» до нормы, не содержат интенсивности «концов» шкалы оценок, а скорее соответствуют оценкам (признакам) **хорошо/плохо; нехорошо/неплохо; достаточно хорошо/достаточно плохо**. Оценочное значение высказывания создается в первую очередь знаменательными словами, частицы же со значением неполного проявления признака лишь включаются в создание оценочности.

Частицы как-то, что-то, какой-то, какой-нибудь, эдакий

Основное значение этих слов – обозначение неопределенности, неясности признака: субъект оценки как бы затрудняется в характеристике, поэтому уклоняется от точного определения. Употребление Достоевским в романе «Идиот» слов «неопределенного выражения» [Васильева, 2006, с. 83] объясняется как выраженное «впечатление некоего постороннего зрителя – впечатление загадочности...» [Иванчикова, 1979, с. 156]. Практически во всех случаях употребления частицы сохраняют свое базовое значение неопределенности. Вместе с тем их наличие свидетельствует об оценочном отношении говорящего к содержанию высказывания: *«Он был как-то рассеян»* (–), *«что-то очень рассеян»* (–), *«чуть ли не встревожен, даже становился как-то странен»* (–) *<...>* [с. 33]; – *«Не знаю, как вам сказать <...> только мне показалось, что в нем много страсти, и даже какой-то больной страсти»* (–) [с. 57]; – *«Опять жарница на целый день <...> ну как на месяцы эдакой засухи»* (–) [с. 440]; – *«Ну, дурак какой-нибудь»* (–) *и он, и его подвиги!* [с. 275]; *«А обиднее всего мне то показалось, что этот бестия Залежев»* (–) *все на себя присвоил* [с. 37]; *«Вы что-то очень часто извергом его называете, это мне*

очень подозрительно (–) [с. 265]; Аглая же стала **что-то** необыкновенно **спокойна** (+) и заметила только дорогой, что **слишком** уже скоро бегут» [с. 109].

В характерных контекстах частицы не только усиливают выразительность речи, подчеркивают признак (общее впечатление неопределенности), но и актуализируют оценочное значение (положительное, позитивное/отрицательное, негативное), способствуя формированию скрытых смыслов (одобрение, похвала/неодобрение, порицание).

Частица **как-то**

– <...> **Право, все это как-то** нелепо <...> [с. 151] ([–], удивление, недоумение, осуждение); – **О, на этот счет можно без всякой церемонии** <...> **Совершенный ребенок** <...> одет странно, **как-то** по-немецкому [с. 77] ([–], уничижение); **Генерал «формально»** явился в семейство <...> но **как-то** не смиренно и не с покаянием <...> [с. 504] ([–], недоумение); – <...> **Тогда люди были как-то** об одной идее ([–], досада, сожаление), а теперь нервнее, развитее <...> **как-то** о двух, о трех идеях зараз... теперешний человек шире <...> [с. 543] ([+], восторженность).

Частица **что-то**

– **Вы что-то** очень часто извергом его называете <...> [с. 265] ([–], недоумение, удивление); – **Хорош, да уж простоват слишком** <...> – **Да, уж что-то** слишком <...> так что даже и смешон немножко [с. 104–105] ([–], досада, разочарование, сожаление); **Только улыбка его** <...> была **что-то** уж слишком тонка, зубы выставлялись при этом **что-то** уж слишком жемчужно-ровно; взгляд <...> был **что-то** уж слишком пристален и испытующ [с. 48] ([–], осуждение, неприязнь).

Частица **какой-то**

– **Ну да; не нравится мне этот ваш Фердыщенко: сальный шут какой-то** [с. 93] ([–], презрение, отвращение); **Лизавета Прокофьевна** становилась с каждым годом все капризнее и нетерпеливее, стала даже **какая-то** чудачка [с. 62] ([–], осуждение, недоумение); – <...> **Демократ какой-то** непозволительный, даже и чинишка-то нет <...> [с. 528] ([–], уничижение, негодование, пренебрежение); – **Не верьте ей** <...> она это нарочно с **какой-то** злости делает <...> [с. 93] ([–], осуждение, недоумение); **Живет она где-то в какой-то** Матрос-

ской улице... а экипаж ее чуть не первый в Павловске [с. 354] ([–], пренебрежение, отвращение).

Частица **какой-нибудь**

«А <...> князь так **какой-нибудь** потаскун и пришел на милость просить <...> [с. 44] ([–], пренебрежение, уничижение); – **Эвона! <...> Ну, вот так и знал, что какая-нибудь вот такая** тварь так тотчас же и повиснет! [с. 36] ([–], ярость, негодование, пренебрежение, уничижение); – **Ну, дурак какой-нибудь** и он, и его подвиги! [с. 275] ([–], возмущение, пренебрежение, уничижение, негодование); **Какой-нибудь** из “несчастливых”, убивший **каких-нибудь** двенадцать душ, заколовший шесть штук детей, единственно для своего удовольствия <...> вдруг вздохнет <...> [с. 429] ([–], ирония); **Это <...> не прямым путем, а понаслышке и косвенно, и не в статейке** **какой-нибудь** журнальной заявляют о себе, а уж прямо на деле-с; не о бессмысленности, например, **какого-нибудь** там Пушкина дело идет <...>» [с. 282] ([–], пренебрежение).

Частицы **эдакий/этакий, экий/экой**

– **Эвона! <...> Ну, вот так и знал, что какая-нибудь вот такая** тварь так тотчас же и повиснет! [с. 36] ([–], пренебрежение, уничижение, негодование); – <...> как трудно в наш век достать денег! <...> **Один ответ:** «неси золото и бриллианты, под них и дадим» <...> **черт с вами, подлецы вы этакие!** [с. 333] ([–], досада, огорчение, раздражение); – **Стой, опять кричат! Этакой** срам, да еще в такое время! [с. 490] ([–], осуждение, раздражение); – **Экой вздор со всех сторон** [с. 497] ([–], возмущение, негодование, ярость); **Экая бестолочь!** [с. 345] ([–], негодование, пренебрежение); **Экая галиматья!** [с. 342] ([–], пренебрежение, отвращение, негодование); – <...> какое же тонкое замечание ее насчет мундира-то <...> **Эдакий адский** намек! [с. 382] ([+], восхищение); – **Экая красавица!** [с. 617] ([+], восхищение).

В оценочных высказываниях частицы контактируют со словами, участвующими в реализации аксиологической функции вместе с интонацией. Придавая тексту семантическую открытость, частицы сигнализируют о его внутренней незаполненности (неконкретизированности), приглашая слушателя к «независимому расследованию» (что свидетельствует об их функциональной нагруженности). Достоевский, обращая внимание на те моменты, которые «человеку трудно понять, на то последнее, чего никто не может ни постигнуть, ни достигнуть,

на те смыслы, которые недоступны языку, не берет на себя функции всевидящего автора» [Арутюнова, 1996, с. 849].

С помощью частиц данной группы выражается особая, необычная разновидность признака (оценки), которую трудно уловить и трудно определить, поэтому они не всегда могут быть исключены из текста. Например: «Умерла она так, что после /этак-то/ чести, такую бывшую властелинку потащил на гильотину палач [с. 292]; – ...и не в статейке /какой-нибудь/ журнальной заявляют себя, а уж прямо на деле; не о бессмысленности, например, /какого-нибудь там/ Пушкина дело идет...» [с. 376].

Частицы регулярно встречаются в высказываниях, заполняя «пустоты» и указывая на недоопределенность оценок, эмоций, мотивов и иллокутивных сил, стоящих за речевым актом: – Да, уж **что-то** слишком, – подтвердила Александра [с. 105]; – **Этакая** сила! – вскричала вдруг Аделаида... [с. 107]; – Ты лист, что ли, им разрезаешь? – спросил князь, но **как-то** рассеянно [с. 241]; – <...> Разве я не могу сейчас купить новый нож? – в **каком-то** исступлении вскричал, наконец, Рогожин [с. 241]; – Да чего ты на меня усмехаешься! – **как-то** неестественно вскрикнула она... [с. 312].

Достоевского считают тонким психологом. Для изображения сложного, часто изломанного внутреннего мира героев, их поведения и речевых действий Достоевский более всего употребляет слова неопределенности. Местоименные частицы регулярно употребляются в контекстах психологического типа, в ремарках, указывая на недоопределенность оценок. Например: – Вы князь Мышкин? – спросил он чрезвычайно любезно и вежливо <...> Только улыбка его <...> была **что-то** уж слишком тонка, зубы выставлялись при этом **что-то** уж слишком жемчужно-ровно; взгляд <...> был **что-то** уж слишком пристален и испытующ [с. 48]; Аглая остановилась, взяла записку и **как-то** странно поглядела на князя [с. 107]; Генерал «формально» явился в семейство <...> но **как-то** не смиренно и не с покаянием, как это случалось всегда при прежних «явках» <...> [с. 504]; <...> Но Вера, простодушная и нецеремонная, как мальчик, вдруг **что-то** сконфузилась, покраснела еще больше и, продолжая смеяться, торопливо вышла из комнаты [с. 464]; Одна Аглая была **как-то** грустна [с. 572]; Его **как-то** вдруг поразило сильное страдание к нему этой девушки... [с. 578].

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «в сознании героев Достоевского совмещено несовместимое – вера и неверие, знание и

неведение, воля и “волевое хотенье”, аскетизм и сладострастие» [Арутюнова, 1996, с. 850]. Отпечатки человеческих душ, их поступков в романе Достоевского «Идиот» неопределенны: они как-то не/ясны, что-то не/понятны, эдакие не/определенные – раздвоенные, скользят, смазаны и т. д. Достоевский редко пользуется образными средствами, позволяющими уловить, прояснить ускользающие смазанные смыслы, наоборот, он вводит в текст знаки, сигнализирующие о том, что говорящий как бы уклоняется от точного обозначения, затрудняется в характеристике, потому что не уверен в ней, не понимает причины существования. А «нам остается лишь одно <...>: ждать, пока то, что должно мыслиться, обратится к нам <...> в уже помысленном высматривать непомысленное, которое все еще скрыто внутри уже помысленного» [Хайдеггер, 1991, с. 142].

Другие частицы тоже включаются в реализацию аксиологической функции (только, просто, как будто, все-таки, ни, уже, нежели и др.). Например: «Вот меня считают за идиота, а я **все-таки** умный <...> [с. 102] [+]; – <...> Трус тот, кто боится и бежит; а кто и не бежит, тот еще не трус [с. 378] [+]; – <...> Это гордое лицо <...> Ах, кабы добра! [с. 61] ([+], восхищение, желание восхищаться и потом); – **Просто-запросто** вы сплетник <...> [с. 501] ([–], осуждение, негодование); – Это винт! <...> знай, молокосос <...> ты **только** завистливый червь <...> [с. 497] ([–], пренебрежение, уничижение, отвращение); **Один это только** вздор [с. 234] ([–], пренебрежение, уничижение, осуждение); **Вероятно, одно только** безобразие <...> [с. 55] ([–], осуждение); Он по себе судит <...> ругается, говорит <...> во всем этом с моей стороны был **один только** эгоизм!» [с. 543] ([–], осуждение, уничижение).

3.6. Ретардационная функция частиц

Язык художественной литературы – это «язык искусства слова» [Стилистика русского языка, 1989, с. 209], главной функцией которого является функция эстетическая, «эстетическая мотивированность того или иного языкового средства, обеспечивающая индивидуальность выражения» [Максимов, 1975, с. 15]. Для выполнения этой задачи в романе «Идиот» Ф. М. Достоевский использует всевозможные стилистические ходы, приемы, функции и, в частности, ретардацию (лат. *retar-*

datio – «замедление, задержка, удерживание, торможение») – «композиционный прием в художественной литературе, состоящий в задержке повествования с помощью отступлений, рассуждений, пространных описаний, вводных сцен и т. д.» [Москвин, 2002, с. 581], «торможение действия, имеющее целью усилить интерес читателя» [Локшина, 1976, с. 244]. Ретардацию создают различного рода повторы: многократные повторения эпизодов, монологов, диалогов, синтаксических конструкций, слов, как знаменательных, так и служебных [Миллер, 1897, с. 45–46; Савельева, 1979, с. 28; Тарланов, 1981, с. 98]. Например: – **Я** явился к нему, князь <...> **Я** поступил благородно; **Я** себя не пощадил; **Я** обругал себя перед ним <...> **Я** весь в лохмотьях. <...> на место явиться невозможно, а не явись **Я** <...> место займет другой, тогда **Я** опять на экваторе <...> **Я** прошу у него всего только пятнадцать рублей <...> больше не буду просить <...> **Я** слово сдержу. **Я** умею на хлебе с квасом целые месяцы просидеть <...> **Я** должен ему буду всего тридцать пять рублей... [с. 220]; – А теперь вы их опять свели? – Сиятельнейший князь, как мог... как мог я не допустить? – Ну довольно <...> где теперь она? У него? – О, нет! <...> **Я**, говорит, свободна <...> я, говорит, еще совершенно свободна! Все еще на Петербургской <...> – И теперь там? – Там, если не в Павловске <...> **Я**, говорит, совершенно свободна; еще вчера Николаю Ардамоновичу про свою свободу много хвалилась [с. 225]; Рогожин не поворачивал к нему головы и как бы и забыл о нем. Князь смотрел <...> и опять как бы вдруг отнялись его ноги <...> он прилег на подушку, как бы совсем уже в бессилии <...> Каждый раз при взрывах крика или бреда больного спешил провести дрожащею рукой по его волосам и щекам, как бы лаская и унимая его [с. 634]; – **Слушай...** – спросил князь, точно запутываясь, точно отыскивая, что именно надо спросить, и как бы тотчас же забывая, – **слушай**, скажи мне: чем ты ее? [с. 632].

Разные типы повторов – отдельных слов, словесных комплексов, союзов, частиц – создают в тесно связанном контексте романа «интонационную атмосферу эмоционального нагнетания, усиления, подъема» [Лежнев, 1966, с. 37], то есть участвуют в реализации ретардационной, эмоциональной, акцентирующей и других функций. Стилистический эффект, создаваемый повтором, обусловлен, естественно, характером повторяемого элемента. «Очень часто, “в убеждающей”, “внушающей”, “утверждающей” (“указывающей”, “оцениваю-

щей” и др.) речи повторяются <...> частицы *ведь* (*ведь ...же*), *вот*, *даже*, *именно*, *-то* и др. Насыщенные этими частицами контексты отличаются особой “ударностью” их звучания» [Иванчикова, 1979, с. 214–215].

Чаще всего замедление повествования создают десемантизированные частицы и частицы со слабой семантической наполняемостью. Их расположение может быть различно: в абсолютном начале, середине или конце тесно связанного контекста. Так, ретардирующие анафорические частицы способствуют непрерывности повествования, обеспечивают плавность речи: – <...> **Да** для чего же я себя так унизила перед ними? **Да** не ты ли же, князь, меня сам уверял <...> что ты меня любишь и все мне прощаешь и меня у... ува... **Да**, ты и это говорил <...> **Да** будь же ты проклят после того за то, что я в тебя одного поверила [с. 594]; – <...> А знаете, что мне не восемнадцать лет: я столько пролежал на этой подушке <...> А знаете, чего вы боитесь больше всего? <...> А знаете, на подушке мне много мыслей приходило [с. 321]; – А не лучше ли, А не лучше ли, благовоспитаннейший князь, А не лучше ли-с... эфтово-с! [с. 551]; **Как** решилась она ей писать <...> **Как** могла она об этом писать, и **Как** могла такая безумная мечта зародиться в ее голове? [с. 477]; – Да ведь не знаешь! – крикнул на него в нетерпении Рогожин. – **Ан** и знаю! <...> **Ан**, может, и знаю-с! – тормошился чиновник <...> **Ан** та самая Настасья Филипповна и есть, чрез которую ваш родитель вам внушить пожелал калиновым посохом <...> [с. 36]; – <...> **Разве** это не простодушный, не вдохновенный юмор. **Разве** это не истинное добродушие? **Разве** такие слова могут выходить из уст человека... мертвого, с иссохшим сердцем и талантом? **Разве** мертвецы могли бы обойтись со мной, как вы обошлись? **Разве** это не материал... для будущего, для надежд? **Разве** такие люди могут не понять и отстать? [с. 573]; <...> **Хоть** одна дочь, **Хоть** Аделаида будет, наконец, построена. «**Хоть** одну с плеч долой», – говорила Лизавета Прокófьевна <...> [с. 352]; **И** совсем не хотел я сюда возвращаться теперь! **И** совсем, совсем не так думал с тобой встретиться! [с. 246]; **Ведь** он же сам хотел давеча взять его за руку <...> **Ведь** он сам же хотел завтра идти к нему <...> **Ведь** отрекся же он сам от своего демона <...> [с. 357].

Языковеды по-разному квалифицируют единоначальные элементы. Так, А. А. Потебня при исследовании функций союзов *и*, *а*, *да* и других в древних источниках отмечал их осо-

бую роль, определяя как плеонастически эксплетивные частицы, заполняющие пробелы мысли [Потебня, 1968, с. 51]. М. П. Штокмар подходит к анафорическим частицам как к союзам, обращая внимание на то, что русской речи свойственно многосоюзие (полисиндетон) [Штокмар, 1951, с. 42]. А. П. Евгеньева рассматривает плеонастические частицы и союзы как параллельно существующие языковые единицы, способные выступать и в качестве союзов, и собственно частиц и функционировать контаминированно [Евгеньева, 1963, с. 34]. Ретардирующие «начальные частицы выступают в роли акцентуаторов, поскольку имеют усилительный оттенок» [Порошина, 1984, с. 142]: – *Именно, именно так <...> Именно «от скуки, от нашей скуки», не от пресыщения, а, напротив, от жажды <...>* [с. 566]; – *Какая прекрасная, какая святая душа!* [с. 562].

Ретардацию создают частицы, повторяющиеся не только в начале связанного контекста, но и внутри его, замедляя повествование, заполняя паузы в разговоре, повышая воздействующий эффект и др.: – *<...> Ведь если господин Бурдовский окажется теперь не «сын Павлицева», то ведь в таком случае <...> выходит прямое мошенническое <...>, но ведь в том-то и дело, что его обманули <...> Иначе ведь он тоже выйдет по этому делу мошенником. Да ведь я уже сам убежден, что он ничего не понимает!* [с. 229]; *Встречаются даже странные случаи <...> иной честный человек готов решиться даже на низкое дело; бывает даже и так, что иной из этих несчастных не только честен, но даже и добр <...> содержит и питает своими трудами даже чужих, не только своих <...> не утешительна мысль <...> даже, напротив, она-то и раздражает его: «Вот, дескать, на что ухлопал я мою жизнь, вот что связало меня по рукам и по ногам, вот что помешало мне открыть порох! <...> Всего характернее <...> что именно им так надо открыть и что именно они всю жизнь наготове открыть» <...>* [с. 486]; – *А я бы вам... я бы вам... если бы захотели, я бы вам кое-что весьма интересное... высокопочтимый князь, мог бы сообщить, к тому же предмету относящееся...* [с. 227]; – *Я как будто знал, когда въезжал в Петербург, как будто предчувствовал... – продолжал князь, – не хотел я сюда ехать! <...>* [с. 240]; *Келлер приготовился было говорить <...> но вдруг <...> объявил, что он до того было потерял «всякий признак нравственности» (единственно от безверия во всевышнего), что даже воровал <...>*

– *<...> может быть, нарочно на себя наговариваете? – Вам, единственно вам одному, и единственно для того, чтобы помочь своему развитию!* [с. 333]; *...Когда-то вы выговорили одно слово, одно только слово, и это слово озарило всю черную ночь моей жизни <...> Скажите мне только: разорви все, и я все порву сегодня же <...> В этом слове я и спрашиваю только признак вашего участия и сожаления ко мне, – и только, только! <...> Пришлите же мне это слово сострадания (только одного сострадания, клянусь вам!)* [с. 111]; – *Подожди, брат; я пойду, а ты подожди... потому... объясни мне хоть ты, Лев Николаич, хоть ты: как все это случилось <...> Согласись, брат, сам, – я отец; все-таки ведь отец же, потому я ничего не понимаю; так хоть ты-то объясни!* [с. 536].

Частицы выражают и затруднение говорящего при выборе слов, что является отражением внутреннего состояния персонажа, характеристикой «усиленного психологизма» (Симина), поскольку герои Достоевского, испытывая сильные, «потрясающие» чувства, как правило, мечутся, не находят нужных слов. Эмоции их захлестывают, бьют через край, не успевая облечься в словесную форму: – *Ведь вот... Иван-то Петрович покойному Николаю Андреевичу Павлицеву родственник... Ты ведь искал, кажется, родственников-то...* [с. 560]; – *Да как же ты... как же ты!* – вскричал князь и не закончил [с. 240]; – *Да вы точно из-за границы?* – как-то невольно спросил он, наконец, и сбился; он хотел, может быть, спросить: «Да вы точно князь Мышкин?» – *Да <...> вы хотели спросить: точно ли я князь Мышкин?* [с. 43]; – *О, я ведь не потому сказал, чтоб я... сомневался... и, наконец, в этом разве можно сомневаться (хе-хе!)... хоть сколько-нибудь! То есть даже хоть сколько-нибудь!!! (Хе-хе!)* [с. 562]; – *Да-да; да-а, – качал головою князь, начиная краснеть, да, это почти что ведь так; и знаете, я действительно почти всю ночь накануне не спал в вагоне...* [с. 604]; – *Разве не подсказал вам самим здравый смысл <...> Разве можно было опозорить другую, высокую и чистую девушку, унижить ее?.. <...> Да разве можно <...>, так унижить ее пред ее же соперницей?.. <...> И... и разве вы не обманули божественную девушку?..* [с. 605]; – *Но не в том дело, милый князь, а в том, была ли тут правда, была ли истина в вашем чувстве, была ли натура, или один только головной восторг?* [с. 604]; *<...> она уже слышала, что <...> устраивается какими-то повесами шаривари, с музыкой и чуть ли не со стихами, нарочно со-*

чиненными, и что все это *чуть ли не* одобряется и остальным обществом [с. 615]; – Я хотел сказать... я хотел сказать <...> Я хотел только изъяснить Аглае Ивановне... иметь такую честь объяснить, что я вовсе не имел намерения... иметь честь просить ее руки... *Даже когда-нибудь...* Я тут ни в чем не виноват... [с. 366]; – Ну, вы сделали так, что я теперь непременно «заговорю» и... *даже... может быть... вазу разобью* <...> – А вы не попрекнете меня за теперешние грубые слова... *когда-нибудь... после?* – вдруг спросила она [с. 547]; – Получил... получил возмездие за измену и подлость мою... *Пощечину получил!* – заключил он, наконец, трагически. – *Пощечину! От кого?.. И так спозаранку?* – *Спозаранку?* – саркастически улыбнулся Лебедев, – *время тут ничего не значит... даже и для возмездия физического... но я нравственную... нравственную пощечину получил, а не физическую* [с. 548–549].

Чаще всего повествование замедляют постпозитивные частицы (в том числе и несамостоятельные, входящие в устойчивые сочетания): «Ведь вы вот не оскорбляетесь же <...> Знаете, по-моему, быть смешным даже иногда хорошо, да и лучше <...> не все же понимать сразу, не прямо же начинать с совершенства! [с. 575]; – Ну же, ну! <...> да ну же! О, господи, каких бы я вещей на такой вопрос насказал! Да ну же... Пентюх же ты, князь, после этого! [с. 132]; – Да как же ты... как же ты! <...> – Что же не заканчиваешь <...> а хочешь скажу, что ты вот в эту самую минуту про себя рассуждаешь: “Ну, как же ей теперь за ним быть? Как ее к тому допустить?” Известно, что думаешь... [с. 240]; – Но позвольте, как же это? <...> я читала <...> *точно такую же историю! Но решительно точно такую же <...> точно так же* была вырвана сигара, *точно так же* была выкинута в окно болонка, наконец, *точно так же* и кончилось, как у вас» [с. 138].

Частица *же* располагается после каждого слова, на которое следует обратить особое внимание. Ретардационная функция является отражением желания автора замедлить ход развития действия, указать на схожесть ситуаций, выразить противоречивость самой действительности.

В высказываниях с ретардацией частица *же* участвует в формировании скрытых смыслов, важнейшими из которых являются: а) побуждение собеседника к ответу, разъяснению чего-нибудь: – <...> Ну, какой там игумен? – *Игумен Пафнутий* <...> – *Пафнутий?* <...> Ну, что же он? <...> – *Игумен Пафнутий руку приложил* <...> – Где же эта подпись? – Оста-

лась, кажется, в кабинете <...> [с. 79]; б) размышление по поводу сказанного при несогласии: – Вы кончили? <...> Что? Кончил <...> – Да для чего же вы про это рассказали? – Так... мне припомнилось... я к разговору... – Вы очень обрывисты <...> однако же, как же этот приятель, который вам такие страсти рассказывал... ведь ему переменили же наказание <...> подарили же эту «бесконечную жизнь» [с. 88]; в) вопрос-рассуждение на предшествующее замечание: – Да, я, Рогожин, Парфен. – Парфен? Да уж это не тех ли самых Рогожиных <...> Да... как же это? <...> это того самого Семена Парфеновича Рогожина, потомственного почетного гражданина <...> [с. 34]; г) совпадение с тем, о чем уже упоминалось, согласие, готовность примириться: – <...> Ну, что же он с этим богатством сделал потом? Жил ли каждую минуту «счетом»? – О нет <...> – Ну, стало быть, вот вам и опыт <...> нельзя жить, *взаправду «отсчитывая счетом»*. Почему-нибудь да нельзя же. – Да, почему-нибудь да нельзя же <...> мне самому это казалось... [с. 89]; д) порицание, осуждение: – <...> Я, впрочем, почти все время был очень счастлив. – Счастлив! Вы умеете быть счастливым? <...> так как же вы говорите, что не научились глядеть? [с. 83]; е) упрек, осуждение и оценка: – А как вы узнали, что это я? <...> Что во мне такого остолебяющего? – Ну же, ну! <...> Да ну же! <...> Да ну же... Пентюх же ты, князь, после этого! [с. 132] и др.

Участвуя в выражении скрытых смыслов, частица *же* вступает во взаимодействие с другими элементами текста, заставляя читателя (слушателя) постоянно возвращаться к ним мыслями, – отсюда и замедление.

В реализации ретардационной функции участвуют и другие постпозитивные частицы, например, -то: – Это для тебя отступиться-то? <...> ишь, деньги вывалил на стол, мужик! Князь-то замуж берет, а ты безобразничать явился! [с. 195]; – Да что ты орешь-то! <...> Я не взяла еще с тебя денег-то <...> Это в этой-то пачке сто тысяч? <...> Да что ты плачешь-то? <...> Этак-то лучше <...> Да и как глупо-то <...> думаешь-думаешь, бывало-то... [с. 198]; – И добро бы ты с голоду умирал, а ты ведь жалованье, говорят, хорошее получаешь! Да ко всему-то в придачу, кроме позора-то ненавистную жену ввести в дом [с. 137]; – Чем жить-то будешь, коли уж так влюблен, что рогожинскую берешь, за себя-то, за князя-то?.. [с. 138]; – А вот тут-то и расчет! Вы тут не все знаете, князь... тут... и кроме того, она убеждена, что я

ее люблю до сумасшествия... [с. 150]; – Не в насмешку? Не в насмешку? – **То-то и есть, что нет; тем-то и странно** [с. 493].

Ретардационная функция проявляется не только в эпизодах с интенсивным развитием действия, в высказываниях оценочного характера, но также и в статических описаниях: при обрисовке природы, среды, обстановки, настроения героев и др.: *«И вдруг, так же как и давеча <...> то же видение опять предстало ему. Та же женщина вышла из парка и стала пред ним, точно ждала его тут [с. 481]; – Встречаются **даже** странные случаи; <...> иной честный человек готов решиться **даже** на низкое дело; бывает **даже** и так, что иной <...> не только честен, но **даже** и добр <...> содержит и питает <...> **даже** чужих... [с. 486]; <...> мы вовсе не желаем оправдать нашего героя <...> мы вполне готовы разделить и самое негодование, которое он возбудил к себе **даже** в друзьях своих. **Даже** Вера Лебедева некоторое время негодовала на него; **даже** Коля негодовал; негодовал **даже** Келлер <...> не говоря уже о самом Лебедеве, который **даже** начал интриговать против князя <...> и **даже** весьма искреннего [с. 601]; <...> он почти не мог понять, в чем дело <...> пробыл у Нины Александровны <...> почти вплоть до самого вечера. Он не принес почти никакой пользы <...> он был почти трезв и плакал над больным <...> он почти с утра до ночи проводил время в их доме [с. 553]; <...> стало заметно в семье, что она **как-то** особенно возбуждена, **даже** взволнована. Стала **как-то** особенно странно заговаривать с дочерьми <...> **даже** поцеловала Аглаю и Аделаиду <...> **Даже** к Ивану Федоровичу <...> стала вдруг снисходительна [с. 207]; Только улыбка его при всей ее любезности, была **что-то** уж слишком тонка; зубы выставались при этом **что-то** уж слишком жемчужно-ровно; взгляд <...> был **что-то** уж слишком пристален и испытующий» [с. 48].*

Повторяемость частиц в близком контексте позволяет оживить повествование, воздействовать на читателя, вызвать у него интерес. Повторы-подхваты, часто эмоционально окрашенные, реализуют вместе с ретардационной функцией и функцию акцентирующую, и функцию экспрессивную, поскольку «развитие мысли выражено в экспрессивной форме нагнетания вопросов-утверждений» [Иванчикова, 1979, с. 229].

Таким образом, состав и частотность употребления ретардирующих частиц зависят от целеустановок автора, которые он решает в своем произведении. Замедляя повествование, частицы вместе с другими средствами способствуют усилению

восприятия, повышению интереса слушателей к содержанию, обеспечивают плавность, мелодичность, экспрессию, эмоциональность речи.

3.7. Суггестивная функция частиц

Художественный текст является своеобразным средством общения между читателем и его создателем. Своеобразие этого общения состоит в том, что автор мог создать свое произведение в далеком прошлом, а читатель может изучать его сейчас и удивляться тому, как проблемы прошлого понятны, близки и актуальны сегодня. Художественный текст «всегда является творимым произведением речевой деятельности мастера слова, сложной системой взаимосвязанных и целенаправленно организованных языковых элементов, отбор и расположение которых строго определены авторским видением мира, его точкой зрения на явления действительности» [Шанский, Махмудов, 1999, с. 61–62].

Любой текст художественного произведения содержит определенную автором прагматически и эстетически маркированную информацию. Так, текст произведения Ф. М. Достоевского «Идиот» сообщает нам о событиях, которые произошли с жителями Петербурга. Мы узнаем их имена, род занятий, социальное положение. Феерия Ф. М. Достоевского сообщает нам о нравственно-психологических проблемах и коллизиях, связавших этих людей между собой. В то же время это художественная речь, вызывающая в читателе определенные чувства, эмоции, ощущения, желания, которые связаны с теми событиями, о которых он узнал из текста. Об этом обычно не думают, а лишь ограничиваются оценкой прочитанного на уровне «как в жизни», «как в кино», «так не бывает» и т. д. Обычно замечается лишь то, что текст написан грамотным, выразительным, литературным и т. п. языком. И только специальное исследование может выявить, какие языковые средства, приемы и т. п. и как использованы писателем для создания своего произведения – яркого, самобытного, правдивого. Составом отобранных языковых средств, их синтаксически-композиционной и стилистической организацией произведение художественной литературы всегда вызывает у читателя эмоционально-оценочное отношение, волеизъявительно-экспрессивную реакцию на то, о чем повествуется или что изображается в тексте.

Так, «благие» поступки князя Мышкина сначала не убедили детей: – *Дети надо мной сначала смеялись, а потом даже камнями в меня стали кидать, когда подглядели, что я поцеловал Мари. А я всего один раз поцеловал ее... Нет, не смейтесь, – поспешил остановить князь усмешку своих слушательниц, тут вовсе не было любви. Если бы вы знали, какое это было несчастное создание, то вам бы самим стало ее очень жаль, как и мне* [с. 95]. Потом, под воздействием реальных дел героя, дети изменили к нему свое отношение: – *Я им рассказал, какая Мари несчастная; скоро они перестали браниться <...> Мало-помалу мы стали разговаривать <...>* [с. 99]; – *Когда я уже отправлялся на дорогу, все, всю гурьбой, провожали меня до станции <...> Они удерживались, чтобы не плакать, но многие не могли и плакали в голос, особенно девочки <...> иной вдруг из толпы бросался ко мне среди дороги, обнимал меня своими маленькими ручонками и целовал...* [с. 102].

Художественная речь содержит информацию, которая реализуется как наши представления, окрашенные эмоциональной оболочкой прекрасного. «Если художественную речь можно назвать реализацией художественного текста, то эстетическая реальность возникает только абстрактно в сознании читателя в процессе чтения и обдумывания прочитанного, обмена мнениями о прочитанном с окружающими» [Шанский, Махмудов, 1999, с. 66].

Слова, мысли, поступки в художественном тексте пропитаны особым настроением. Роман «Идиот» начинается так: «<...> В одном из вагонов третьего класса, с рассвета, очутились друг против друга, у самого окна, два пассажира <...> Один из них был небольшого роста, лет двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, с серыми маленькими, но огненными глазами. Нос его был широк и сплюснут, лицо скулистое; тонкие губы беспрерывно складывались в какую-то наглую, насмешливую и даже злую улыбку <...> Владелец плаща с капюшоном был молодой человек, тоже лет двадцати семи, роста немного выше среднего, очень белокур, густоволос, со впалыми щеками и с легонькою, востренькою, почти совершенно белою бородкой. Глаза его были большие, голубые и пристальные; во взгляде их было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте падающую болезнь. Лицо молодого человека было, впрочем, приятное, тонкое и сухое, но бесцветное, а теперь даже досиня избывшее» [с. 29–30].

Здесь прослеживается стремление автора положительно настроить читателя по отношению к человеку «с большими, голубыми и пристальными глазами», «приятным тонким и сухим лицом», «взглядом тихим, странным, тяжелым». Эти слова, имплицитно выражающие определенное авторское отношение к сообщаемому персонажу, заставляют читателя адекватно воспринимать и оценивать все дальнейшие слова и поступки князя Мышкина. Такую «способность художественного слова внушать читателю те или иные эмоционально-психологические ощущения и представления называют **поэтической суггестивностью**» [Шанский, Махмудов, 1999, с. 67].

Доказано, что язык в его речевой форме может воздействовать на человека. Если подобное воздействие на мысли, чувства и волю адресата происходит на сознательном уровне, мы говорим об экспрессивной функции языка. В то же время язык обладает суггестивной функцией, заключающейся в воздействии на подсознание человека, на его психологическое состояние.

Уже первое знакомство с князем Мышкиным дает возможность читателям представить внешний облик персонажа и его душевные качества. Эти представления, которые у большинства читателей совпадают с авторской интерпретацией соответствующих фактов («Из Швейцарии, где был спокоен и счастлив, возвращается в Россию по неотложным делам Лев Николаевич Мышкин, обедневший князь из древнего знатного рода. Внешне идеальный герой Достоевского бледен, болезнен, страшен; лицо как бы лишено красок, бесцветно. Смешно и нелепо смотрятся заграничные “штиблетки”... Но тихий голос князя, подкупающие откровенность и чистосердечие, радушная готовность удовлетворить любопытство всех и каждого, то особенное внимание, с каким он слушает рассказы других, располагают самых разнообразных собеседников: купца Рогожина, камердинера Алексея, семейство Епанчиных») [Туниманов, 1981, с. 10]), вызывают положительные эмоции (оценки).

По наблюдениям С. В. Марченко, суггестивный текст отличается: а) многократное повторение одного и того же сочетания звуков в составе различных слов; б) наличие лексических повторов, использование общеязыковых и окказиональных синонимов; в) преимущественное использование частиц, существительных и глаголов; г) насыщенность текста окказионализмами разного характера (окказиональными метафорами, сравнениями), а также другими способами образного представления реалий действительности; д) реализация синтак-

сического параллелизма, выполняющего архитектурную функцию и др. [Марченко, 2000, с. 109].

В понимании именно художественного, поэтического текста реализуется суггестивная функция. Для ее выполнения необходимо направить внимание читателя на содержание произведения, поступки героев, совершаемые во временно-пространственном настоящем, то есть в рамках эмпирического пространства и времени (то, о чем «рассказывается» в художественном произведении, должно восприниматься как явление, происходящее в момент воспроизведения). Этой задаче способствует и языковая организация описания: отсутствие косвенной речи, своеобразное использование видовременных категорий глагола, наличие наречий и местоимений, указывающих на время и место действия. В этот ряд можно поставить и соотносительно-указательные частицы местоименно-наречного происхождения: *вот, тут, как, что*, которые помогают читателю представить события, отраженные в произведении, происходящими в данный момент, сейчас, внушить мысль о реальности их бытия, то есть участвуют в реализации суггестивной функции.

Частица *вот*, располагаясь в начале связанного контекста, относится к целой фразе, выделяя ее и тем самым привлекая внимание к ее содержанию. Анафорическое употребление частицы способствует подчеркиванию активного характера совершаемых действий. Например: «**Вот** кто была причиной смерти этой почтенной женщины <...> **Вот** она стоит перед вами и не смеет взглянуть <...> **Вот** она босая и в лохмотьях, – пример тем, кто теряют добродетель!» [с. 97].

Частица *вот*, имеющая указательное значение, помогает оживить повествование, сделать его реальным, представить в настоящем: – *Это вот как вышло. Мне захотелось что-нибудь сделать для Мари* <...> [с. 97]; – <...> *Одним словом, чем дальше время идет, тем больше думается <...> И вот, наконец, привел бог к концу <...> И вот в это-то самое мгновение <...> молодой, отчаянный прапорщик, озабоченный и фертом, провожает ее с поверхности земли русским элементом зарубежных ругательств за погибшую миску!* [с. 177]; – *Вот* иду я, да и думаю: нет, этого хриstopродавца подожду еще осуждать [с. 244]; *А, вот эта улица! Вот, должно быть, и дом, так и есть <...>* [с. 255]; *И вот, князь судорожно устремляется к тому дому, и что же в том, что действительно он там встречает Рогожина?* [с. 257].

Частицу *вот* можно встретить и внутри контекста. В этом случае указательный оттенок подвергается нивелировке, и частица *вот* начинает функционировать «с ослабленной усилительной семантикой» [Порошина, 1974, с. 153]: «...Обе они теперь, – пояснил он дальше, – проживают уже в-ской губернии (**вот** не знаю только, живы ли теперь)» [с. 561]; <...> *ему как-то в глаза бросилось, что со времени переселения от них генерала Иволгина, вот уже три дня, Лебедев очень дурно повел себя* [с. 548]; – *Вы вот думаете, что я семьдесят пять тысяч получу и сейчас же карету куплю. Нет-с, я тогда третьегодний старый сюртук донашивать стану и все мои клубные знакомства брошу* [с. 151]; – *Это, господа, сто тысяч <...> вот в этой грязной пачке. Давеча вот он закричал как сумасшедший, что привезет мне сто тысяч, <...> начал с восемнадцати тысяч, потом вдруг скакнул на сорок, а потом вот и эти сто* [с. 188]; – *Да садись же подле меня, князь <...> вот так, а вот и вино несут, поздравьте же, господа!* [с. 194]; – *Какой тут жених, когда и просто приехать боится? Вот и сажу <...>* [с. 234].

Частица *тут* помогает увидеть события прошлого в настоящем и локализует место действия персонажа: – *И представьте, эта низость почти всем им понравилась, но... тут вышла особенная история; тут вступились дети, потому что в это время дети были все уже на моей стороне и стали любить Мари* [с. 97]; – *А тут вдруг наутро приходят и говорят мне, что Мари умерла. Тут детей и удержать нельзя было: они убрали ей весь гроб цветами и надели ей венок на голову* [с. 100]; – *...И в ту самую минуту, как я вам дверь открывал, я о вас тоже думал, а тут вдруг и вы* [с. 133]; – *Нет, у нас так не будет... тут... тут есть обстоятельства <...>* [с. 149]; – *Иные уверены были, что у ней тут какой-нибудь особый расчет* [с. 170]; – *Да так бывало, размечтаешься, что с ума сойдешь... А тут приедет вот этот: месяца по два гостил в году, опозорит, разобидит, распалит, развертит, уедет, – так тысячу раз в пруд хотела кинуться <...>* [с. 198]; *Тут* она вдруг остановилась, испугавшись сама того, что сказала [с. 578]; – *Я не знаю, право, Аглая Ивановна, как вам ответить; тут... тут что же отвечать! Да и... надо ли?* [с. 535]; *Тут* вдруг Аглая начала ужасно приставать к Коле, чтоб он ей сейчас же продал ежа <...> но тут вдруг оказалось, что он вовсе не их, а принадлежал какому-то третьему мальчику [с. 531].

К словам, способным участвовать в реализации суггестивной функции, можно отнести и частицу *что*: «<...> *ничего не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль: “Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, – какая бесконечность! И все это было бы мое!”* [с. 88]; – *Что же ты, Рогожин? Собирайся, едем!* [с. 197]; – *Не знаю; в толпе мне даже кажется, что померещилось <...> – Что ж, может, и померещилось <...> – Что ж, опять за границу, что ли?»* [с. 230].

Суггестивная функция находит выражение и в активности частицы *какой*: – *А, впрочем, какой иногда тут, во всем этом, хаос, какой сумбур, какое безобразие! И какой же, однако, гадкий и вседозволенный прыщик этот давешний племянник Лебедева! А какое симпатичное, какое милое лицо у старшей дочери Лебедева, <...> какое невинное, какое почти детское выражение и какой почти детский смех!* [с. 253].

Значение неопределенности, неясности, сомнения, предположения дает возможность Достоевскому широко использовать частицы, оценивающие признак, ситуацию как гипотетические (*как бы, будто, как будто* и др.), в качестве средства выражения таинственной, неясной силы, влияющей на судьбы людей, их психологические состояния. Насыщенные этими частицами контексты придают высказыванию (и произведению в целом) многоплановость: повествование от прямой линии событий переходит на план сомнений, неясностей, гипотез, переживаний героев, их намерений и мыслей. Например: «Он вынул игранную, завернутую в бумажку, колоду из кармана и протянул к князю. Тот взял, но *как бы с недоумением. Новое, грустное и безотрадное чувство сдавило ему сердце <...>. Он встал и всплеснул руками. Рогожин лежал неподвижно и как бы не слышал и не видал его движения <...> вдруг Рогожин громко и отрывисто закричал и захохотал, как бы забыв, что надо говорить шепотом <...>* [с. 633]; *Аглая остановилась на мгновение, как бы пораженная, как бы самой себе не веря, что она могла выговорить такое слово <...>* [с. 591]; *<...> со всеми произошло как бы нечто очень странное: ничего не случилось, и как будто в то же время и очень много случилось* [с. 527]; *Он повернул к ней голову <...> но вдруг, точно мгновенно забыв ее, опять отвел глаза направо и опять стал следить за своим чрезвычайным видением* [с. 374]; *Обыкновенное бледное и задумчивое лицо ее, так все время не гармонизировавшее с давешним как бы на-*

пускным ее смехом, было очевидно взволновано теперь новым чувством; и, однако, все-таки ей как будто не хотелось его высказывать, и насмешка словно усиливалась остаться на лице ее» [с. 144].

Суггестивная функция способна передавать такие смутные, прихотливые душевные состояния и события, выдвигая на первый план нечеткие, неясные образы, зыбкие речевые конструкции, поддерживаемые внушающей силой ритма и т. п., которые завораживают своей «пленительной неясностью». Поскольку основная особенность суггестии состоит в недосказанности, которую выразить прямой номинацией невозможно, частицы, оценивающие признак, ситуацию как гипотетические, являются своеобразным конструирующим материалом для реализации суггестивной функции.

В реализации суггестивной функции участвует и частица *как*, способная передавать различные значения: усиления, максимальной экспрессии, эмоциональности, неожиданности совершения действия, замедления и др.: – *Как вы здесь очутились?* [с. 480]; *Как решилась она ей писать, спрашивал он, будля вечером один (иногда даже сам не помня, где ходит). Как могла она об этом писать, и как могла такая безумная мечта зародиться в ее голове?* [с. 477]; – *Ну, как я рад! – радостно вздохнул князь, – я таки за него боялся* [с. 469]; – *Ах, Лебедев, как это скучно! – нетерпеливо вскричал князь, – к делу, чего вы тянете!..* [с. 469]; – *Как вы побледнели! – испугалась вдруг Аглая. – Ничего, я мало спал; ослаб я...* [с. 461]; – *Как могла такая грязная мысль зародиться в вашем чистом, невинном сердце?* [с. 456]; *Как это странно!* [с. 253].

Роль частиц в тексте романа многопланова. Так, частица *как* способна выступать как начальный элемент повествования, приобретать оттенок усиления с эмоциональной окраской, указывать на неожиданность совершения действия, поступка. Для частицы *вот* характерен указательный оттенок значения, который помогает оживить повествование, сделать его реальным, представить в настоящем. Анафорическое употребление частицы способствует подчеркиванию активного характера совершаемых действий. Как языковой элемент, способный представить событие в рамках эмпирического пространства и времени, в романе функционирует очень продуктивная частица *тут*. Все частицы, способные выполнять суггестивную функцию, сохраняют некоторую семантическую связь с теми словами, которым они обязаны своим происхождением.

Частицы, участвующие в реализации суггестивной функции, используются в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» для оживления картин прошлого, «передачи смутных, прихотливых душевных состояний» [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 429], чтобы «нарисованные» художником слова картины давнопрошедшего времени воспринимались как явления настоящего.

Свойство суггестии проявляется в недосказанности, которую выразить прямой номинацией невозможно. Суггестивный текст опирается не столько на логически оформленные связи, сколько на ассоциации, на дополнительные смысловые (и интонационные) оттенки, в формировании которых частицы принимают самое активное участие.

Таким образом, стилистическая функция – это сложная система, которая включает в себя различные стилистические возможности выражения определенного стилистического задания. Эти стилистические возможности транслируются в виде дополнительной к предметно-логическому содержанию высказывания стилистической информации, через создание у получателя речи определенной реакции (различного в каждом конкретном случае эффекта акта коммуникации) на использование в речи особым образом организованных средств языка.

Вопрос о стилистических функциях частиц в художественном тексте достаточно сложен, зыбок и многогранен, поскольку художественная речь представляет собой систему разнородных языковых явлений, она лишена какой бы то ни было стилистической замкнутости и отличается разнообразием индивидуально-авторских предпочтений. Выбор определенных языковых средств и механизмов их стилистической компоновки (обработки) в литературном произведении во многом определяется образным (добавочным) представлением изображаемого, способностью единиц к «перевоплощению», вызывать сопереживания, ассоциации, намекать читателю на его опыт решения аналогичных проблем, участвовать в создании разного рода стилистической информации.

Частицы играют важную роль в идиостиле Ф. М. Достоевского, в умелых руках которого они стали одним из наиболее действенных языковых средств, участвующих в реализации различных стилистических функций (акцентирующей, экспрессивной, эмотивной, аксиологической и др.). Стилистические функции частиц обусловлены самой природой этого класса слов, их категориальными признаками, а также спе-

цификой художественной речи (диалогичностью, полифонией и др.), в которой проявляются субъективные модально-экспрессивные реакции партнеров по общению.

У частиц существует определенная семантическая, интонационная и синтаксическая связь с предшествующими и с последующими элементами в потоке речи, поскольку они обслуживают различные семантические потребности слов, членов предложения или целых предложений. При этом они не только повышают информативные возможности этих единиц, но и делают их более точными и выразительными, эмоционально и экспрессивно насыщенными.

В потоке речи персонажей частицы выделяются особенно четко, с максимальной степенью проявления. Нередко сопровождаясь восклицательной интонацией, частицы присущи, как правило, аффективным реакциям и являются стержневыми, обобщенно-концентрированными сигналами. В речи автора использование частиц выражает стремление говорящего к индивидуально-речевой оригинальности, эмоционально-речевой раскованности, то есть к общей разговорной окраске повествования, где что-то уточняется, выделяется, отрицается, оценивается, «восстанавливается», выражается сомнение и т. п.

Наблюдения над стилистическими функциями частиц в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» позволяют говорить не только о широких возможностях этих единиц, их своеобразном использовании, но и об индивидуальной манере писателя. Стилистические функции частиц отражают, с одной стороны, активные процессы взаимодействия языковых средств в тексте, направленные на обеспечение стилистической информацией, и выявляют неограниченные возможности русской языковой системы, с другой стороны, позволяют выделить особенности индивидуального мировосприятия, характерные особенности идиостиля Достоевского (интенсивное использование различных средств выражения коннотаций, обуславливающих субъективность, личностную ориентированность картины мира писателя; обращение к сложным художественным образам и т. п.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общие выводы проведенного исследования могут быть представлены следующими положениями:

1. Весьма чуткий к нюансам, создатель тонкого психологического стиля, Ф. М. Достоевский внес неоценимый вклад в развитие родного языка, отечественной и мировой литературы. Его художественный мир, наполненный трагическими контрастами и напряженным поиском идеала, предельно эмоционален, динамичен и внутренне антиномичен, что не могло не отразиться на языке его произведений.

Обладея великим искусством находить в языке такие стилистические ходы, «маркеры» и нюансы, которые повышают информативные возможности единиц, делают их более точными и выразительными, эмоционально и экспрессивно насыщенными, предельно обнажая психологическую сущность и противоречивость душевного мира людей, вскрывая внутренние мотивы их действий и поступков, Ф. М. Достоевский выбирает и использует: а) **знаменательные слова** (существительные, прилагательные, глаголы, наречия), выражающие максимальную экспрессию, предельное проявление признака; б) **местоимения и незнаменательную лексику**, которые часто взаимодействуют друг с другом, создавая экспрессивные выражения и конструкции со значением градации; в) **частицы**, которые в умелых руках мастера-стилиста становятся одним из наиболее действенных средств, организованных соответствующим образом в целях достижения различного в каждом конкретном случае стилистического задания; г) **аффиксы**, которые выражают значение высокой или предельной степени проявления признака, качества, экспрессии (увеличение, презрение, уничижение, крайняя степень и др.) и которые могут накладываться на другие значения (действия), сопро-

вождать их, выступать в различных вариантах проявления (тщательности, завершенности, полного охвата, чрезмерности, предельности и др.); д) **фразеологические единицы**, обеспечивающие большую экспрессию, чем соотносимые с ними лексемы и свободные сочетания, поскольку по своей природе обладают мощным коннотативным потенциалом, включающим эмоциональность, оценочность, экспрессивность и др.; е) **стилистические приемы**, способные еще больше усилить степень выражаемого ими признака или качества, довести его до предела (тавтология, синонимические ряды с градационным значением, нагромождением частиц, приемы умолчания и недосказанности и др.).

Отбор и творческое применение языковых и стилистических средств, как правило, связаны с отражением весьма разнообразных авторских намерений и служат для того, чтобы: а) выразить одну и ту же мысль разными способами и при этом передать самые различные оттенки, эмоциональные всплески, повороты душевных движений и настроений и т. д.; б) воздействовать на читателя, заставив его «неравнодушно» отозваться на изображаемый мир и др.

Вырабатывая свой художественный метод, Достоевский открыл в языке художественной прозы новые источники экспрессии, наполнив их новым содержанием (интенсивным использованием слов предельного значения, синонимов, антонимов, оксюморонных построений и др.), раздвинул традиционные рамки писательской манеры, создав свой неповторимый индивидуальный стиль, который характеризуется динамизмом и тенденцией к компрессии, высокой степенью повторяемости единиц разных уровней и разных стилистических пластов, их концентрацией, предельной свободой в объединении речевых средств, обнажением связей между ними, развернутой системой акцентуации, выделением ключевых слов – доминант текста (или его фрагмента), стилистической игрой словом и др. В нагнетании этих средств, которые и образуют в романе то особенное (стилеобразующее), что отличает Достоевского от других великих художников слова, и состоит одна из характерных особенностей его индивидуальной манеры.

2. Несмотря на широкое употребление, понятие «стилистическая функция» не имеет общепринятого определения. В одних исследованиях под **стилистической функцией** понимается усиление (актуализация) каких-либо языковых средств, в других она представлена как их целенаправленность, роль, назначение

или рассматривается как воздействие этих языковых средств на воспринимающего текст. Все эти (и другие) «характеристики», как показало исследование, представляют собой разнообразные стилистические возможности единого целого, некоторые «структурные» составляющие из возможных реализаций стилистической функции той или иной языковой единицы, отбор и организация которой обусловлены стилистическим заданием.

Таким образом, **стилистическая функция** – это разнообразные стилистические возможности выражения определенного стилистического задания особым образом организованных средств языка, обладающих стилистическим значением, конкретное содержание которого и определяет характер стилистической функции (акцентирующей, экспрессивной, аксиологической и др.), благодаря чему формируется, сохраняется и развивается стилистическая система как целое.

3. Вопрос о стилистических функциях частиц в художественном тексте достаточно сложен, зыбок и многогранен, поскольку художественная речь представляет собой систему разнородных языковых явлений, она лишена какой бы то ни было стилистической замкнутости и отличается разнообразием индивидуально-авторских предпочтений.

Выбор определенных языковых средств и механизмов их стилистической компоновки (обработки) в литературном произведении во многом определяется образным (добавочным) представлением изображаемого, способностью данных единиц к «перевоплощению», вызывать сопереживания, ассоциации, намекать читателю на его опыт решения аналогичных проблем, участвовать в создании разного рода стилистической информации (стилистического задания, стилистического эффекта, стилистического впечатления), вызывать и усиливать те или иные реакции получателя информации на использование в речи с определенным стилистическим заданием языковых арсеналов, порождающих индивидуальные ассоциации и др. В этом ряду одно из первых мест занимают частицы, являющиеся активным выразителем скрытых (субъективных) и явных (объективных) смыслов, усиления их качества, воздействующего эффекта, координатором «сближения миров» говорящего и слушающего, «нюансировки» отношений, выражения сильных эмоций, акцентирования внимания читателя (слушателя) на значимых местах, обеспечения стилистической оформленности, экспрессивной тональности, формирования определенного ритмико-интонационного рисунка и т. п.

Активное использование Ф. М. Достоевским на страницах своих произведений частиц привело к тому, что данные языковые единицы стали своеобразными маркерами при описании идиостиля писателя. В умелых руках художника слова частицы оказываются одним из действенных языковых средств, ярко проявляющих себя в реализации акцентирующей, экспрессивной, эмотивной, аксиологической, ретардационной, суггестивной функций.

4. В основе **акцентирующей функции** частиц, поддерживаемой ударением и интонацией, лежит словарное значение указательности, усилительности, выделительности, ограничительности, оценочности и др., корректируемое контекстом и намерением говорящего выразить те или иные смыслы, отношения, оттенки, интенции. Особенно активно в реализации акцентирующей функции участвуют частицы *даже, именно, чуть не (чуть ли не, чуть было не), почти (почти что), как-то, что-то, какой-то, какой-нибудь, эдакий, вот, ведь, же, -то* и др., служащие для: а) акцентирования актуальных логико-смысловых отношений (уточнения) – градации, сопоставления, противопоставления, отрицания, ограничения и др.; б) привнесения дополнительных оттенков смысла, подчеркивания значимых элементов речи (усиления, интенсивности, максимальной экспрессии); в) передачи важных для автора оценок изложенных фактов и их интерпретации; г) выражения категоричности/некатегоричности изложения; д) облегчения коммуникативно-прагматической ориентации адресата в тексте, создания благоприятных условий для целенаправленного восприятия информации, усиления речевого воздействия на читателя, обеспечения согласованности между коммуникантами (активизация).

Особое место среди языковых единиц, участвующих в реализации **экспрессивной функции**, принадлежит частицам, обеспечивающим воздействующий резонанс высказываний, подчеркивающим аргументирующие моменты определенного фрагмента текста, расширяющим диапазон экспрессивных импульсов и т. п. Круг частиц, участвующих в реализации экспрессивной функции, практически не ограничен. Так, текст романа богато и многообразно акцентируется, оказывается экспрессивно насыщенным благодаря обилию в нем различных по формам повторов и градационных сочетаний, включающих в себя повторяющиеся частицы: *только, лишь, единственно, даже, хоть, именно, -то, вот, ведь, же, почти,*

чуть не, как-то, какой-то, что-то, какой, разве, неужели, как, все-таки, как бы, как будто и др.

Выявленные приемы аффективного синтаксиса – восклицания, возгласы, повторы, градационные усиления, интонационное расчленение фразы, а также разнообразные комбинации этих приемов, в которых так или иначе задействованы частицы как конструирующий материал формирования экспрессии – как бы наслаиваются на разговорную основу, формируя экспрессивно-монологичный фундамент.

В **психологических фрагментах** текста, насыщенных частицами *нежели, как бы, точно, лишь только, почти, как, хоть, этак, все-таки, даже, чуть не, еще* и др., передаются самые разнообразные психические движения и состояния, охватывающие героя под влиянием происходящего вокруг него или под воздействием своих собственных воспоминаний, мыслей, воображения: страха, боязни, испуга, ужаса и т. п. С помощью частиц создаются «интонационные каскады» (спад и подъем) – средства реализации экспрессивной функции. Эти разнообразно звучащие экспрессивные фразы порой занимают в тексте произведения целые абзацы, вступают в ритмико-интонационное взаимодействие с другими фразами, включающими ряды перечислений, повторы, нагромождение единиц и т. д. **Портретным зарисовкам** романа присущ такой выразительный потенциал взаимодействия языковых средств в тексте, который обеспечивает передачу (наряду с предметно-логическим содержанием) экспрессивной информации (специальное подчеркивание, выделение индивидуальных особенностей, детализация обрисовки каких-либо моментов, нюансировка каких-то свойств, качеств и др.), где частицы участвуют в создании стилистического эффекта (комического, иронического, юмористического; обманутого (напряженного, подтверждающего) ожидания; сопереживания и др.), актуализируют определенные свойства, значения, оживляют портрет, наполняя его различными характеристиками: таинственными, неопределенными, непостижимыми (*как бы, как будто, что-то, как-то, почти, какой-то* и др.). В контекстах **рассуждающего типа** часто встречается частица *единственно*, органично включенная в разнообразные по форме структуры с причинным, целевым, условным значениями, подчеркивая исключительность данного факта, явления, действия и т. д., внося в них оттенок выделительности, экспрессии. Для экспрессивного выделения слов или словесных единств, особо

значимых в определенном фрагменте рассуждения, используются: распространенные в разговорной речи акцентирующие частицы *ведь, даже, именно, -то, же, хоть* и др., к употреблению которых Достоевский обращался довольно часто; экспрессивные по своей форме конструкции с включением синтаксического сигнала, представляющего собой сочетание частицы *все-таки, хоть, ведь, даже, только* и др. с союзом **потому что** не только в основном для него (причинном), но и во «вторичном» (разъяснительном) значении; экспрессивно-разговорная формула с участием частицы *-то* (*то-то, то-то и, то-то же, то-то же и оно, то-то и есть* и др.), демонстрирующая негативное отношение к предшествующему утверждению (или предположению), «подчеркнутое возражение, несогласие» (Иванчикова), распространяя экспрессию на весь участок рассуждения и др.

В реализации экспрессивной функции активно участвуют частицы, входящие в пласт экспрессивных «комплексов» – «коммуникем» (Меликян), широко употребляемых в разговорной речи: *Еще бы! Ишь ты! Вот еще! А как же! Как бы не так! Что за дичь! Куды! Точно так-с! Какое тут! Да где уж тут!* и др., которые функционируют в диалоге, в ответных репликах диалогической речи, в монологической речи при подтверждении уже высказанного или самовыражении, неся на себе весь максимум нагрузки текста и участвуя в выражении следующих значений: 1) **значения, относящиеся к категории объективной модальности**: а) определяемые по характеру коммуникативной целеустановки – утверждение (в противоположность вопросительному и побудительному); б) определяемые по признаку утвердительное/отрицательное; 2) **значения, относящиеся к категории субъективной модальности**: а) определяемые по разной степени уверенности говорящего в достоверности формирующейся у него мысли о действительности; б) определяемые по характеру отношения говорящего к предмету и ответу речи.

Как показывают наблюдения, роль «экспрессем», то есть экспрессивных элементов, выполняют самые различные частицы, являющиеся органичным элементом структуры целого текста или какой-то значительной его части.

Общее эмоциональное значение высказываний (радость, восторг, восхищение, сожаление, отвращение, огорчение и др.) выражается не только с помощью восклицательной интонации, но и с помощью частиц, которые, внося добавочные зна-

чения, участвуют в реализации **эмотивной функции**. Особенно активны частицы *вот, ведь, же, -то, что за, какой, куда, ни* и др. Одна и та же частица может выражать (или усиливать) как положительные, так и отрицательные эмоции. Участвуя в реализации эмотивной функции, частицы выполняют важные семантико-прагматические цели, формирующие скрытые смыслы, обеспечивающие экспрессию и воздействующий эффект эмоционально-экспрессивных высказываний. При этом они: 1) контактируют со многими словами: глаголами (для подчеркнутого побуждения, привлечения внимания, угрозы и др.), существительными (для подчеркивания слова, усиления смысла и эмоционального эффекта), прилагательными, наречиями, местоименными словами (для выражения сильных эмоций); 2) актуализируют разные эмоциональные значения, важнейшими из которых являются: а) значение осуждения, граничащее с досадой, разочарованием; б) значение неприятия, граничащее с негодованием, яростью, унижением, насмешкой; в) значение неприятия, граничащее с отвращением; г) значение неуверенности, граничащее с удивлением, изумлением, недоумением; д) значение сожаления, граничащее с возрастанием эмоционального напряжения; е) значение удивления (действием, поступками, желаниями и др.), граничащее с недоумением, иронией, нервным напряжением; ж) значение одобрения, граничащее с восхищением, восторгом, радостью, умилением; з) значение осуществленного ожидания, граничащее со снятием эмоционального напряжения; 3) помогают чутко уловить в различных фрагментах текста самые разнообразные эмоциональные импульсы, оттенки и повороты душевных движений и настроений героев в момент «говoreния» и «неравнодушно» отозваться на изображение мира.

Для одних частиц (*какой, каков, что за, как, ну и*) актуализация различных эмоциональных значений определенных фрагментов текста является основной, а следовательно, постоянной, у других частиц актуализация эмоциональной выразительности проявляется в определенных синтаксических условиях.

Среди высказываний с оценочным значением, в которых достаточно свободно функционируют частицы, выделяются два типа: 1) коммуникативной целью является именно оценка (оценка затушевывает все другие значения) и 2) оценка только окрашивает основное содержание (наслаивается на эмоциональность, отрицательность и др.). При этом оценочное зна-

чение высказывания (**аксиологическая функция**) создается в первую очередь знаменательными словами, частицы же с усиленным, вопросительным, указательным и другими значениями лишь включаются в создание оценочности, оказываясь при этом в зоне вечно «воюющих» за свое лидерство категорий экспрессивности, эмоциональности и оценочности. Чаще всего в создание оценочности включаются частицы *вот, ведь, же, -то, только, неужели, даже, какой, что за, каков, какой-то, какой-нибудь, эдакий, почти, чуть не, как-то, что-то*.

Частица *вот* в оценочных конструкциях может употребляться не только самостоятельно, но и в сочетании с другими частицами, сохраняя при этом практически всегда свое базовое значение указательности, свидетельствующее об отношении элементов текста друг к другу. Вместе с тем наличие частицы *вот* свидетельствует об оценочном отношении говорящего к ситуации в целом или к объекту ситуации. Усиление качества оценочного признака реализуется в высказываниях-штампах, стандартных выражениях (*Вот беда! Вот прекрасно!* и др.). Включаясь в реализацию аксиологической функции, частица *вот* выполняет важные стилистические задачи, формирующие скрытые смыслы, порождающие индивидуальные ассоциации, «усиливающие указательность на оценочный признак конкретного объекта оценки» (Маркелова) и др. Включение частицы *же* в оценочное высказывание создает условия для выражения скрытых смыслов осуждения либо похвалы в зависимости от контекста и речевой ситуации. Контактная с местоименными словами, лексема *же* как будто «оттеняет» их определительно-оценочное значение. Близкими к частице *же* чертами обладает частица *-то*. Выполняемые ею функции подчеркивания, выделения содержания того слова, к которому частица относится, как бы накладываются на основное содержание (оценочное, эмоциональное), актуализируя: а) оценочное содержание с помощью восклицательной интонации, позитивного или негативного оценочного значения слов; б) создаваемое контекстом значение неодобрения; в) значение удивления оценкой, граничащее с недоумением; г) сомнение в названном признаке, утверждение противоположного значения. Частица *ведь* используется для подчеркивания категоричности в оценке, утверждения оценки, усиления смысла сказанного. При этом она нередко сопровождается «фразами-тенями», скрытыми смыслами одобрения/неодобрения, похвалы/порицания. Особое место в реализации

аксиологической функции занимают частицы местоименного происхождения *какой, что за, каков*, которые способствуют усилению качества оценки (признака), возводя его в высокую степень. Основное значение частиц *как-то, что-то, какой-то, какой-нибудь, эдакий* – обозначение неопределенности: субъект оценки как бы затрудняется в характеристике, поэтому уклоняется от точного определения. Включаясь в создание оценочности, данные лексемы передают «впечатление некоего постороннего зрителя – впечатление загадочности» (Иванчикова).

Ретардацию в романе создают различного рода повторы: многократные повторы эпизодов, монологов, диалогов, синтаксических конструкций, слов как знаменательных, так и служебных. Больше, чем слова других частей речи, в реализации **ретардационной функции** участвуют частицы. Чаще всего замедление повествования создают десемантизированные частицы и частицы со слабой семантической наполняемостью (*да, как, ан, и, ведь, хоть* и др.), местоположение которых может быть различно. Ретардирующие начальные частицы (*именно, какая, да, ведь, и, разве, как, хоть, вот* и др.) выступают в роли акцентуаторов, поскольку «имеют усилительный оттенок» (Порошина). Находясь внутри высказывания, частицы замедляют повествование, заполняют паузы в разговоре, повышают стилистический эффект, выражают затруднение говорящего при выборе слов и т. п. Чаще всего повествование замедляют постпозитивные частицы (в том числе и несамостоятельные, входящие в устойчивые сочетания) *же, -то, точно такую же, точно так же, вот тут-то, то-то и есть* и др. Ретардационная роль частиц проявляется не только в эпизодах с интенсивным развитием действия, в высказываниях оценочного характера, но также и в статических описаниях. Состав и частотность употребления ретардирующих частиц целиком зависят от целеустановок автора (говорящего), которые он решает в данный момент. Замедляя повествование, частицы вместе с другими средствами способствуют улучшению восприятия, повышению интереса к содержанию, обеспечивают плавность, мелодичность (или импульсивность, неровность) и др.

Участвуя в выражении скрытых смыслов, важнейшими из которых являются: а) побуждение собеседника к ответу, разъяснению; б) размышление по поводу сказанного при несогласии; в) вопрос-рассуждение; г) совпадение с тем, о чем уже упоминалось, согласие, готовность примириться; д) порицание, осужде-

ние; е) упрек, осуждение и оценка; ж) согласие/несогласие; з) отрицание/утверждение; и) удивление фактом несоответствия и др., частицы вступают во взаимодействие с другими элементами текста, заставляя читателя (слушателя) постоянно возвращаться к ним мыслями, – отсюда и замедление.

Выделяя главное и привлекая внимание к содержанию текста, подчеркивая активный характер совершаемых действий и локализуя его место, оживляя повествование и делая его реальным и т. п., частицы активно участвуют в реализации **суггестивной функции**, имеющей целью направить внимание читателя на содержание произведения, поступки героя, совершаемые во временно-пространственном настоящем. В кругу частиц, участвующих в реализации суггестивной функции, выделяются соотносительно-указательные местоименно-наречного происхождения (*как, вот, тут, что*).

Суггестивный текст отличает: а) многократное повторение одного и того же сочетания звуков в составе различных слов; б) наличие лексических повторов, использование общезыковых и окказиональных синонимов; в) преимущественное использование частиц, существительных и глаголов; г) насыщенность текста окказионализмами разного характера (окказиональными метафорами, сравнениями), а также другими способами образного представления реалий действительности; д) реализация синтаксического параллелизма, выполняющего архитектурную функцию и др.

Роль частицы в тексте романа многопланова. Так, частица *как* способна выступать как начальный элемент повествования, приобретать «усилительный оттенок значения с эмоциональной окраской» (Порошина), указывать на неожиданность совершения действия, поступка. Для частицы *вот* характерен указательный оттенок значения, который помогает оживить повествование, сделать его реальным, представить в настоящем. Анафорическое употребление частицы способствует подчеркиванию активного характера совершаемых действий. Как языковой элемент, способный представить событие в рамках эмпирического пространства и времени, в романе функционирует очень продуктивная частица *тут*. Все частицы, способные выполнять суггестивную функцию, сохраняют некоторую семантическую связь с теми словами, которым они обязаны своим происхождением.

Частицы, участвующие в реализации суггестивной функции, используются Достоевским для оживления картин про-

шлого, «передачи смутных, прихотливых душевных состояний» (Литературный энциклопедический словарь), чтобы «нарисованные» художником слова картины давнопрошедшего времени воспринимались как явления настоящего.

Свойство суггестии проявляется в недосказанности, которую выразить прямой номинацией невозможно. Поэтому суггестивный текст опирается не столько на логически оформленные связи, сколько на ассоциации, на дополнительные смысловые (и интонационные) оттенки, в формировании которых частицы *вот, тут, как, как бы, как будто* и др. просто необходимы.

В каждом отдельном случае употребления частица способна участвовать в реализации не одной, а нескольких функций.

Наблюдения над стилистическими функциями частиц в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» позволяют говорить не только о широких возможностях этих единиц, их своеобразном использовании, но и об индивидуальном «почерке» писателя, воплотившемся в выработке новых приемов использования языковых средств, которые определили их строгий отбор и определенное структурно-семантическое и стилистическое равновесие в тексте, показали языковую компетенцию автора в выражении дополнительной к предметно-логическому содержанию высказывания стилистической информации, конкретное содержание которой и определяет характер стилистической функции.

5. Перспектива изучения частиц в стилистическом аспекте, на наш взгляд, находится в области прагматической стилистики, качественно соединившей разнонаправленные стилистические установки, включающие изучение: а) универсальных приемов языкового построения произведений литературы; б) индивидуальных особенностей использования говорящим средств языка в разных ситуациях; в) принципов организации собственного повествования (авторской речи); г) способов выражения речи персонажей; д) языковых единиц, которым отдает предпочтение автор в плане установления его индивидуального «почерка», и др. Эти направления, по нашему мнению, открывают новые горизонты исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аванесов, Р. И. Достоевский в работе над «Двойником». Творческая история. Исследования по русской литературе; редакция Н. К. Пиксанова / Р. И. Аванесов. – М.: Никитинские субботники, 1927. – 179 с.
2. Авилова, Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Н. С. Авилова. – М.: Наука, 1976. – 163 с.
3. Азнаурова, Э. С. К вопросу о природе стилистических функций языка / Э. С. Азнаурова // Сб. научн. тр. – Вып. 73 / МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1973. – С. 7–13.
4. Акимов, Г. Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка: учеб. пособие. – Гл.: Конструкции экспрессивного синтаксиса / Г. Н. Акимов. – Л.: Просвещение, 1982. – С. 64–86.
5. Акимов, Г. Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка / Г. Н. Акимов. – М.: Наука, 1990. – 168 с.
6. Акуленко, В. В. Лексические средства выражения интенсивности качественного признака в современном русском языке (на материале имен прилагательных): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Акуленко. – Киев, 1987. – 21 с.
7. Алтабаева, Е. В. К вопросу о функциональной специализации частицы «было» в грамматической системе русского языка / Е. В. Алтабаева // Средства номинации и предикации в русском языке: межвуз. сборник научных трудов. – М.: МПУ, 2001. – С. 83–85.
8. Алтабаева, Е. В. О парадигматике и синтагматике частицы «бы» в современном русском языке / Е. В. Алтабаева // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка: межвуз. сборник научных трудов. – М.: МПУ, 2002. – С. 67–70.
9. Альми, И. Л. О сюжетно-композиционном строе романа «Идиот» / И. Л. Альми // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. – М.: Наследие, 2001. – С. 435–446.
10. Альтман, М. С. Использование многозначности слов и выражений в произведениях Достоевского / М. С. Альтман //

Ученые записки Тульского гос. пед. ин-та им. Л. Н. Толстого. – Тула, 1959. – Т. XI. – С. 87–96.

11. Андрамонова, Н. А. К вопросу о союзности частиц / Н. А. Андрамонова // Вопросы теории и методики изучения русского языка: сборник 11. – Казань, 1976. – С. 57–70.

12. Анненский, И. Ф. Вторая книга отражений / И. Ф. Анненский. – СПб.: изд-во Башмаковых, 1909. – 149 с.

13. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.

14. Апресян, Ю. Д. Прагматика и лексикография: прагматическая информация для толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Пропозиционные установки в логическом и лингвистических аспектах: тезисы рабочего совещания. – М.: Наука, 1987. – С. 3–12.

15. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. – Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.

16. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян // Избранные труды: в 20 т. – М., 1995. – Т. 1. – 432 с.

17. Арнольд, И. В. О стилистической функции / И. В. Арнольд // Вопросы теории английского и русского языков // Ученые записки Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. – Т. 471. – Вологда, 1970. – С. 3–12.

18. Арнольд, И. В. Стилистика английского языка (Стилистика декодирования) / И. В. Арнольд. – Л.: Высшая школа, 1981. – 295 с.

19. Арутюнова, Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке / Н. Д. Арутюнова // Филологические науки. – 1970. – № 3. – С. 35–42.

20. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики, 1982. – М., 1984. – С. 12–47.

21. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 338 с.

22. Арутюнова, Н. Д. Стилль Достоевского в рамках русской картины мира / Н. Д. Арутюнова // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: сборник статей, посвященный памяти Т. Г. Винокур. – М., 1996. – С. 846–873.

23. Арутюнова, Н. Д. Модальные и семантические операторы / Н. Д. Арутюнова // Облик слова. – М., 1997. – С. 22–43.

24. Арутюнова, Н. Д. Функции языка / Н. Д. Арутюнова // Русский язык. Энциклопедия. / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1998. – 669 с.

25. Арутюнова, Н. Д. Модальная неопределенность «как бы» / Н. Д. Арутюнова // Язык и мир человека. – М., 1999. – С. 851–862.

26. Арутюнова, Н. Д. Показатели чужой речи **де, дескать, мол**: К проблеме интеграции речеповеденческих актов / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке. – М., 2000. – С. 437–448.

27. Баженова, Е. А. Категория оценки / Е. А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 139–146.

28. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Просвещение, 1955. – 229 с.

29. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Наука, 1961. – 393 с.

30. Балобанова, Л. А. Структурно-семантические особенности и функционирование синтаксических фразеологизмов со значением невозможности / Л. А. Балобанова // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М.: изд-во МГУ, 2001. – С. 158–165.

31. Баранов, А. Н. «Выделительное» и «событийное» значения частицы «да»: Материалы к изучению семантики и прагматики диалога / А. Н. Баранов // Модели диалога в системах искусственного интеллекта. – Тарту, 1987. – С. 93–115.

32. Баранов, А. Н. Модальные частицы в ответах на вопрос / А. Н. Баранов, И. М. Кобозева // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С. 45–61.

33. Баранов, А. Н. Процедурный метаязык в лингвистической семантике / А. Н. Баранов, П. В. Паршин // Известия АН СССР. Современный литературный язык. – М., 1990. – Т. 49. – № 1. – С. 16–30.

34. Баранов, Н. П. Заметки о «дескать» и «мол» / Н. П. Баранов // Вопросы языкознания. – 1994. – № 1. – С. 114–124.

35. Барлас, Л. Г. Русский язык. Стилистика: пособие для учителей / Л. Г. Барлас. – М.: Просвещение, 1978. – 256 с.

36. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Советский писатель, 1963. – 361 с.

37. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 502 с.

38. Бахтин, М. М. Проблема текста. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Вопросы литературы. – 1976. – № 10. – С. 138–146.

39. Бацевич, Ф. С. Семантика обманутого ожидания: Слово «даже» у Ф. М. Достоевского / Ф. С. Бацевич // *Studia rusystyczne Akademii swientokrzyskiej*. – Т. 12. – Kielce, 2003. – С. 239–247.

40. Белецкий, А. И. Достоевский и натуральная школа в 1846 году / А. И. Белецкий // *Наука на Украине*. – 1922. – № 4. – С. 322–342.

41. Белинский, В. Г. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым / В. Г. Белинский. – Отечественные записки, 1846. – № 3. Цит. по: Ф. М. Достоевский в русской критике. – М.: Гослитиздат, 1956. – С. 3–34.

42. Белов, С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий: книга для учителя / С. В. Белов. – М.: Просвещение, 1985. – 240 с.

43. Беловольская, Л. А. Категория недискретного количества и ее грамматический статус: на материале современного русского языка: дис. ... д-ра филол. наук / Л. А. Беловольская. – Таганрог, 1999. – 209 с.

44. Бельская, Е. В. Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров среднего Приобья): дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Бельская. – Томск, 2001. – 194 с.

45. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.

46. Бирюкова, О. А. Стилистические возможности частицы «даже» (на материале прозы С. Довлатова) / О. А. Бирюкова // *Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы 7-й международной научно-методической конференции*. – Уссурийск: изд-во УГПИ, 2006. – С. 74–77.

47. Бирюкова, О. А. Семантико-прагматические функции и стилистические возможности частиц в художественном тексте (на материале прозы С. Довлатова): дис. ... канд. филол. наук / О. А. Бирюкова. – Владивосток, 2007. – 206 с.

48. Богатырев, П. Г. Вопросы теории народного искусства / П. Г. Богатырев. – М.: Искусство, 1971. – 544 с.

49. Богуславский, И. М. Исследования по синтаксической семантике / И. М. Богуславский. – М.: Наука, 1985. – 176 с.

50. Богуславский, И. М. О некоторых типах семантического взаимодействия между словами со значением «достаточно» и частицами / И. М. Богуславский // *Логический анализ языка: Проблема интенциональных и прагматических контекстов*. – М.: Наука, 1989. – С. 54–69.

51. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Количественность в языковом мышлении / И. А. Бодуэн де Куртенэ // *Избранные труды по общему языкознанию*. – М.: АН СССР, 1963. – С. 311–325.

52. Болдырева, Л. М. К вопросу функционально-стилистической характеристики фразеологических единиц / Л. М. Болдырева // *Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца*. – Т. 42. – М., 1968. – С. 428–455.

53. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола (Значение и употребление) / А. В. Бондарко. – М.: Просвещение, 1971. – 238 с.

54. Бондарко, А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. – Л.: Просвещение, 1984. – 367 с.

55. Бондарко, А. В. Семантика предела / А. В. Бондарко // *Вопросы языкознания*. – 1986. – № 1. – С. 46–59.

56. Борисова, В. В. Об одном фольклорном источнике в романах Достоевского / В. В. Борисова // *Достоевский. Материалы и исследования*. – Т. 13. – СПб., 1996. – С. 65–73.

57. Борисова, Е. Г. Семантический анализ усилительных частиц русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Борисова. – М., 1982. – 23 с.

58. Борисова, Е. Г. Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении / Е. Г. Борисова // *Вопросы языкознания*. – 1990. – № 2. – С. 12–17.

59. Борисова, Е. Г. Принципы описания служебных слов / Е. Г. Борисова // *Вестник Московского ун-та. – Серия 9: Филология*. – М., 1999. – № 2. – С. 70–86.

60. Бочаров, С. Г. Переход от Гоголя к Достоевскому / С. Г. Бочаров // *Смена литературных стилей*. – М.: Наука, 1974. – С. 386–399.

61. Брызгунова, Е. А. Полифункциональные слова как проблема русских и русскоиноязычных слов / Е. А. Брызгунова // *Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию М. В. Панова*. – М.: Языки славянской культуры. – 2001. – С. 35–41.

62. Буглак, С. И. Модальные слова и частицы как средство выражения подтверждения или опровержения достоверности сообщаемого / С. И. Буглак // *Русский язык в школе*. – 1990. – № 2. – С. 21–34.

63. Булатникова, А. Е. Семантика и функции частиц «даже», «же», «то», «таки»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Е. Булатникова. – М., 1973. – 24 с.

64. Булыгина, Т. В. О границах и содержании прагматики / Т. В. Булыгина // *Известия АН СССР. Современный литературный язык*. – 1981. – № 4. – С. 69–78.

65. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.

66. Бюлер, К. Теория языка (извлечение) / К. Бюлер // В кн.: Звягинцев, В. И. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. 2. – М.: Просвещение, 1965. – 357 с.

67. Валентинова, О. И. Семантическая структура полифонического слова и текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. И. Валентинова. – М., 2006. – 38 с.

68. Ванников, Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи / Ю. В. Ванников. – М.: Наука, 1979. – 194 с.

69. Васильев, А. Т. Лингвистические аспекты понимания: дис. ... канд. филол. наук / А. Т. Васильев. – Калуга, 1990. – 207 с.

70. Васильев, Л. А. Язык «Беломорских былин» / Л. А. Васильев. – СПб.: изв. отд. рус. яз. и словесности Имп. АН, 1902. – Т. 7. – Кн. 2. – С. 1–42.

71. Васильева, А. Н. Стилистический анализ художественного произведения / А. Н. Васильева. – М.: Наука, 1966. – 211 с.

72. Васильева, А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия. Разговорно-обиходный стиль речи / А. Н. Васильева. – М.: Высшая школа, 2006. – 215 с.

73. Вежицкая, А. Метатекст в тексте / А. Вежицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8: Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – 462 с.

74. Ветловская, В. Е. Символика чисел в «Братьях Карамазовых» / В. Е. Ветловская // Древнерусская литература и русская культура XVII–XX вв.: Труды отдела древнерусской литературы. – Вып. XXVI. – Л.: Наука, 1971. – С. 140–156.

75. Ветловская, В. Е. Приемы идеологической полемики в «Преступлении и наказании» Достоевского / В. Е. Ветловская // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 12. – СПб., 1996. – С. 78–98.

76. Ветловская, В. Е. Анализ эпического произведения. Логика положений («Тот свет» в «Преступлении и наказании») / В. Е. Ветловская // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 14. – СПб., 1997. – С. 117–129.

77. Ветловская, В. Е. Хождение души по мытарствам в «Преступлении и наказании» Достоевского / В. Е. Ветловская // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 16. – СПб., 2001. – С. 97–117.

78. Ветрова, Н. В. Конструкции со словами «еще» и «уже» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Ветрова. – Ставрополь, 1995. – 21 с.

79. Ветрова, Н. В. Функциональные антонимы «еще» и «уже» в системе переходных явлений в языке / Н. В. Ветрова // Неполинозначные слова. Синтаксические связи и синтаксические отношения: межвуз. сб. науч. тр. – Ставрополь: изд-во СПГУ, 1997. – С. 42–48.

80. Виноградов, В. В. К истории лексики русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М., 1927. – 212 с.

81. Виноградов, В. В. Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский / В. В. Виноградов. – Л.: Академия, 1929.

82. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.; Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.

83. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М.: Художественная литература, 1959. – 489 с.

84. Виноградов, В. В. Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1961. – 496 с.

85. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.

86. Виноградов, В. В. И. С. Генслер и Ф. М. Достоевский – редактор «Гаванских сцен» / В. В. Виноградов // Русская литература. – 1964. – № 2. – С. 71–91.

87. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.

88. Виноградов, В. В. Поэтика русской литературы: избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1976. – 508 с.

89. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 426 с.

90. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – 217 с.

91. Винокур, Т. Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи / Т. Г. Винокур // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М., 1968. – С. 4–36.

92. Винокур, Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1980. – 240 с.

93. Владимирцев, В. П. Народные плачи в творчестве Ф. М. Достоевского / В. П. Владимирцев // Русская литература. – 1987. – Т. 3. – С. 179–190.

94. Владимирцев, В. П. «Зальюсь слезами горючими» / В. П. Владимирцев // Русская речь. – 1988. – Т. 1. – С. 119–123.

95. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 192 с.

96. Воротников, Ю. Л. Употребление частиц **куда, куда как, куда уж** со сравнительной степенью / Ю. Л. Воротников // Русский язык в школе. – 1998. – № 6. – С. 74–78.

97. Воротников, Ю. Л. Категория меры признака в смысловом строе языка: дис. ... д-ра филол. наук / Ю. Л. Воротников. – М., 1999. – 215 с.

98. Востоков, А. Х. Русская грамматика / А. Х. Востоков. – СПб.: изд-во Имп. АН, 1831. – 307 с.

99. Востоков, В. В. Об экспрессивных, эмоциональных и субъективно-модальных значениях в предложении / В. В. Востоков // Проблемы лексикологии и семасиологии русского языка: лингвистический сборник. – Вып. 9. – М., 1977. – С. 64–76.

100. Высоцкая, И. В. Семантика слова «ничего» / И. В. Высоцкая // Многоаспектность синтаксических единиц: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МПГУ им. В. И. Ленина, 1993. – С. 63–76.

101. Вязовик, Т. П. Конструкции с местоимениями, включающими частицу «**вот**» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. П. Вязовик. – Л., 1981. – 37 с.

102. Галкина-Федорук, Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е. М. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию. – М.: Наука, 1958. – 374 с.

103. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М.: Просвещение, 1958. – 269 с.

104. Гальперин, И. Р. Является ли стилистика уровнем языка? / И. Р. Гальперин // Проблемы языкознания. – М., 1967. – С. 196–212.

105. Гастилене, Н. А. Экспрессивность как одна из языковых функций / Н. А. Гастилене // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца, 1972. – Вып. 65. – С. 26–37.

106. Гатинская, Н. В. Функционально-семантическая характеристика служебного слова «**как бы**» / Н. В. Гатинская // Разноразрядные характеристики лексических единиц: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. – Ч. 3: Морфология и синтаксис. – Смоленск: СГЛУ, 1999. – С. 11–17.

107. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. – М.: Высшая школа, 1955. – 267 с.

108. Гольдин, В. Е. Заметки о частице «**вот**» / В. Е. Гольдин // Лики языка (к 45-летию научной деятельности Е. А. Земской). – М.: Наука, 1998. – С. 40–47.

109. Горбачик, А. О понятии предела как средстве дифференциации лексических единиц «**еще**» и «**уже**» / А. Горбачик // Синтаксис: изучение и преподавание: сб. работ учеников В. А. Белошапковой. – М.: Диалог; МГУ, 1997. – С. 167–171.

110. Грамматика русского языка / Сост. В. В. Виноградов. – Т. 1: Фонетика и морфология. – М.: изд-во АН СССР, 1960. – 570 с.

111. Греч, Н. И. Прагматическая русская грамматика / Н. И. Греч. – СПб.: изд-во Имп. АН, 1827. – 237 с.

112. Гриднева, Т. В. Фразеологические средства выражения категории интенсивности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Гриднева. – Волгоград, 1997. – 22 с.

113. Гринкова, Н. П. Постпозитивный член в молотовском говоре Кировской области / Н. П. Гринкова // Памяти академика Л. В. Щербы: сб. ст. – Л., 1951. – С. 126–135.

114. Гроссман, Л. П. Семинарий по Достоевскому / Л. П. Гроссман. – М. – Пг.: Гиз, 1922. – 164 с.

115. Гроссман, Л. П. Поэтика Достоевского / Л. П. Гроссман. – М.: Гос. акад. худож. наук, 1925. – 196 с.

116. Гроссман, Л. П. Достоевский-художник / Л. П. Гроссман // Творчество Достоевского. – М.: изд-во АН СССР, 1959. – С. 330–417.

117. Гроссман, Л. П. Достоевский / Л. П. Гроссман. – М.: Молодая гвардия, 1965. – 608 с.

118. Гурьева, Н. Н. Текстовые функции частицы «**вот**» (на материале «Сказок» М. Е. Салтыкова-Щедрина) / Н. Н. Гурьева // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: материалы 4-й Тверской межвуз. конференции молодых ученых-филологов и школьных учителей. – Тверь, 1991. – С. 62–64.

119. Девкин, В. Д. Псевдоэкспрессия / В. Д. Девкин // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М., 1986. – С. 31–40.

120. Десницкая, А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка / А. В. Десницкая. – Л.: Наука, 1970. – 99 с.

121. Дискурсивные слова русского языка. Опыт конкретно-семантического описания / Сост. К. Киселева, Д. Пайар. – М.: Метатекст, 1998. – 447 с.

122. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / Сост. К. Киселева, Д. Пайар. – М.: Азбуковник, 2003. – 207 с.

123. Добиащ, А. В. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка / А. В. Добиащ. – Прага: изд-во Грегера, 1897. – 544 с.

124. Добролюбов, Н. А. Забытые люди / Н. А. Добролюбов // Современник. – 1861. – № 9. Цит. по: Ф. М. Достоевский в русской критике. – М.: Гослитиздат, 1956. – С. 39–96.

125. Долинин, А. С. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе / А. С. Долинин. – Л.: Художественная литература, 1989. – 478 с.

126. Доля, Т. Г. Употребление частиц в говорах Заонежья / Т. Г. Доля // Ученые записки Петрозаводского ун-та, 1963. – Т. 10. – Вып. 3. – С. 111–122.

127. Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский. – М.: Правда, 1981. – 638 с.

128. Евгеньева, А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. / А. П. Евгеньева. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1963. – 348 с.

129. Евнин, Ф. И. Роман «Бесы» / Ф. И. Евнин // Творчество Ф. М. Достоевского. – М.: изд-во АН СССР, 1959. – 546 с.

130. Ермакова, О. П. Местоимение *какой-то* / О. П. Ермакова // Филологические науки. – 1986. – № 1. – С. 44–56.

131. Ермилов, В. В. Ф. М. Достоевский / В. В. Ермилов. – М.: ГИХЛ, 1956. – 512 с.

132. Ермилова, Г. Г. Трагедия «русского Христа», или О «неожиданности окончания» «Идиота» / Г. Г. Ермилова // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. – М.: Наследие, 2001. – С. 7–28.

133. Забурдяева, В. И. О ритме русской прозаической речи / В. И. Забурдяева // Вопросы русского и общего языкознания. – Ташкент, 1979. – С. 37–46.

134. Зайцев, Р. Б. Стихия игры в творчестве Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Б. Зайцев. – Иваново, 2006. – 16 с.

135. Зализняк, А. А. Введение в русскую аспектологию / А. А. Зализняк, Д. Н. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 221 с.

136. Замотин, И. И. Достоевский в русской критике / И. И. Замотин. – Ч. 1. – Изд-во Варшавского ун-та, 1913. – С. 7–9.

137. Звегинцев, В. А. Экспрессивно-эмоциональные элементы и значение слова / В. А. Звегинцев // Вестник МГУ. – 1955. – № 1. – С. 67–73.

138. Звегинцев, В. А. Функция и цель в лингвистической теории / В. А. Звегинцев // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. – М.: Наука, 1977. – 342 с.

139. Зизаний, Л. Грамматика словенска / Л. Зизаний. – Вильна, 1596 (факсимильное издание осуществлено в Киеве в 1980 г.). – 315 с.

140. Знаменская, А. В. Частица «ну и» в современном русском языке / А. В. Знаменская // Ученые записки Смоленского ГПИ. – Вып. 24. – Смоленск, 1970. – С. 67–79.

141. Знаменская, О. В. Семантико-функциональная характеристика частицы «ведь» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Знаменская. – М., 1985. – 18 с.

142. Зунделович, Я. О. Романы Достоевского. Статьи. – Ташкент: Средняя и высшая школа; Уз. СССР, 1963. – С. 17–24.

143. Зунделович, Я. С. Памяти Достоевского. Статьи / Я. С. Зунделович. – Ташкент, 1963. – С. 103–112.

144. Иванов, В. И. Достоевский и роман-трагедия / В. И. Иванов // Русская мысль. – 1911. – Кн. V. – С. 59–69.

145. Иванова, Т. Б. Категория акцентности (функциональная семантико-стилистическая) / Т. Б. Иванова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта; Наука, 2006. – С. 120–126.

146. Иванова, Т. К. Функции частиц «вот» и «только» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. К. Иванова. – Благовещенск, 1970. – 22 с.

147. Иванчикова, Е. А. О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху / Е. А. Иванчикова // Развитие синтаксиса современного русского языка. – М., 1966. – С. 4–19.

148. Иванчикова, Е. А. Морфология и синтаксис русского литературного языка / Е. А. Иванчикова. – М.: Наука, 1968. – 167 с.

149. Иванчикова, Е. А. Писатель и норма (из наблюдений над синтаксисом частицы «даже») / Е. А. Иванчикова // Синтаксис и норма. – М.: Наука, 1974. – 182 с.

150. Иванчикова, Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского / Е. А. Иванчикова. – М.: Наука, 1979. – 288 с.

151. Иванчикова, Е. А. Частица *дескать* в контексте чужой речи / Е. А. Иванчикова // Сборник Матице српске за филологију и лингвистику. – Нови Сад, 1984–1985. – С. 61–79.

152. Иванчикова, Е. А. Двусубъектное повествование в романе «Идиот» и формы его синтаксического изображения / Е. А. Иванчикова // Филологические науки. – 1990. – № 2. – С. 16–22.

153. Иванчикова, Е. А. Рассказчик в повествовательной структуре произведений Достоевского / Е. А. Иванчикова // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова. – М., 1995. – С. 3–43.

154. Иванчикова, Е. А. «Подросток»: повествование с лирическим рассказчиком / Е. А. Иванчикова // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 12–19.

155. Иванчикова, Е. А. О «двухголосых» синтаксических конструкциях в текстах Достоевского / Е. А. Иванчикова // Слово. Грамматика. Текст: сборник статей // РАН. Отделение литературы и языка. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1996. – С. 377–386.

156. Иванчикова, Е. А. Автор в повествовательной структуре исповеди и мемуаров (на материале произведений Ф. М. Достоевского) / Е. А. Иванчикова // Поэтика слова в поэзии и прозе. – М., 1997. – С. 250–255.

157. Иванчикова, Е. А. Автор и герой в повествовательной структуре «Преступления и наказания» / Е. А. Иванчикова // Достоевский. Материалы и исследования. – СПб., 2001. – С. 118–125.

158. Илюшин, А. А. О глаголах «жеста» у Достоевского / А. А. Илюшин // Русская речь. – 1969. – № 6. – С. 20–25.

159. Илюшин, А. А. Словообразовательные синонимы (у Достоевского) / А. А. Илюшин // Русская речь. – 1971. – № 5. – С. 18–25.

160. Иорданский, А. М. Об индивидуально-авторском употреблении в произведениях Достоевского сочетаний качественных наречий с именами прилагательными / А. М. Иорданский // Русский язык. – М., 1975. – С. 23–34.

161. Казари, Р. Купеческий дом: историческая действительность и символ у Достоевского и Лескова / Р. Казари // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 8. – Л., 1988. – С. 87–92.

162. Каламова, Н. А. Переход наречий в служебные части речи: предлоги, союзы, частицы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Каламова. – Львов, 1954. – 16 с.

163. Капралова, С. Г. Об употреблении в романе Ф. М. Достоевского «Игрок» разных форм сочетаний существительно-

го с двумя определениями / С. Г. Капралова, И. А. Кудрявцева // Русский язык. – М., 1975. – С. 47–59.

164. Карасев, Л. В. О символах Достоевского / Л. В. Карасев // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 14–28.

165. Карасев, Л. В. Онтологический взгляд на русскую литературу / Л. В. Карасев // Российский государственный университет. Институт высших гуманитарных исследований. – М., 1995. – 102 с.

166. Караулов, Ю. Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского / Ю. Н. Караулов // Язык как творчество: сборник статей к 70-летию В. П. Григорьева, 1996. – С. 3–31.

167. Караулов, Ю. Н. Предикация и неопределенность / Ю. Н. Караулов // Слово. Грамматика. Текст: сборник статей // РАН. Отделение литературы и языка. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1996. – С. 987–995.

168. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1997. – 261 с.

169. Караулов, Ю. Н. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении / Ю. Н. Караулов // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. – Вып. 1. – РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 35–38.

170. Карповская, М. В. Категория интенсивности атрибутивного признака в испанском языке: дис. ... канд. филол. наук / М. В. Карповская. – Воронеж, 1998. – 182 с.

171. Карякин, Ю. Ф. Достоевский: Очерки / Ю. Ф. Карякин. – М.: Правда, 1983. – 48 с.

172. Касаткина, Т. А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций / Т. А. Касаткина. – М.: Наследие, 1996. – 336 с.

173. Кирай, Д. Достоевский и некоторые вопросы эстетики романа / Д. Кирай // Достоевский. Материалы и исследования. – Кн. 1. – Л.: Наука, 1974. – С. 86–94.

174. Кирпотин, В. Я. Мир Достоевского / В. Я. Кирпотин. – Советский писатель, 1980. – 376 с.

175. Киселев, И. А. Частицы в современных восточнославянских языках / И. А. Киселев. – Минск: изд-во БГУ, 1976. – 160 с.

176. Киселева, Л. А. Некоторые проблемы изучения эмоционально-оценочной лексики современного русского языка / Л. А. Киселева // Проблемы русского языкознания. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. – 1968. – 432 с.

177. Клейман, М. С. Живая классика / М. С. Клейман. – Труд. – 1997. – № 7.

178. Клейман, Р. Я. Лейтмотивная вариативность времени-пространства в поэтике Достоевского / Р. Я. Клейман // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 14. – СПб., 1997. – С. 71–76.

179. Клейман, Р. Я. Художественные константы Достоевского в контексте исторической поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Я. Клейман. – СПб., 1999. – 21 с.

180. Клейман, Р. Я. Спящая/мертвая невеста и подменный жених в поэтике Достоевского / Р. Я. Клейман // Достоевский и мировая культура. – Вып. 13. – СПб., 1999. – С. 79–92.

181. Клочкова, Э. А. О влиянии формы разговорной речи на распределение классов слов / Э. А. Клочкова // Русская разговорная речь. – Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1970. – С. 135–153.

182. Кобозева, И. М. Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц / И. М. Кобозева // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. – С. 79–93.

183. Кобозева, И. М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов / И. М. Кобозева // Прагматика и семантика. Сборник научно-аналитических обзоров. – М., 1991. – С. 147–175.

184. Ковалева, Г. Е. Слово «лишь» как частица и как союз / Г. Е. Ковалева // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений. – Ч. 3: Морфология и синтаксис. – Смоленск: СПГУ, 1999. – С. 29–31.

185. Ковсан, М. Как создавались «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского / М. Ковсан // Литературная учеба. – 1988. – № 4.

186. Ковсан, М. Л. «Преступление и наказание»: «все» и «он» / М. Л. Ковсан // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 8. – Л., 1988. – С. 72–86.

187. Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. – М.: Наука, 1986. – 216 с.

188. Ковтунова, И. И. Принцип неполной определенности и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX в. / И. И. Ковтунова // Очерки истории языка русской поэзии XX в.: Грамматические категории. Синтаксис. Текст. – М., 1993. – С. 36–64.

189. Кодухов, В. И. К вопросу о «постпозитивном члене» в русском языке / В. И. Кодухов // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та, 1954. – Т. 92. – С. 103–151.

190. Кожевникова, Н. А. «Чужая речь» в изображении Ф. М. Достоевского / Н. А. Кожевникова // Вестник МГУ. – Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 1. – С. 120–130.

191. Кожин, А. Н. Функциональные типы русской речи: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / А. Н. Кожин, О. А. Крылова, В. В. Одинцов. – М.: Высшая школа, 1982. – 223 с.

192. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.

193. Кожина, М. Н. О функциональных семантико-стилистических категориях / М. Н. Кожина // Филологические науки. – 1987. – № 2. – С. 40–49.

194. Кожин, В. В. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского / В. В. Кожин // Три шедевра русской классики. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 114–136.

195. Козельцова, Н. А. Незнаменательная лексика разговорной речи / Н. А. Козельцова, О. В. Гусева // Русская разговорная речь. – Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1970. – С. 114–119.

196. Колесникова, С. М. Семантика градуальности и способы ее выражения в современном русском языке / С. М. Колесникова. – М.: МПГУ, 1998. – 164 с.

197. Колесникова, С. М. Категория градуальности в современном русском языке: дис. ... д-р филол. наук / С. М. Колесникова. – М., 1999. – 204 с.

198. Колесникова, С. М. Частица *даже* / С. М. Колесникова // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МПУ, 2002. – С. 70–74.

199. Колесникова, Т. А. Поэтические компоненты структуры образа главного героя в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Колесникова. – М., 2003. – 226 с.

200. Колодезнев, В. И. О некоторых семантических особенностях частиц и их изучении в современном русском языке / В. И. Колодезнев // Ученые записки Калининского пед. ун-та, 1969. – Т. 66. – Ч. 1. – С. 223–237.

201. Колокольцева, Т. Н. Изучение стилистических эффектов, обусловленных конструктивной незавершенностью

высказываний / Т. Н. Колокольцева // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научн.-метод. бюл. / Под ред. А. П. Сковородникова. – Вып. 3. – Красноярск – Ачинск, 1997. – С. 34–37.

202. Копыленко, И. М. О коммуникативных функциях частиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. М. Копыленко. – Алма-Ата, 1981. – 22 с.

203. Копыленко, И. М. О своеобразии семантики частиц / И. М. Копыленко // Семантика языковых единиц: материалы III межвуз. науч.-практ. конференции. – Ч. 11. – М.: Альфа, 1993. – С. 137–140.

204. Копышева, Л. В. К вопросу о функциональной классификации частиц в современном русском языке / Л. В. Копышева // Вопросы прикладной лингвистики. – Днепропетровск, 1974. – Вып. 8. – С. 138–142.

205. Кортава, Т. В. Экспрессивные функции частиц в посланиях и челобитных протопопа Аввакума / Т. В. Кортава // Вестник Московского ун-та. – Серия 9: Филология. – 2003. – № 6. – С. 138–145.

206. Краг, Э. Несколько замечаний по поводу стиля Достоевского / Э. Краг // Scando-Slavica. – Copenhagen, 1963. – Т. IX.

207. Крейдлин, Г. Е. Лексема «даже» / Г. Е. Крейдлин // Семиотика и информатика. – Вып. 6. – М.: Наука, 1975. – С. 102–114.

208. Крейдлин, Г. Е. Синтаксическое употребление местоимения «какой» / Г. Е. Крейдлин, Е. В. Рахилина // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры: межвуз. сб. – Красноярск: изд-во Красноярского ун-та, 1984. – С. 76–83.

209. Крейдлин, Г. Е. О лексикографическом описании служебных слов / Г. Е. Крейдлин, А. Н. Поливанова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 1. – С. 52–58.

210. Крейдлин, Г. Е. Лексема *даже* / Г. Е. Крейдлин // Семиотика и информатика. Opera selecta. – М., 1997. – Вып. 35. – С. 107–117.

211. Кржижкова, Е. Количественная детерминация прилагательных в русском языке (лексико-синтаксический анализ) / Е. Кржижкова // Синтаксис и норма. – М.: Наука, 1974. – С. 37–49.

212. Кривоносов, А. Т. О семантической природе модальных частиц / А. Т. Кривоносов // Филологические науки. – 1982. – № 5. – С. 33–47.

213. Кривоносов, А. Т. Система «взаимопроницаемости» неизменяемых классов слов / А. Т. Кривоносов // Филологические науки. – 1982. – № 5. – С. 48–57.

214. Кручинина, И. Н. Структура и функции сочинительной связи / И. Н. Кручинина. – М.: Наука, 1988. – 172 с.

215. Кузьмина, И. Б. К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах / И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко // Материалы к исследованиям по русской диалектологии. – М., 1962. – Т. 3. – С. 32–43.

216. Куныгина, О. В. Структурные и семантические свойства и отношения класса фразеологизмов-частиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Куныгина. – Волгоград, 2000. – 24 с.

217. Куныгина, О. В. Классовая омонимия фразеологизмов-частиц и фразеологизмов-союзов / О. В. Куныгина // Исследования по семантике: межвуз. сб. в честь д-ра филол. наук, проф. Л. М. Васильева. – Вып. 21. – Уфа: изд-во Башкирского ун-та, 2001. – С. 241–246.

218. Куныгина, О. В. Особенности классного категориального значения частиц современного русского языка / О. В. Куныгина // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы VIII междунар. науч.-метод. конференции. – Уссурийск: изд-во УГПИ, 2006. – С. 72–74.

219. Курганов, Н. Г. Российская универсальная грамматика / Н. Г. Курганов. – СПб., 1769.

220. Лаптева, О. А. Внутрителиевая эволюция современной русской научной прозы / О. А. Лаптева // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М.: Наука, 1968. – С. 135–138.

221. Лаптева, О. А. Устно-разговорная разновидность современного литературного языка и другие его компоненты / О. А. Лаптева // Вопросы стилистики. – Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1975. – Вып. 9. – С. 93–106.

222. Лаптева, О. А. Русский разговорный синтаксис / О. А. Лаптева. – М.: Наука, 1976. – 390 с.

223. Левашова, В. А. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема перечисления (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук / В. А. Левашова. – М., 1976. – 191 с.

224. Левин, Ю. И. Об одной группе союзов русского языка / Ю. И. Левин // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – Вып. 13. – М.: Наука, 1970. – С. 64–86.

225. Левин, Ю. И. Поэтика. Семиотика / Ю. И. Левин. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 824 с.
226. Левонтина, И. Б. Словарная статья частицы -ка / И. Б. Левонтина // Семиотика и информатика. – Вып. 32. – М., 1991. – С. 48–53.
227. Леденев, Ю. И. О грамматической роли слов «только» и «лишь» в современном русском литературном языке / Ю. И. Леденев // Русский язык в школе. – 1961. – № 1. – С. 14–17.
228. Леденев, Ю. И. О составе и функциях класса частиц в русском языке / Ю. И. Леденев // Тезисы докладов на научную конференцию Ставропольского пед. ин-та. – Ставрополь, 1964. – Вып. 1. – С. 93–94.
229. Леденева, В. И. Функционирование слов со звуковым и графическим комплексом «точно» / В. И. Леденева // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МПГИ им. В. И. Ленина, 1988. – С. 105–109.
230. Лежнев, А. Проза Пушкина / А. Лежнев. – 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1966. – 287 с.
231. Лекант, П. И. О грамматическом статусе частиц / П. И. Лекант // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: сб. науч. ст. к 80-летию К. В. Горшковой. – М.: изд-во Московского ун-та, 2002. – С. 391–393.
232. Лекант, П. А. Современный русский язык / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, П. Л. Касаткин. – М.: Дрофа, 2002. – 560 с.
233. Литвинова, М. М. О некоторых особенностях выражения интенсивности в художественном тексте (по повести Михаила Булгакова «Дьяволиада») / М. М. Литвинова // Функциональная лингвистика. Язык. Культура. Общество: материалы научной конференции (Ялта, 4–8 октября 1999 года). – Симферополь, СЛС, 1999. – С. 94–95.
234. Литвинова, М. М. К вопросу об использовании средств выражения функционально-семантической категории интенсивности признака в художественном тексте / М. М. Литвинова // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сборник научных трудов кафедры философии МГУ. – Вып. 7. – М.: Прометей, 2000. – С. 163–173.
235. Литвинова, М. М. Способы выражения интенсивности признака (на материале ранних сатирических произведений Михаила Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. М. Литвинова. – М., 2002. – 24 с.

236. Лихачев, Д. С. Летописное время у Достоевского / Д. С. Лихачев // Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1967. – 387 с.
237. Лихачев, Д. С. Там, где жил Достоевский / Д. С. Лихачев, С. В. Белов // Литературная газета. – 1976. – № 30.
238. Лобов, Л. П. Из наблюдений над словесными приемами Достоевского / Л. П. Лобов // Сборник общ-ва ист., филол., филос. и соц. наук при Пермском ун-те. – Вып. 2. – 1927. – С. 2–93.
239. Ломоносов, М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. – М. – Л.: изд-во АН СССР, 1952. – Т. 7. – 996 с.
240. Лосева, С. В. Частицы в системе метатекстовых операторов: дис. ... канд. филол. наук / С. В. Лосева. – Владивосток, 2004. – 160 с.
241. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
242. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1972. – 272 с.
243. Лукьянова, Н. А. О соотношении понятий «экспрессивность», «эмоциональность», «оценочность» / Н. А. Лукьянова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Вып. V. – Новосибирск, 1976. – С. 24–42.
244. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления / Н. А. Лукьянова. – М.: Просвещение, 1986. – 302 с.
245. Лютц, И. В. Составные частицы с компонентом «вот» в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Лютц. – СПб., 1992. – 18 с.
246. Ляпина, С. В. К вопросу о полифункциональности частицы *еще* / С. В. Ляпина // Актуальные проблемы в вузе и школе: Материалы 7-й Тверской межвузовской конференции ученых-филологов и школьных учителей. – Тверь, 1993. – С. 82–83.
247. Ляпина, С. В. Структурно-семантические функции лексем *еще* и *уже* в смысловой организации предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Ляпина. – Елец, 1997. – 18 с.
248. Ляпон, М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст / М. В. Ляпон. – М.: Наука, 1986. – 274 с.
249. Майтинская, К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках / К. Е. Майтинская. – М.: Наука, 1982. – 126 с.

250. Максимов, Л. Ю. Литературный язык и язык художественной литературы / Л. Ю. Максимов // Анализ художественного текста. – М., 1975. – С. 34–49.

251. Маркелова, Т. В. Частицы в высказываниях с оценочным значением / Т. В. Маркелова // Русский язык в школе. – 1995. – № 2. – С. 87–95.

252. Марченко, С. В. Экспрессивность и суггестивность художественного текста / С. В. Марченко // Русский язык вчера, сегодня, завтра: материалы рос. конф., посвящ. 40-летию кафедры русского языка Воронежского гос. ун-та и 75-летию со дня рождения И. П. Распопова. – Воронеж, 2000. – С. 109–110.

253. Маслов, Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии / Ю. С. Маслов // Вопросы общего языкознания. – Л.: ЛГУ, 1965. – С. 70–79.

254. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. – Свердловск: Наука, 1990. – С. 264.

255. Матвиевская, Л. А. Стилистическое использование антонимов (на материале произведений М. Ю. Лермонтова: дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Матвиевская. – М., 1978. – 187 с.

256. Мегаева, К. И. Изображение характера в романах Достоевского 60-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. И. Мегаева. – 1964. – 22 с.

257. Мезенина, М. В. Градуальность в парадигматике лексики немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук / М. В. Мезенина. – М., 1991. – 204 с.

258. Мелетинский, Е. М. Заметки о творчестве Достоевского / Е. М. Мелетинский. – М.: РГГУ, 2001. – 187 с.

259. Меликян, В. Ю. Экспрессивные текстообразующие функции коммуникем / В. Ю. Меликян // Филологические науки. – 1998. – № 1. – С. 73–82.

260. Мельник, В. И. К теме: Раскольников и Наполеон («Преступление и наказание») / В. И. Мельник // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 6. – Л., 1985. – С. 230–236.

261. Меншутина, О. И. Из наблюдений над языком романа «Преступление и наказание» / О. И. Меншутина // Труды ун-та Дружбы народов им. П. Лумумбы. – 1970. – Т. 49: Языкознание. – Вып. 7. – С. 121–129.

262. Меншутина, О. И. Идеино-художественное осмысление некоторых повторов в романе Достоевского «Преступление и наказание» / О. И. Меншутина // Русская речь. – 1982. – № 3. – С. 47–51.

263. Мигирин, В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке: учеб. пособие для студентов / В. Н. Мигирин. – Бельцы: Высшая школа, 1971. – 287 с.

264. Миджиферджян, Т. В. Раскольников – Свидригайлов – Порфирий Петрович: поединок сознаний / Т. В. Миджиферджян // Достоевский: Материалы и исследования. – 1987. – Т. 7. – С. 65–80.

265. Миллер, Вс. Очерки русской народной словесности: Былины / Вс. Миллер. – М., 1897. – Т. 1. – 464 с.

266. Милованова, Н. Я. Наблюдения над средствами экспрессивности научной речи / Н. Я. Милованова // Исследования по стилистике. – Пермь, 1976. – Вып. 5. – С. 137–146.

267. Минович, А. Основные функции частиц в современном русском языке / А. Минович // Лексикографический сборник. – М., 1962. – Вып. 5. – С. 87–95.

268. Михновец, Н. Г. Художественная структура бытия в метаромане Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Михновец. – Иваново, 2007. – 21 с.

269. Мишин, И. Т. Проблематика романа Достоевского «Записки из мертвого дома» / И. Т. Мишин // Ученые записки Армавирского гос. пед. ин-та. – Т. 2. – Вып. 2. – 1967. – С. 34–47.

270. Морозов, Н. А. Лингвистические спектры / Н. А. Морозов // ИОРЯС. – Т. XX. – Кн. 4. – 1915.

271. Морсон, Г. С. «Идиот», поступательная (процессуальная) литература и тематика / Г. С. Морсон // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. – М.: Наследие, 2001. – С. 7–28.

272. Московский городской листок. – 1847. – № 131. – С. 6–7.

273. Мукаржовский, Я. Преднамеренное и непреднамеренное в искусстве / Я. Мукаржовский // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 13–21.

274. Муковозова, Т. И. Модальные слова и частицы / Т. И. Муковозова // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МПУ, 2002. – С. 78–81.

275. Мусиенко, В. П. Категория интенсивности в структуре русского языка: дис. ... канд. филол. наук / В. П. Мусиенко. – Киев, 1984. – 200 с.

276. Нагорный, И. А. Роль частиц со значением недостоверности в выражении утверждения-отрицания / И. А. На-

горный // Структура, семантика и функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МПУ, 1995. – С. 31–41.

277. Нагорный, И. А. Выражение темпоральности в предложениях с частицами / И. А. Нагорный // Синтаксические и грамматические аспекты предикации в современном русском языке. – М.: МПУ, 1998. – С. 34–37.

278. Нагорный, И. А. К вопросу о диктумной функции модально-персуазивных частиц в высказывании / И. А. Нагорный // Семантика словоформ в высказывании: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МПУ, 1999. – С. 78–80.

279. Нагорный, И. А. Экспликационная функция модально-персуазивных частиц в высказывании / И. А. Нагорный // Средства номинации и предикации в русском языке: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МПУ, 2001. – С. 81–83.

280. Назиров, Р. Г. Проблема читателя в творческом сознании Достоевского / Р. Г. Назиров // Творческий процесс и художественное восприятие. – Л., 1983. – С. 217–219.

281. Неверова, Н. В. К вопросу о стилевой дифференциации частиц / Н. В. Неверова // Вестник Белорусского ун-та. – Серия IV. – 1973. – № 1. – С. 58–59.

282. Нечаева, В. С. Сравнения в ранних повестях Достоевского / В. С. Нечаева // Сб. «Достоевский». Труды ГАХН. – М., 1928. – С. 86–99.

283. Нечаева, О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) / О. А. Нечаева. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1974. – 325 с.

284. Николаева, Е. А. Концессивно-модальные предложения с союзом-частицей *пусть/пускай* в языке поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Николаева. – Казань, 2000. – 20 с.

285. Николаева, Т. М. Функции акцентного выделения и семантико-синтаксическая структура высказывания / Т. М. Николаева // Фонология. Фонетика. Интонология: материалы к IX Международному конгрессу фонетических наук. – М., 1979. – С. 134–152.

286. Николаева, Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков) / Т. М. Николаева. – М.: Наука, 1985. – 168 с.

287. Николина, Н. А. Словообразовательные средства и стиль (На материале произведений Ф. М. Достоевского) / Н. А. Николина // Русский язык в школе. – 1991. – № 5. – С. 54–65.

288. Николина, Н. А. Семантика и функции слова «авось» в современном русском языке / Н. А. Николина // Многоаспектность синтаксических единиц: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МПГУ им. В. И. Ленина, 1993. – С. 157–167.

289. Овчинникова, Р. С. К вопросу о синтаксических функциях постпозитивных частиц в говорах русского языка / Р. С. Овчинникова // Вопросы русского языкознания. – Куйбышев, 1976. – Вып. 2. – С. 115–127.

290. Одинокое, В. Г. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского / В. Г. Одинокое. – Новосибирск: Наука, 1981. – 145 с.

291. Одинцов, В. В. Речевые формы популяризации / В. В. Одинцов. – М.: Наука, 1982. – 254 с.

292. Орлов, А. Е. Значение и функции лексемы «только» / А. Е. Орлов // Семантика слова и его функционирование. – Кемерово, 1981. – С. 72–84.

293. Осипов, Ю. М. Об уточнении понятия «эмоциональность» как лингвистического термина / Ю. М. Осипов // Проблемы синтаксиса английского языка. Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1970. – № 422. – С. 116–124.

294. Осмоловский, О. Н. Достоевский и русский психологический роман / О. Н. Осмоловский. – Кишинев: Штиинца, 1981. – 165 с.

295. Оссовецкий, И. А. Язык фольклора и диалект / И. А. Оссовецкий // Основные проблемы эпоса восточных славян. – М., 1958. – С. 172–192.

296. Падучева, Е. В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке / Е. В. Падучева // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – Вып. 12. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1969. – С. 37–52.

297. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е. В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

298. Падучева, Е. В. Семантические исследования / Е. В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

299. Панфилов, А. К. Лекции по стилистике русского языка / А. К. Панфилов. – М.: Высшая школа, 1968. – 167 с.

300. Паршин, П. Б. Сопоставительное выделение как коммуникативная категория: Опыт процедурно-семантического описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук / П. Б. Паршин. – М., 1988. – 26 с.

301. Переверзев, В. Ф. Ф. М. Достоевский / В. Ф. Переверзев. – 2-е изд. – М. – Л.: ГИЗ, 1925. – 132 с.

302. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1968. – 480 с.

303. Погожева, Л. П. Композиция романа «Преступление и наказание» / Л. П. Погожева // Литературная учеба. – 1939. – № 8/9. – С. 112–114.

304. Полищук, Г. Г. Разговорная речь и художественный диалог / Г. Г. Полищук, О. Б. Сиротинина // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 12–28.

305. Порошенков, Е. П. О характере и значении фантастического в повести Ф. М. Достоевского «Двойник» / Е. П. Порошенков // Ученые записки Горьковского пед. ин-та. – 1970. – Вып. 90. – С. 79–97.

306. Порошина, В. И. Выделительно-ограничительные частицы и их стилистические функции в языке былин: дис. ... канд. филол. наук / В. И. Порошина. – Петрозаводск, 1984. – 203 с.

307. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. / А. А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1–2. – 536 с.

308. Прияткина, А. Ф. Об экспрессивности союза / А. Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. – Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 302–311.

309. Прокуровская, Н. А. Частицы в устной речи жителей Удмуртии / Н. А. Прокуровская // Вопросы стилистики: межвуз. научн. сб. – Саратов, 1976. – Вып. 2. – С. 37–48.

310. Прокуровская, Н. А. Незнаменательная лексика / Н. А. Прокуровская // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. – Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1983. – С. 175–187.

311. Пропп, В. Я. Язык былины как средство художественной изобразительности / В. Я. Пропп // Уч. зап. ЛГУ, 1954. – Вып. 20. – № 173. – С. 375–403.

312. Пумпянский, Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Л. В. Пумпянский. – М.: Языки русской культуры. – Кошелев, 2000. – 864 с.

313. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.

314. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / Ред. Д. Пайар. – М.: Метатекст, 1993. – 257 с.

315. Путилов, Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Б. Н. Путилов. – Л.: Наука, 1976. – 244 с.

316. Пухачев, С. Б. Поэтика жеста в произведениях Достоевского. На материале романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук / С. Б. Пухачев. – Новгород, 2006. – 196 с.

317. Разинкина, Н. М. О разграничении понятий «эмоциональное значение» и «эмоциональная окраска» / Н. М. Разинкина // Иностранные языки в школе. – 1968. – С. 32–37.

318. Распопов, И. П. К вопросу о частицах в современном русском языке / И. П. Распопов // Русский язык в школе. – 1955. – № 6. – С. 17–19.

319. Рахилина, Е. В. Локативность и вопрос / Е. В. Рахилина // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб., 1996. – С. 27–52; 118–127.

320. Рахилина, Е. В. Основные идеи когнитивной лингвистики / Е. В. Рахилина // Фундаментальные направления современной лингвистики. – М., 1997. – С. 42–56.

321. Рогова, К. А. Синтаксические средства в стилистике / К. А. Рогова // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. – 1978. – № 2. – С. 32–46.

322. Розанов, В. В. Из лекции о Достоевском / В. В. Розанов // Опыты: Литературно-философский ежегодник. – М., 1990. – С. 14–28.

323. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – М.: Рольф, 2001. – 448 с.

324. Романов, А. А. Прагматическая функция частиц в иллюкутивной структуре диалогического текста / А. А. Романов // Текст: Структура и анализ. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1989. – С. 47–60.

325. Романова, Н. Н. Стилистика и стили / Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. – М.: Флинта; МПСИ, 2006. – 416 с.

326. Русская грамматика. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 784 с.

327. Рыбников, П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / П. Н. Рыбников. – СПб.: изд-во Имп. АН, 1909–1910. – Т. 1. – 512 с.

328. Савельева, Л. В. Поэтические функции отрицательных конструкций в русской былине / Л. В. Савельева // Язык жанров русского фольклора. – Петрозаводск, 1979. – С. 13–21.

329. Савенкова, Е. С. Система второстепенных персонажей романа Ф. М. Достоевского «Идиот» в контексте литератур-

ных традиций: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Савенкова. – Новгород, 2006. – 21 с.

330. Савченко, Л. И. Повтор как стилистическая категория в художественной прозе Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Савченко. – Ташкент, 1984. – 22 с.

331. Салмина, Л. М. Сложные фразеологизированные конструкции темпорально-модальной семантики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Салмина. – М., 1981. – 18 с.

332. Сараскина, Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение / Л. И. Сараскина. – М.: Советский писатель, 1990. – 478 с.

333. Светлышев, Д. С. Состав и функции эмоционально-экспрессивных частиц в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. С. Светлышев. – М., 1955. – 13 с.

334. Светлышев, Д. С. К вопросу о функциях частиц, выражающих эмоциональные оттенки речи / Д. С. Светлышев // Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та, 1958. – Т. 17. – Вып. 5. – Ч. 3. – С. 3–27.

335. Светлышев, Д. С. Краткие замечания о своеобразии функций некоторых усилительных частиц / Д. С. Светлышев // Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та, 1958. – Т. 17. – Вып. 5. – Ч. 3. – С. 28–32.

336. Семенова, О. В. Роль частицы *вроде* в выражении неточного (недостаточного) знания / О. В. Семенова // Исследования языковых единиц в их динамике и взаимодействии: сб. науч. тр. – Москва–Уфа: БГУ, 2000. – С. 58–63.

337. Сергеева, Г. Н. Словарная статья служебного слова «без малого» / Г. Н. Сергеева // Словарь служебных слов русского языка. – Владивосток, 2001. – С. 319–322.

338. Сердюченко, В. Л. Достоевский и Чернышевский: Единство крайностей / В. Л. Сердюченко. – Львов; Москва: Наука, 1999. – 293 с.

339. Силард, Л. Своеобразие мотивной структуры «Бесов» / Л. Силард // *Djstoevsky Studies*. – V. 4. – 1983. – С. 133–164.

340. Силютин, О. Ф. Раннее творчество Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Ф. Силютин. – МГУ, 1968. – 19 с.

341. Сими́на, Г. Я. Из наблюдений над языком и стилем романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / Г. Я. Сими́на // Изучение языка писателя. – Л.: Учпедгиз, 1957. – С. 105–157.

342. Симонов, В. В. Частицы в кировских говорах / В. В. Симонов // Ученые записки Кировского ин-та, 1967. – Т. 1. – Вып. 29. – С. 12–19.

343. Синтаксис и стилистика. – М.: Высшая школа, 1976. – 311 с.

344. Синько, Л. А. Конструкции со словом *ведь* в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Синько. – Ставрополь, 1997. – 17 с.

345. Сиротинина, О. Б. Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики / О. Б. Сиротинина // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М.: Наука, 1968. – С. 43–46.

346. Сиротинина, О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности / О. Б. Сиротинина. – М.: Просвещение, 1974. – 144 с.

347. Скиба, Ю. Г. К вопросу о развитии служебных слов в русском языке / Ю. Г. Скиба // Научный ежегодник Черновицкого ун-та за 1956 г. – Черновцы, 1957. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 301–304.

348. Сковородников, А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного исследования / А. П. Сковородников. – Томск: изд-во Томского гос. ун-та, 1981. – 249 с.

349. Сковородников, А. П. Градация. Аллюзия / А. П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-методический бюллетень / Под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск, 1998. – С. 110–116.

350. Скребнев, Ю. М. Очерк теории стилистики / Ю. М. Скребнев. – Горький: Просвещение, 1975. – 175 с.

351. Слонимский, А. Л. «Вдруг» у Достоевского / А. Л. Слонимский // Книга и революция. – 1922. – № 8. – С. 11–29.

352. Слюсарева, Н. А. Методологический аспект понятия функций языка / Н. А. Слюсарева // Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ, 1979. – Т. 38. – Вып. 2.

353. Слюсарева, Н. А. Функции языка / Н. А. Слюсарева // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

354. Смирницкий, А. И. Лексическое и грамматическое в слове / А. И. Смирницкий // Вопросы грамматического строя. – М.: изд-во АН СССР, 1955. – С. 6–34.

355. Смирнов, Ю. Б. Семантико-функциональные особенности неопределенных местоименных прилагательных / Ю. Б. Смирнов // Русский язык в школе. – 1985. – № 4. – С. 90–94.

356. Смотрицкий, М. Грамматика Славенских правильное свптагма / М. Смотрицкий. – Ева, 1619 (факсимильное издание, осуществленное в Киеве в 1979 году).

357. Собинникова, В. Н. Постпозитивная частица «-то» в говорах Гремяченского района Воронежской обл. / В. Н. Собинникова // Тр. Воронежского ун-та, 1957. – Т. 47.

358. Современный русский язык. – Ч. 1: Лексика и фразеология. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Словообразование. Морфология: учебник для вузов / Сост. Д. Э. Розенталь. – М.: Высшая школа, 1979. – 317 с.

359. Соловьев, С. М. Колорит произведений Достоевского / С. М. Соловьев // Достоевский и русские писатели. – М.: Советский писатель, 1971. – 445 с.

360. Соловьев, С. М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского / С. М. Соловьев. – М.: Советский писатель, 1979. – 352 с.

361. Сперанский, М. Н. Былинная речь / М. Н. Сперанский. – М., 1916. – Т. 1. – С. 425–332.

362. Сретенская, Л. В. Функциональная семантико-стилистическая категория оценки в научных текстах разных жанров: дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Сретенская. – СПб., 1994. – 187 с.

363. Стародумова, Е. А. Значение и функции слова «тоже» / Е. А. Стародумова // Ученые записки Дальневосточного гос. ун-та. – Т. 12: Современный русский язык. – Владивосток, 1971. – С. 53–60.

364. Стародумова, Е. А. Синтаксические функции частицы «даже» / Е. А. Стародумова // Ученые записки Дальневосточного гос. ун-та. – Т. 62: Исследования по современному русскому языку. – Владивосток, 1972. – С. 47–58.

365. Стародумова, Е. А. Функции ограничительного слова «только» в современном русском языке / Е. А. Стародумова // Синтаксические связи в русском языке. – Владивосток, 1974. – С. 78–90.

366. Стародумова, Е. А. К вопросу о полифункциональности в русском языке (слово «особенно») / Е. А. Стародумова // Вопросы грамматики русского языка: Функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня. – Иркутск, 1981. – С. 121–135.

367. Стародумова, Е. А. Текстовые функции ограничительных частиц / Е. А. Стародумова // Служебные слова и синтаксические связи. – Владивосток, 1985. – С. 57–70.

368. Стародумова, Е. А. Акцентирующие частицы в русском языке / Е. А. Стародумова. – Владивосток: изд-во ДВГУ, 1988. – 156 с.

369. Стародумова, Е. А. Соотношение функций союзов и частиц в контактном и неконтактном расположении / Е. А. Стародумова // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. – Новосибирск: изд-во Новосибирского ун-та, 1991. – С. 216–230.

370. Стародумова, Е. А. Русские частицы (письменная монологическая речь): дис. ... д-ра филол. наук / Е. А. Стародумова. – М., 1996. – 206 с.

371. Стародумова, Е. А. Русские частицы: учебное пособие / Е. А. Стародумова. – Владивосток: изд-во Дальневосточного ун-та, 1997. – 68 с.

372. Стародумова, Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание) / Е. А. Стародумова. – Владивосток: изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. – 292 с.

373. Степанов, Н. Л. Творчество Достоевского / Н. Л. Степанов // Литературная учеба. – 1931. – № 9. – С. 77–94.

374. Степанов, Н. Л. Творчество Достоевского / Н. Л. Степанов // Литературная учеба. – 1931. – № 10. – С. 36–98.

375. Степанян, К. А. Реализм в высшем смысле как творческий метод Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. А. Степанян. – М., 2007. – 19 с.

376. Степенкова, Л. И. Субъективно-модальные частицы в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Степенкова. – Воронеж, 1982. – 24 с.

377. Стилистика русского языка: учеб. пособие для студ. пед. ин-в по специальности «Русский язык и литература в национальной школе» / В. Д. Бондалетов, С. С. Вартаметова, Э. Н. Кушлина [и др.] / Под ред. Н. М. Шанского. – 2-е изд., дораб. – Л.: Просвещение, 1989. – 223 с.

378. Сущинский, И. И. О коммуникативно-прагматической категории «акцентирование» (немецкий язык) / И. И. Сущинский // Иностранные языки в школе. – 1984. – № 2. – С. 2–14.

379. Сущинский, И. И. Коммуникативно-прагматическая категория акцентирования и ее роль в вербальной коммуникации (на материале немецкого языка) / И. И. Сущинский // Вопросы языкознания. – 1987. – № 6. – С. 4–17.

380. Сэпир, Э. Градуирование / Э. Сэпир // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – Вып. XVI. – С. 129–144.

381. Тарланов, З. К. Язык русского фольклора как предмет лингвистического изучения / З. К. Тарланов // Язык жанров русского фольклора. – Петрозаводск, 1977. – С. 3–31.

382. Тарланов, З. К. Реликтовые функции в коллекциях русских пословиц по записям XVII–XX вв. / З. К. Тарланов // Язык жанров русского фольклора. – Петрозаводск, 1979. – С. 60–75.

383. Тарланов, З. К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора / З. К. Тарланов. – Петрозаводск: изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1981. – 104 с.

384. Телегина, И. Два Алексея Ивановича («Игрок» Достоевского и «Мы проводили вечер на даче...» Пушкина) / И. Телегина // Достоевский и мировая литература. – Вып. 1. – Ч. 2. – СПб., 1993. – С. 164–175.

385. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Просвещение, 1986. – 211 с.

386. Тихомиров, Б. Н. К осмыслению глубинной перспективы романа «Преступление и наказание» / Б. Н. Тихомиров // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 7. – СПб., 1986. – С. 232–246.

387. Тоичкина, А. В. Пути решения проблемы идеала в художественном творчестве Достоевского 60-х г. XIX века: от «записок» к роману «Идиот» / А. В. Тоичкина // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 16. – СПб., 2001. – С. 186–203.

388. Тойшибаева, Г. К. Транспозиция цветowych прилагательных (на материале прозы Ф. М. Достоевского) / Г. К. Тойшибаева // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: материалы 7-й Тверской межвуз. конф. ученых-филологов и писателей. – Тверь, 1993. – С. 88–96.

389. Токарчук, И. Н. Частицы в языковом и речевом аспектах (на материале частиц «просто» и «прямо»): дис. ... канд. филол. наук / И. Н. Токарчук. – Владивосток, 2002. – 200 с.

390. Токарчук, И. Н. Стилистические возможности частиц / И. Н. Токарчук // Литература. Язык. Культура: материалы науч. конф. – Кн. 2. – Владивосток: изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 2004. – С. 193–200.

391. Токарчук, И. Н. Об одном употреблении частицы «как бы» / И. Н. Токарчук // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы VIII Междунар. науч.-метод. конф. – Уссурийск: изд-во УГПИ, 2006. – С. 77–80.

392. Топоров, В. Н. Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления / В. Н. Топоров // Проблемы поэтики и истории литературы: сборник статей. – Саранск:

изд-во Мордовского гос. ун-та им. Н. П. Огарева, 1973. – С. 95–99.

393. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. Избранное / В. Н. Топоров. – М.: Прогресс; Культура, 1994. – 621 с.

394. Топоров, В. Н. Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления «Преступления и наказания» / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследование в области мифопоэтического. – М., 1995. – С. 193–258.

395. Торопова, Н. А. Семантика и функции логических частиц / Н. А. Торопова. – Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1980. – 173 с.

396. Трубинский, В. И. Об участии постпозитивной частицы «-то» в построении сложного предложения / В. И. Трубинский // Севернорусские говоры. – М.: изд-во МГУ, 1970. – Вып. 1. – С. 15–24.

397. Туниманов, В. А. Творчество Достоевского (1854–1862) / В. А. Туниманов. – Л.: Наука, 1980. – 294 с.

398. Туниманов, В. Роман о прекрасном человеке / В. Туниманов // Ф. М. Достоевский «Идиот». – М.: Правда, 1981. – С. 5–26.

399. Тынянов, Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) / Ю. Н. Тынянов. – Пг., 1921.

400. Тюхова, Е. В. Тургенев – Достоевский – Чехов: проблемы изучения творческих связей писателей / Е. В. Тюхова. – Орел: ОГПИ, 1994. – 257 с.

401. Урысон, Е. В. Русский союз и частица *и*: структура значения / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 2000. – № 3. – С. 97–121.

402. Утехина, К. А. Комические повести и рассказы Достоевского / К. А. Утехина // Село Степанчиково и его обитатели: Повести и рассказы 1850–1870. – М.: Советская Россия, 1964. – С. 3–32.

403. Филоненко, Т. М. Образное выражение значения количества в лексике и фразеологии современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. М. Филоненко. – М., 1993. – 20 с.

404. Фортунатов, Ф. Ф. Частичные отдельные слова / Ф. Ф. Фортунатов // Избранные труды. – М., 1956. – Т. 1. – С. 169–171.

405. Хайдеггер, М. Разговоры на проселочной дороге / М. Хайдеггер. – М.: Наука, 1991. – 237 с.

406. Халанский М. Г. Из заметок по истории русского литературного языка. О присловиях: -стани, -ста, -сте и су (съ) / М. Г. Халанский. – СПб.: Изв. отд. рус. яз. и словесности Имп. АН, 1899. – Т. IV. – Кн. 1. – С. 265–276.

407. Хан-Пира, Эр. Оказициональные элементы в современной речи / Хан-Пира Эр. // Стилистические исследования. На материале русского языка. – М., 1992. – С. 245–317.

408. Хан-Пира, Эр. Мистицизм звука / Эр. Хан-Пира. – М.: Сфера, 1997. – 328 с.

409. Харченко, В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова / В. К. Харченко // Русский язык в школе. – 1976. – № 3. – С. 37–44.

410. Хидешели, А. А. Сравнение в романе «Преступление и наказание». Труды Тбилисского гос. ун-та / А. А. Хидешели // Серия филологических наук. – 1964. – Т. 98. – С. 235–244.

411. Ховалкина, А. А. Является ли слово «почти» наречием степени? / А. А. Ховалкина // Русский язык в школе. – 1994. – № 2. – С. 90–91.

412. Ховалкина, А. А. К вопросу об описании строевых единиц (на материале функционально-семантического поля указателей малой величины признака) / А. А. Ховалкина // Русский язык: Исторические судьбы и современность: Междун. конгресс исследований русского языка: тр. и материалы. – М.: изд-во МГУ, 2001. – С. 150–151.

413. Хованская, З. И. Стилистика французского языка / З. И. Хованская. – М.: Просвещение, 1984. – 344 с.

414. Червенкова, И. В. О показателях меры признака (на материале современного русского языка) / И. В. Червенкова. – София, 1975. – 142 с.

415. Черемисина, М. И. Сравнительные конструкции русского языка / М. И. Черемисина. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1976. – 187 с.

416. Черкасова, Е. Т. О союзном и несоюзном употреблении слов типа «будто», «словно», «точно» и т. п. в сравнительных конструкциях / Е. Т. Черкасова // Памяти Виктора Владимировича Виноградова: сборник. – Минск: Наука, 1971. – С. 23–43.

417. Чернова, Н. В. Высказывания с частицей *оно* в русском языке / Н. В. Чернова // Семантика лексических и грамматических единиц: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МПУ, 1995. – С. 155–157.

418. Чернышева, А. Ю. Проблемы функционирования частиц в сложном предложении: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ю. Чернышева. – М., 1997. – 44 с.

419. Чиркина, И. П. Грамматическая омонимия сравнительных союзов и частиц в современном русском языке / И. П. Чиркина // Вопросы морфологии, синтаксиса русского языка и методики его преподавания. – Пермь, 1965. – С. 21–30.

420. Чирков, Н. М. О стиле Достоевского / Н. М. Чирков. – М.: изд-во АН СССР, 1963. – 300 с.

421. Чистякова, Л. М. Частицы в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Чистякова. – Л., 1949. – 11 с.

422. Чичерин, А. В. Поэтический строй языка в романах Достоевского / А. В. Чичерин // Творчество Ф. М. Достоевского. – М.: изд-во АН СССР, 1959. – С. 417–445.

423. Чичерин, А. В. Идеи и стиль. О природе поэтического слова / А. В. Чичерин. – М.: Наука, 1965. – 136 с.

424. Чичерин, А. В. Идеи и стиль / А. В. Чичерин. – 2-е изд. – М.: Советский писатель, 1968. – 376 с.

425. Чо Хе Кюн. Проблема трагического и комического. На материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот»: дис. ... канд. филол. наук / Чо Хе Кюн. – М., 2002. – 189 с.

426. Чулков, Г. И. Как работал Достоевский / Г. И. Чулков. – М.: Советский писатель, 1939. – 340 с.

427. Шанский, Н. М. Современный русский язык. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.

428. Шанский, Н. М. Филологический анализ художественного текста: пособие для студ. филол. фак-ов пед. вузов / Н. М. Шанский, Ш. А. Махмудов. – СПб.: Специальная литература, 1999. – 319 с.

429. Шапиро, А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров / А. Б. Шапиро. – М.: изд-во АН СССР, 1953. – 349 с.

430. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М.: Учпедгиз, 1941. – 346 с.

431. Шаховский, В. И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики / В. И. Шаховский // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. – Рязань, 1975. – Вып. 2. – С. 58–69.

432. Шаховский, В. И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи / В. И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 32–39.

433. Шведова, Н. Ю. К изучению русской диалогической

речи. Реплики-повторы / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1956. – № 2. – С. 27–32.

434. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М.: изд-во АН СССР, 1960. – 377 с.

435. Шведова Н. Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н. Ю. Шведова, А. С. Белоусова. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – 297 с.

436. Широкова, Н. А. Сравнительные частицы в современном русском литературном языке / Н. А. Широкова // Ученые записки Казанского ун-та. – Т. 117. – Кн. 2. – Казань, 1957. – С. 85–97.

437. Шелякин, М. А. О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке / М. А. Шелякин // Ученые зап. Тартус. ун-та. – Тарту, 1978. – Вып. 442. – С. 119–129.

438. Шмелев, Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1976. – 311 с.

439. Штайн, К. Е. О функциях и значениях частиц «чуть было не», «чуть не», «едва не» / К. Е. Штайн // Неполноязычные слова. – Вып. 3. – Ставрополь, 1978. – С. 79–102.

440. Штайн, К. Е. Переходность и синкретизм в свете деятельности концепции языка / К. Е. Штайн // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: сб. ст. науч.-метод. семинара TEXTUS. – Вып. 71. – Ставрополь: изд-во СПУ, 2001. – С. 11–26.

441. Штокмар, М. П. Исследования в области русского народного стихосложения / М. П. Штокмар. – М.: изд-во АН СССР, 1952. – 423 с.

442. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 63–84.

443. Щербаков, А. В. Градация как стилистическое явление современного русского литературного языка / А. В. Щербаков. – М.: ПроСофт, 2003. – 229 с.

444. Щур, М. Г. Частицы / М. Г. Щур // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Дрофа, 1997. – С. 621–622.

445. Щур, М. Г. Словарное представление русских частиц, их классификация и функционирование: дис. ... канд. филол. наук / М. Г. Щур. – М., 1999. – 313 с.

446. Эйхенбаум, Б. М. О прозе. О поэзии / Б. М. Эйхенбаум. – Л.: Советский писатель, 1986. – 404 с.

447. Этов, В. И. Принципы речевой выразительности у Достоевского / В. И. Этов. – Русский язык в школе. – 1971. – № 4. – С. 10–17.

448. Юдин, Ю. И. Критика былинного текста с точки зрения закономерностей синтаксического построения былинной строки / Ю. И. Юдин // Поэтика и стилистика русской литературы. – Л.: Наука, 1971. – С. 61–84.

449. Южакова, Ю. А. К вопросу о семантике частицы *же* / Ю. А. Южакова // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МПУ, 2002. – С. 74–78.

450. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Наука, 1975. – 286 с.

451. Януш, Е. В. Слово «точно» в толковых словарях русского языка / Е. В. Януш // Многоаспектность синтаксических единиц: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МПГУ им. В. И. Ленина, 1993. – С. 217–221.

452. Ярнатовская, В. Е. Выражение стилистического эффекта в немецкой разговорной речи / В. Е. Ярнатовская // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: респ. сб. научн. тр. – Горький, 1982. – С. 158–164.

453. Ясенский, С. Ю. XX век: Библиотека русской классической литературы / С. Ю. Ясенский. – СПб.: Северо-Запад, 2000. – 511 с.

454. Morris, C. W. Pragmatics of natural languages / C. W. Morris. – N. V., 1971.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

455. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

456. Большой словарь иностранных слов / Сост. А. Ю. Москвин. – М.: ЗАО «Изд-во Центрполиграф»; ООО «Полюс», 2002. – 816 с.

457. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 1536 с.

458. Большой толковый словарь русского языка: около 60 000 слов / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель: АСТ, 2004. – 1268 с.

459. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка: около 15 000 статей. Около 22 000 семантических единиц / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2004. – 814 с.

460. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

461. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.

462. Локшина, С. М. Краткий словарь иностранных слов / С. М. Локшина. – 5-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1976. – 351 с.

463. Лопатин, В. В. Русский толковый словарь / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М.: изд-во ЭКСМО, 2005. – 928 с.

464. Малинин, А. М. Латинско-русский словарь / А. М. Малинин. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. – 764 с.

465. Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: около 1200 единиц / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева [и др.] / Под ред. В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 432 с.

466. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

467. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: около 53 000 слов / С. И. Ожегов / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: Оникс; Мир и Образование, 2006. – 1200 с.

468. Рогожникова, Р. П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову / Р. П. Рогожникова. – М.: Русский язык, 1983. – 251 с.

469. Рогожникова, Р. П. Словарь эквивалентов слова. Наречные, служебные, модальные единства / Р. П. Рогожникова. – М.: Русский язык, 1991. – 254 с.

470. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

471. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – 703 с.

472. Словарь автобиографической трилогии М. Горького: в 6 вып. с прилож. словаря имен собственных / Основан проф. Б. А. Лариным. – Л.: изд-во Лен. ун-та, 1977. – Вып. 2. – 300 с., 1982. – Вып. 3 – 270 с.

473. Словарь наречий и служебных слов русского языка / Сост. В. В. Бурцева. – М.: Рус. яз.; Медиа, 2005. – VIII, 750 [10] с.

474. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988.

475. Словарь русского языка: около 57 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1989. – 750 с.

476. Словарь служебных слов русского языка / Авторы: А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова [и др.]. – Владивосток, 2001. – 363 с.

477. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР, Институт русского языка. – М.–Л.: изд-во АН СССР, 1954. – Т. 3. – Стлб. С. 537–538.

478. Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др. / Под ред. В. В. Морковкина. – М.: Лазурь, 1997. – 443 с.

479. Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / Авт.-сост. Е. Л. Гинзбург; гл. ред. Ю. Н. Караулов; Рос. акад. наук, ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2001. – 443 с.

480. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 696 с.

481. Убин, И. И. Словарь стилистических словосочетаний для русского и английского языков / И. И. Убин. – М.: Русский язык, 1974. – 302 с.

482. Частотный словарь русского языка: около 40 000 слов / Под ред. Л. Н. Засориной. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.

483. Шайкевич, А. Я. Статистический словарь языка Достоевского / А. Я. Шайкевич, В. М. Андрущенко, Н. А. Ребецкая / Рос. акад. наук, ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 832 с.

484. Шелякин, М. Л. Справочник по русской грамматике / М. Л. Шелякин. – М.: Русский язык, 1999. – 353 с.

485. Шимчук, Э. Словарь русских частиц / Э. Шимчук, М. Г. Щур; под ред. В. Гладрова. – Берлин, 1999. – 147 с.

Научное издание

МУМИНОВ Владимир Исмаилович

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ
В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»**

Монография

Корректор *В. А. Яковлева*
Верстка *Е. Ю. Иосько*

Подписано в печать 17.10.2011. Бумага «SvetoCopy»
Гарнитура «Georgia». Формат 60x84¹/₁₆
Тираж 500 экз. Объем 15 усл. п. л. Заказ № 717-11

Издательство Сахалинского государственного университета
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32
Тел. (4242) 45-23-16, тел./факс (4242) 45-23-17
E-mail: polygraph@sakhgu.sakhalin.ru